

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ «УДМУРТСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ» УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

На правах рукописи

Бобков Александр Анатольевич

**ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Специальность 07.00.07 «Этнография, этнология, антропология»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
профессор Г. А. Никитина

ИЖЕВСК
2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава I. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации.....	22
1.1 Система основных категорий.....	22
1.2 Политическая социализация в контексте политической культуры.....	38
1.3 Этнические аспекты политической социализации.....	50
Глава II. Роль этнического фактора в формировании среды политической социализации в постсоветской Удмуртии	81
2.1 Социально-политические процессы и институализация новой политической системы.....	81
2.2 Национальные движения в политической жизни полиэтнического региона.....	106
Глава III. Этнические аспекты политической социализации молодежи в Удмуртии.....	122
3.1 Значение социального окружения в процессе политической социализации	123
3.2 Основные стратегии и практики вовлечения молодежи в политическую жизнь страны	134
Заключение.....	165
Список литературы.....	173
Приложения	
Приложение 1.....	196
Приложение 2.....	201
Приложение 3.....	202

Введение

Актуальность исследования. Политическая социализация была и остается важной составляющей любого государства независимо от его социально-экономического и культурного уровня развития, поскольку именно она обеспечивает сохранение и передачу накопленного политического опыта новым поколениям, гарантирует трансмиссию государственных институтов, социальных практик, ценностей и норм, что в своей совокупности определяет стабильность и устойчивость всей политической системы.

Исследование этнических аспектов политической социализации особое значение приобретает при изучении обществ, охваченных трансформационно-модернизационными процессами. В этом отношении опыт Российской Федерации и ее субъектов, переживающих структурное изменение политической и экономической систем, деформацию социальных институтов, кризис ценностных ориентаций и острый идеологический вакуум, весьма важен. В конце 80-х – начале 90-х годов XX в. в России произошла смена политического режима, что привело фактически к ликвидации сложившейся системы политической социализации, при этом новая модель до сих пор еще не сформировалась. Современные проблемы в сфере политической социализации связаны с комплексным структурным кризисом, который переживает российское общество. В изучаемой сфере это проявляется в том, что старые советские политические ценности и нормы уже не соответствуют реально существующим общественным отношениям, а новые, основанные на демократических принципах, еще не утвердились в массовом сознании и поведении. Кроме того, этнический компонент политической социализации, которому не принято было уделять внимания в условиях советской социально-политической действительности, в начале 90-х годов XX в. выходит на одно из ведущих мест, а затем, в условиях социально-экономической стабилизации после 2000 г., на первый взгляд, постепенно

начинает деактуализироваться. Все это обуславливает необходимость качественного анализа факторов, механизмов и условий политической социализации, в том числе влияния этничности на этот процесс.

На современном этапе развития российского социума успешность построения демократического правового государства и формирования гражданского общества зависит прежде всего от участия в этом процессе молодежи, в том числе студенческой. Студенчество представляет особый интерес как группа, являющаяся своеобразным индикатором, отражающим противоречивый опыт социально-политических преобразований последних десятилетий. Учащаяся молодежь составляет примерно одну треть всей российской молодежи, при этом это самая ее образованная часть, будущая элита российского общества, которая уже в обозримом будущем будет определять лицо новой России. Еще одна причина, по которой изучение политической социализации в молодежной среде заслуживает особого внимания, заключается в том, что молодежь является самой восприимчивой и адаптивной частью российского общества. От того, какие ценности укоренятся в ней, будет зависеть вектор общественного развития и в итоге – успех демократических преобразований в стране. Поэтому перспективы реформирования российского общества и его политической сферы напрямую обусловлены вовлечением молодежи в политику и особенно студентов как наиболее образованной и социально активной ее части.

Очевидно, что в период серьезных модернизационных преобразований передача политического опыта от поколения к поколению зачастую бывает осложнена. Именно поэтому с научно-практической точки зрения большой интерес представляет изучение причин и особенностей мотивации социально-политической активности студенческой молодежи, определение ее потенциала, выражающегося в возможности и готовности участия в политической жизни общества.

Как известно, политическая социализация играет крайне важную роль в процессе усвоения обществом основ политической культуры. Эти две

научные категории в рамках политической антропологии (потестарно-политической этнографии) и политологии являются ключевыми для понимания специфики этнополитического развития того или иного социального организма. Этнический фактор в современных условиях продолжает играть важную роль в политической жизни России, что актуализирует необходимость его учета в политической жизни, в том числе в процессе политической социализации.

Все обозначенные выше проблемы в полной мере отражаются в развитии постсоветской Удмуртии. В современной удмуртской действительности спроецированы как общероссийские тенденции, так и локально-региональная специфика, обусловленная воздействием этнического фактора. В этом плане Удмуртия может рассматриваться как оптимальный регион для исследования этнического компонента политической социализации студенческой молодежи.

Объектом данного исследования является студенческая молодежь высших учебных заведений.

Предметом выступает этнический фактор политической социализации студенческой молодежи Удмуртской Республики.

Территориальные границы исследования включают Удмуртскую Республику (УР), являющуюся одним из типичных регионов России, которая в определенной мере отражает российскую полиэтничность, многонациональное и конфессиональное своеобразие в региональной миниатюре.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1995 по 2010 г. Выбор нижней хронологической границы обусловлен тем, что 7 декабря 1994 г. была принята Конституция Удмуртской Республики, определившая ее новый конституционно-правовой статус в составе Российской Федерации как парламентской республики. В 2000 г. по итогам референдума в конституцию были внесены поправки, и Удмуртия стала президентской республикой. Вместе с тем после изменения порядка выборов

высшего должностного лица и внесения соответствующих изменений в федеральное законодательство и конституцию региона произошло фактическое восстановление парламентской формы правления. В этой связи в работе охватывается период до 2010 г., позволяющий охарактеризовать изменение баланса сил в политической системе Удмуртии и отражения этого процесса в социально-политическом контексте на основании проведенных этносоциологических исследований и экспертных опросов.

Степень научной разработанности. Создание теории общей социализации личности как основы концепции политической социализации принадлежит известному французскому социологу Г. Тарду. В своей ключевой работе «Социальные законы» он впервые попытался описать процесс интернализации норм через социальное взаимодействие, положив в основу своей теории принцип подражания¹. Подражание, по его мнению, определяется не только биологическими и психологическими, но и социальными потребностями в повиновении, практической выгоде, престиже. Исследования Г. Тарда позволили ученым различных направлений в науке перейти к многофункциональному анализу процессов социализации, впоследствии составившему основу теории политической социализации.

Позднее появились и другие теории, основными из которых являются концепции Ж. Пиаже и Л. Кольберга, касающиеся этапов становления и развития духовного мира личности, форм и сроков освоения ею социальных требований, ожиданий, ценностей, начиная с раннего детства. Ж. Пиаже принадлежит открытие принципиального различия между мышлением взрослых и мышлением детей. Психологу удалось проследить закономерности генезиса взрослого мышления, обратив внимание на хронологическое совпадение оптимального срока усвоения социальных ценностей, норм поведения с биологическим развитием человека. Он выделил четыре стадии в развитии самопознания детей: 1) чувственно-

¹ Тард Г. Социальные законы. СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1901 [Электронный ресурс]. – URL: <http://glagolica.com/catalog.html>

двигательную, или сенсорно-моторную; 2) стадию «преддействия»; 3) «конкретного действия» и 4) «формального действия»¹. Развивая эти идеи, Л. Кольберг предложил детальную и методически разработанную теорию морального развития личности. Перечисленные теории объясняли то, как формируется личность благодаря самосознанию и взаимодействию между людьми, но не затрагивали социальную среду, в которой происходит становление личности.

Рассмотрение общетеоретических вопросов социализации в отечественной науке началось только во второй половине XX столетия. Ведущие исследователи Н. В. Андрееenkova, А. Г. Здравомыслов, И. С. Кон и др. разрабатывали социальные факторы социализации личности, делая упор на освоении ею социального опыта². Главная отличительная особенность работ отечественных исследователей заключалась в том, что личность в них рассматривается не как пассивный продукт воздействия со стороны общества, а как творец общественных отношений.

Долгое время внимание отечественных социологов и психологов было сосредоточено на социализации как воспитании в институционализированных образовательных системах. В работах В. Я. Нечаева, В. Д. Попова, М. Н. Руткевича, Л. Я. Рубиной и др. роль системы образования раскрывается в качестве необходимого связующего звена между молодежью и обществом, влияющего на общественные потребности и жизненные планы молодых людей³.

С 60-х годов XX в. в отечественной философско-социологической литературе В. Т. Лисовским, Б. Г. Рубиным, Ю. С. Колесниковым разрабатывается проблема студенчества, прежде всего его материальное

¹ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 118.

² Андрееenkova Н. В. Проблема социализации личности // Социальные исследования. Вып. 3. М., 1970; Здравомыслов А. Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986; Кон И. С. Социология личности М., 1967.

³ Нечаев В. Я. Социология образования. М., 1992; Попов В. Д. Образование, личность, общество. Саратов, 1979; Руткевич М. Н., Рубина Л. Я. Общественные потребности, система образования, молодежь. М., 1988.

положение, ценностные ориентации, особенности формирования личности студента и практическая деятельность¹.

Политическая социализация изучается многими науками, поскольку носит комплексный, междисциплинарный характер, и ее различные аспекты нашли отражение в работах политологов, социологов, психологов, философов. По этой причине на данный момент не сложилось общей для всех стран теории политической социализации личности. Среди большого разнообразия западных теорий можно выделить следующие, наиболее распространенные:

1) политический бихевиоризм (К. Халл, Б. Скиннер, А. Бандура и др.), который наиболее удачно зарекомендовал себя в изучении электорального поведения, политического участия и психологических характеристик политического поведения (установок, убеждений, других личностных факторов) и решал основную задачу использования в практических целях механизмов политической социализации;

2) структурный функционализм (Т. Парсонс, Р. Мертон) трактовал политическую социализацию как процесс обучения человека социальным ролям, которые ему необходимо выполнять в сфере политики, акцентируя внимание на взаимодействии человека с политической системой и ее институтами;

3) символический интеракционизм (Дж. Мид, Ч.Х. Кули), интерпретирующий личность как производную от того социального целого, к которому она принадлежит, и объясняющий социализацию индивида в политике через совместную групповую деятельность, в процессе которой индивид отождествляет себя со своей политической организацией;

4) психоаналитические теории (З. Фрейд и неотрейдисты Э. Фромм, Г. Маркузе, Т. Адорно) главное внимание уделяют исследованию бессознательных мотивов политической деятельности (политического

¹ Лисовский В. С. Советское студенчество: социологические очерки. М., 1990; Лисовский В. Т. Что значит быть современным. М., 1983; Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. Студент глазами социолога. Ростов н/Д., 1968.

протеста, контркультурного поведения), понимая политическую социализацию как скрытый процесс политизации чувств и представлений¹.

Все эти теории внесли свой вклад в исследование такого сложного и противоречивого процесса, как политическая социализация. Несмотря на различия в подходах, большинство ученых сходятся в том, что важнейшей функцией политической социализации является достижение личностью умения ориентироваться в политическом пространстве и выполнять определенные властные функции.

В отечественной науке первые публикации, посвященные этой теме, появились в 80-е гг. XX в. Особо следует отметить труды В. А. Щегорцова, Ю. А. Кириллова, в работах которых политическая социализация личности рассматривается в рамках проблемы формирования политической культуры в советском обществе посредством включения человека в систему политической деятельности и политических отношений общества, освоения накопленного человеческого опыта².

Событием в отечественной науке стала монография Е. Б. Шестопала «Личность и политика», посвященная анализу концепций политической социализации, разработанных в зарубежной политологии, социологии, психологии и философии к 80-м гг. XX столетия. Автор рассмотрел вопросы о месте личности в политической системе, о формировании ее политического поведения и сознания, бессознательных механизмах политической социализации³.

В силу практической значимости изучения процесса политической социализации некоторые исследователи затрагивают прикладные аспекты этой темы. Так, доктор философских наук В. В. Трошихин прослеживает

¹ Московичи С. Общество и теория в социальной психологии. М., 1984; Буржуазная философия XX века. М., 1974; Буржуазная социология на исходе XX века. М., 1986; Шиманский А. Три альтернативные социологические теории: Сравнительное исследование социологических систем Парсонса, Мертона и Маркса. М., 1969; Москвичев Л. М. Современная буржуазная социология знания. М., 1977; Бессознательное: Природа, функции, методы исследования : В 4 т. Тбилиси, 1978; Руткевич А. М. От Фрейда к Хайдеггеру. М., 1985; Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. М., 1977.

² Щегорцов В. А. Политическая социализация и политическая культура // Политическая наука и политическая практика М., 1984; Кириллов Ю. А. Политическая социализация личности в развитом социалистическом обществе. Воронеж, 1986.

³ Шестопал Е. Б. Личность и политика. М., 1988.

связь между политическим развитием личности и процессом ее политической социализации, а также обосновывает место и роль политической культуры в этом процессе: «В процессе политической социализации индивидов происходит их взаимодействие с обществом, а социальным механизмом, обеспечивающим эту связь, является политическая культура общества»¹. В своей монографии автор подчеркивает, что предпосылкой универсального развития индивида являются демократизация и гуманизация социально-политической системы в стране. Отдельные проблемы реформирования политической системы российского общества рассматриваются в сборнике статей под редакцией Т. Т. Тимофеева².

Из работ, представленных в периодической печати, следует выделить работы В. П. Чупрова, посвященные проблемам молодежи в переходный период развития российского общества и наиболее близкие к теме диссертационного исследования³.

За последние десять лет политический аспект социализации молодежи активно изучался политологами, о чем свидетельствует ряд диссертационных исследований⁴. В работах рассматриваются проблемы социализации молодого поколения, в том числе студенчества, приводятся результаты социологических опросов молодежи, проведенных в различных регионах России. В то же время следует отметить относительную немногочисленность этих работ, их территориально-хронологическую ограниченность. Этнические аспекты социализации молодежи в них рассматриваются косвенно.

¹ Трошихин В. В. Политическое развитие личности. Алма-Ата, 1990. С. 53.

² Социальные идеалы и политика в меняющемся мире : Сб. ст. / под ред. Т. Т. Тимофеева. М., 1992.

³ См., например: Социально-политический журнал. 1994. № 8. С. 144–154; Социально-политический журнал. 1996, № 6. С. 150–157.

⁴ Крайнова Н. В. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования её институтов : дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006; Мельников А. В. Политическая социализация молодежи в современной России: состояние и перспективы : дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2004; Рахимова Л. А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2006; Сабирзянова Ф. Р. Политическая социализация учащейся молодежи Республики Башкортостан на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2003; Темерьян А. А. Политическая социализация в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005; Федосеев Д. И. Политическая социализация студенческой молодежи (на материалах Ставропольского края) : дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2004.

Отдельного упоминания заслуживает монографическое исследование Н. А. Головина¹, в котором политическая социализация рассматривается как самостоятельное направление социологической науки, обладающее своей предметной областью, теоретическими подходами и методами. По мнению автора, отсутствие в государстве системы политической социализации представляет собой проблему, особенно актуальную в период реформирования, поскольку без формирования данной системы сложно говорить о будущем государства и общества. Несомненным достоинством работы Н. А. Головина является то, что в ней проанализированы важнейшие стороны не только политической социализации молодежи, но и ресоциализации старших поколений в кризисные 1992–2000-е гг.: формирование новой политической идентичности, влияние социально-экономической адаптации на усвоение политических ценностей и идеологий, становление партийно-политических ориентаций.

Учеными Удмуртской Республики подробно рассмотрены вопросы этнической социализации молодежи, этнопедагогики, проблемы этнической и языковой идентификации подростков². Изучались политические установки и ценностные ориентиры различных групп молодежи региона³. В то же время проблемы политической социализации студенческой молодежи высших учебных заведений региона не становились предметом специальных исследований.

¹ Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004.

² См., например: Воронцов В. С. Проблемы национальной и языковой идентификации подростков из этнически смешанных семей Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 45–48; Воронцов В. С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным социологических исследований) // Об этнической психологии удмуртов. Ижевск : УИИЯЛ, 1998. С. 117–130; Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск, 1997; Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности. Ижевск, 2008; Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

³ Белорукова Г. П. Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества (опыт этносоциологического изучения) // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 22–30; Клейн Д. Г. Динамика этнокультурных ценностей студентов вузов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 31–38; Христолюбова Л. С. О политических ориентациях учащейся молодежи Ижевска // Об этнической психологии удмуртов : Сб. статей. Ижевск, 1998.

Более подробно теоретические взгляды зарубежных и отечественных исследователей по вопросам политической социализации, этничности рассмотрены в первой главе диссертационного исследования.

На основании изложенного выше можно отметить, что если вопросы социализации личности в отечественной обществоведческой науке достаточно разработаны, то проблемы политической социализации молодежи, в том числе студенческой, нуждаются в дальнейшем изучении. Отсутствуют серьезные исследования проблем политической социализации студенчества в период реформирования российского общества, которые учитывали бы основные механизмы (на социальном, социально-психологическом и внутриличностном уровнях) и факторы взаимодействия личности и политической системы как собственно политического (политический режим, политические институты, партии, организации и т. д.), так и неполитического (например, система образования, в том числе вузы, СМИ и др.) характера. Сложный процесс политической социализации наиболее плодотворно может быть изучен на региональном уровне, что позволит выявить этнические особенности процесса политической социализации студенческой молодежи в современных условиях. Не случайно разрабатываемая на федеральном уровне программа «Россия на пороге XXI века и молодежь» в качестве обязательного условия ее реализации отмечает разработку соответствующих программ в субъектах РФ, основанных на изучении реальных тенденций социального развития современной молодежи.

Таким образом, актуальность, недостаточная разработанность, теоретическая и практическая значимость изучения этнического фактора в контексте политической социализации студенческой молодежи определили выбор темы диссертационного исследования.

Целью исследования является анализ этнического компонента политической социализации студенческой молодежи высших учебных заведений современной Удмуртии (на примере трех основных этнических групп: русских, удмуртов и татар).

Исходя из цели исследования, определены наиболее важные **задачи**:

1. Анализ и обобщение теорий политической социализации и ее этнических аспектов, изучение вопросов, связанных с ролью института политической социализации в современном российском обществе в условиях модернизационных и глобализационных процессов.

2. Характеристика основных тенденций общественно-политического развития Удмуртии в рамках трансформации политической системы, политического и этносоциального развития.

3. Выявление и раскрытие этнических компонентов политической социализации молодежи Удмуртии в контексте этнической мобилизации, электорального поведения и этносоциального представительства в органах власти и управления.

Источниковая база диссертационного исследования носит комплексный характер и состоит из неопубликованных и опубликованных источников.

К **неопубликованным источникам** относятся данные текущего архива Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики, содержащие информацию об этническом представительстве в органах государственной власти и местного самоуправления, а также материалы личных бесед с руководителями политически ориентированных молодежных организаций и национальных общественных молодежных объединений Удмуртской Республики: регионального отделения Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия Единой России» (Д. В. Покрас), республиканского комитета «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» (Р. Л. Чурин), молодежной общественной организации «Шунды» (Ю. Г. Никитина), республиканской молодежной общественной организации «Союз татарской молодежи «Иман» (Г. Н. Нургалиева), региональной молодежной общественной организации «Союз русской молодежи УР «Спас» (О. Е. Расчиславская), молодежного парламента УР (А. Э. Макаров).

Источниковую базу дополнили интервью с экспертами Министерства национальной политики УР (первый замминистра Л. Н. Буранова, замминистра, вице-президент Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш» Т. В. Ишматова), депутатами Государственного Совета УР различных созывов (А. Г. Красильников, А. И. Гальцин, С. К. Смирнова), руководителями ведущих вузов республики, а также отдельными активными представителями этнических групп Удмуртии. Материалы бесед помогают раскрыть основные принципы и пути вовлечения молодых людей в политические партии, выявить роль национальных общественных организаций в процессе политической социализации, позволяют проанализировать политическую ситуацию в регионе, показать специфику электорального поведения населения республики, особенности этнического представительства в органах власти и управления, отражают взгляд представителей политической и культурной элиты на политическую активность молодежи. Собранные материалы были обработаны, систематизированы и сданы в научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН в количестве 86 листов¹.

При проведении исследования значительный источниковый интерес представляли документы, регламентирующие научно-образовательную и воспитательную деятельность в наиболее крупных вузах республики². Данные, содержащиеся в них, позволяют проследить механизмы приобщения студентов к политической жизни страны, оценить роль учебных заведений в процессе политической социализации молодежи и формирования активной жизненной позиции. Кроме того, они содержат фактический материал по профессорско-преподавательскому составу, количеству студентов, учебным программам.

¹ Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ УрО РАН), Рукописный фонд. Опись 2-Н, Дело 1576. Кол-во листов 86.

² Концепция внеучебной и воспитательной работы в УдГУ на основе формирования гуманитарной среды вуза (2009–2012 гг.) [Электронный ресурс]. – URL: <http://v4.udsu.ru/default/index>; Концепция воспитательной деятельности ИжГТУ на 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istu.ru/>

К неопубликованным источникам относятся также материалы авторского этносоциологического исследования, проведенного с сентября 2007 по апрель 2008 года, специально посвященного выявлению влияния этнического фактора на политическую социализацию в среде студенческой молодежи. В ходе исследования было опрошено 1184 студента очной формы обучения ведущих вузов Удмуртской Республики (ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»; ГОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет», ФГОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия», ФГОУ ВПО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия»)¹. Выбор учебных заведений обусловлен их лидирующим положением в образовательном пространстве региона по количеству студентов и степени влияния на социум. Выборка – целевая, гнездовая, неповторная.

В начале 2011 г. совместно с отделом исторических исследований УИИЯЛ УрО РАН было проведено этносоциологическое исследование по изучению степени радикализации студенческой молодежи Удмуртской Республики в связи с массовыми выступлениями, прошедшими 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве. Было опрошено 699 студентов ведущих вузов региона в возрасте старше 17 лет, опрос проводился методом случайной неповторной квотной выборки, что обеспечило необходимую степень репрезентативности исследования. В данной работе автор использовал материалы, касающиеся участия молодых людей в молодежных организациях, выбора форм борьбы при отстаивании своих интересов, готовности к участию в публичных акциях протеста, ценностных ориентиров молодежи. Данные вышеперечисленных исследований позволяют сравнить

¹ Количество опрошенных распределилось следующим образом: студентов ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» – 269 человек, ГОУ ВПО «Ижевский государственный технический университет» – 199, ФГОУ ВПО «Ижевская государственная медицинская академия» – 227, ФГОУ ВПО «Ижевская государственная сельскохозяйственная академия» – 489. Половозрастной состав: муж. – 37 %, жен. – 63 %; до 18 лет – 19 %, 18–20 лет – 57 %, 21–24 года – 23 %, 25–30 лет – 1 %.

этнокультурные и общественно-политические процессы, идущие в молодежной среде УР в последние годы.

Среди **опубликованных источников** основное место занимают материалы средств массовой информации («Удмуртская правда», «Известия Удмуртской Республики», «АиФ в Удмуртии», «Удмурт дунне» (в т. ч. молодежное приложение «Дарт»)) и сети Internet (сайт «Сусанин» susanin.udm.ru, сайт iloveizhevsk.ru, официальный сайт УР udmurt.ru), содержащие фактические данные: результаты выборов в законодательные органы, статистические данные, показатели социально-экономического развития республики и т. д. Республиканская периодика содержит также богатые аналитические материалы, отражающие видение политических процессов различными слоями общества и позволяющие проследить реакцию молодежи на важные события политической жизни. Кроме того, в печатных СМИ освещаются события, происходящие в молодежной среде, затрагиваются проблемы, актуальные для молодежи, в том числе проведение досуга, трудоустройство, рост наркомании, алкоголизма, ксенофобии и др.¹. Большое количество публикации посвящено работе с молодыми людьми политических партий, государственных органов, общественных организаций, образовательных структур региона, что позволяет проследить основные направления государственной молодежной политики². В частности, значительное количество публикаций посвящено развитию молодежного парламентаризма в Удмуртской Республике³.

Для характеристики институциональных аспектов проблемы важную роль имело изучение нормативно-правовых актов (конституций и законов,

¹ См., например: Санникова С. Под знаком «V» // Удмуртская правда. 2009. № 139. С. 7.; Пузанова Н. Нам никуда не деться друг от друга // Удмуртская правда. 2006. № 38. С. 6.

² См., например: Васильева Е. Молодежь: время выбирать // Удмуртская правда. 2005. № 113. С. 1.; Зуев И. Молодежные инициативы будут поддержаны // Удмуртская правда. 2006. № 19. С. 1.; Зуев И. Форум «Молодой гвардии» // Удмуртская правда. 2006. № 82. С. 1.; Жигалова Э. Как работать с молодежью // Удмуртская правда. 2006. № 125. С. 2.

³ Жигалова Э. Лидеры во всех смыслах в следующем году войдут в молодежный парламент Удмуртии // Удмуртская правда. 2008. № 133. С. 2.; Лесовой А. Молодая парламентская гвардия // Удмуртская правда. 2009. № 212. С. 3.; Суворова В. Они готовы влиять на культурную политику // Удмуртская правда. 2009. № 140. С. 2.

актов глав государства и правительств)¹, а также уставов и программ политических партий, которые в совокупности помогли охарактеризовать формальные моменты формирования органов власти и управления, сравнить и проанализировать уставные цели и задачи политических партий и национальных общественных объединений, оценить характер их деятельности в ходе политической социализации.

Методология исследования основана на междисциплинарном подходе с использованием как общенаучных, так и частнонаучных методов этнополитологии, политологии, этнологии, политической антропологии, социологии. Подобный методологический подход обусловлен тем, что в отечественной и зарубежной науке политическая социализация изучалась прежде всего в рамках философии, политологии, этнополитологии, социологии, потестарно-политической этнографии и политической антропологии. Теоретической основой диссертации стали концептуальные труды отечественных и зарубежных исследователей, изучавших различные аспекты политической социализации.

Исследование этнического компонента политической социализации было проведено через характеристику закономерностей трансформации политической системы России и Удмуртии, а также процесса формирования и функционирования национальных движений. Это потребовало привлечения теоретико-методологических выводов классиков политической науки Д. Истона и Г. Алмонда (теория «политической системы»), Г. Алмонда и С. Вербы (теория «политической культуры»).

Основой работы стали диалектический и исторический методы исследования модернизации политической системы и ее влияния на

¹ См., например: Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы» // Собрание Законодательства РФ. 2005. № 29. Ст. 3064.; Закон УР от 8 июня 2000 г. № 177-П «О Президенте Удмуртской Республики» (с изменениями и дополнениями); Положение о молодежном парламенте при Государственном Совете Удмуртской Республики / Утверждено постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 31 марта 2009 г. № 249-IV; Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями); Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (с изменениями и дополнениями)

политическую социализацию молодежи. Институциональный метод применялся для выявления сущности и структуры политической системы общества. Методы структурно-функционального и системного анализа позволили выявить роль политической социализации в условиях модернизации политической системы России и Удмуртии и реформирования ее политических институтов. Сравнительный метод применялся для выявления взаимодействия отдельных институтов политической социализации в условиях их развития на современном этапе.

Основными методами исследования были этнографические – сравнительно-исторический, метод включенного наблюдения и экспертных оценок. При помощи сравнительно-исторического (историко-генетического) метода были изучены региональные особенности института политической социализации, проявляющиеся в политической, социальной, духовной сферах жизни общества. Выявление воздействия этнического фактора на политическую социализацию на локально-региональном уровне во многом стало возможно благодаря использованию метода экспертных оценок и включенного наблюдения.

Эффективным оказалось использование сравнительно-правового и формально-юридического методов для выявления формальных процедур формирования органов власти и управления в зависимости от политико-правовых традиций.

Использование результатов этносоциологического опроса позволило выявить воздействие этнического фактора на политическую культуру и политическую социализацию студенческой молодежи современной УР.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое исследование, в котором на основе теоретического обобщения и систематизации данных о политической социализации, корпуса оригинальных этносоциологических материалов предпринята попытка показать воздействие этнического фактора на процесс политической социализации студенческой молодежи УР. Полученные данные с

определенной долей условности могут быть экстраполированы на общероссийскую действительность. На примере Удмуртии исследовано и выявлено влияние этнического фактора на политическую систему в целом и на процесс политической социализации в частности. Таким образом, на региональном уровне изучены основные предпосылки и условия сохранения и воспроизводства этнического компонента в политической жизни общества на современном этапе.

Научно-практическая значимость исследования состоит в разработке проблемы воздействия этнического фактора на процесс политической социализации студенческой молодежи в Удмуртии. Систематизированные материалы и выводы автора могут быть использованы при разработке общих и специальных учебных курсов по политологии, этнополитологии, этнографии, политической антропологии. Отдельные аспекты диссертации в виде практических рекомендаций могут быть предложены органам государственной власти и управления, политическим партиям и иным общественным организациям для учета этнического компонента в своей деятельности, выработке и реализации кадровой и национальной политики, их оптимизации и гармонизации.

Основные положения, выносимые на защиту

1. Этнический фактор играет важную роль в политической сфере жизни современного общества, поскольку через политическую социализацию оказывает опосредованное воздействие на основные ценности и установки, транслируемые политической культурой.

2. На общероссийском уровне отмечено некоторое снижение роли этнического фактора. Однако на региональном уровне этничность продолжает оставаться одним из ключевых элементов политической социализации. В отсутствие действенной модели политической социализации основную роль агентов политической социализации продолжают выполнять традиционные институты, связанные с этническим фактором.

3. Этнический фактор способствует формированию политических субкультур, которые в условиях современной России не носят разобщающего характера, скорее, дополняют и привносят политическое разнообразие в политику, вынужденную учитывать реалии многонационального государства.

4. Политические предпочтения, уровень политической культуры и участия современной студенческой молодежи в политической жизни являются зеркальным отражением проблем переходного периода в развитии российской политической системы и становлении новой политической культуры. Это обстоятельство отчасти определяет молодежную инертность и безынициативность, поскольку молодежь дезадаптирована и нуждается в публично-властном артикулировании и усвоении новых демократических стандартов и ценностей, отличных от продолжающих бытовать советских представлений и стереотипов.

Апробация основных положений работы. Основные положения диссертационного исследования нашли отражение в шести публикациях по теме диссертации, в том числе в двух изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Бобков А. А.* Процессы политической социализации в высшей школе // Высшее образование в России. 2008. № 4. С. 123–126.

2. *Бобков А. А.* Проблемы политической социализации в высшей школе // Молодежь и будущая Россия : Материалы Третьей Всерос. науч.-практич. конф. : Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Редкол. : Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) и др. – М., 2008. С. 110–113.

3. *Бобков А. А.* Особенности адаптации современной молодежи (на примере Удмуртской Республики) // Вестник РУДН. Серия «История России». 2009. № 5. С. 46–52 (в соавт.)

4. *Бобков А. А.* Особенности политической социализации студенческой молодежи в полиэтничном регионе (на примере Удмуртской Республики) // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2010. № 1. С. 40–49 (в соавт.).

5. *Бобков А. А.* Этнический фактор в политической социализации студентов вузов г. Ижевска // Научное обеспечение инновационного развития АПК : Материалы Всеросс. науч.-практич. конф. В 4 т. Т. 2. / ФГОУ ВПО ИжГСХА. – Ижевск : ФГОУ ВПО ИжГСХА, 2010. С. 238–247.

6. *Бобков А. А.* Социальное окружение в процессе политической социализации молодежи в Удмуртии (к вопросу о воздействии этнического фактора) // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность : Материалы III Всерос. (XI Межрег.) конф. историков-аграрников Среднего Поволжья (Ижевск, 17–19 октября 2010 г.). – Ижевск : Изд-во «Удмуртский университет», 2010. С. 66–70.

Основные идеи, выводы и положения апробированы на Всероссийских научно-практических конференциях: «Молодежь и будущая Россия» (Москва, 2008), «Научное обеспечение инновационного развития агропромышленного комплекса» (Ижевск, 2010), «Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность» (Ижевск, 2010) и II Международной очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 80-летию УГПИ – дГУ, «Государственное и муниципальное управление: теория, история, практика» (Ижевск, 2011).

Диссертационное исследование выполнено в отделе исторических исследований Учреждения Российской академии наук «Удмуртский институт истории, языка и литературы» Уральского отделения РАН, обсуждено на расширенном заседании отдела исторических исследований и кафедры этнологии и регионоведения исторического факультета ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» 16 декабря 2010 г.

Структура исследования обусловлена поставленной целью и решаемыми задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. В приложения вынесен инструментарий исследования: анкеты и списка вопросов для интервьюирования.

Глава I. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации

1.1 Система основных категорий

Проблемы социализации – традиционный предмет изучения различных наук, прежде всего общественных. Каждая научная дисциплина рассматривает ее с позиций собственной объектно-предметной сферы, и это только подтверждает тот факт, что попытки рассмотреть процесс социализации без учета социальной, экономической и политической ситуации, в которой находится изучаемое общество, – занятие малопродуктивное. Поэтому и политическую социализацию необходимо исследовать комплексно, с учетом влияния на личность многообразных факторов¹.

В этой связи проанализируем одну из основополагающих категорий, необходимых для полного понимания процесса социализации, – понятие «личность». Несмотря на множество существующих определений данного понятия, они схожи в том, что личность – это результат процесса воспитания и самовоспитания человека, результат и продукт общественного воздействия. Обычно выделяют три стадии развития личности: индивид, индивидуальность, личность. Индивидом является любой человек по праву рождения, как представитель биологического вида *Homo Sapiens*. Индивидуальностью обладает индивид, показавший свою особенность, чем-то выделившийся из ряда биологически равных ему индивидов. Наконец, личность – это индивидуальность, поставившая себя на службу определенной социальной среде, как бы награжденная званием «личность» данной средой². Не случайно один из выдающихся отечественных психологов А. Н. Леонтьев отмечал, что «личностью не рождаются, а становятся». При этом различные

¹ Мельников А. В. Политическая социализация молодежи в современной России: состояние и перспективы : дис. ... канд. полит. наук. Орел, 2004.

² Ольшанский Д. В. Политическая психология. СПб., 2002. С. 146.

общественные дисциплины могут рассматривать данную категорию с разных позиций, с учетом внутренней логики.

В философии личность трактуется, с одной стороны, как «устойчивая система социально-значимых черт, характеризующих индивида как члена того или иного общества, общности», с другой как «индивидуальный носитель этих черт, как свободный и ответственный субъект сознательной волевой деятельности»¹.

В психологической науке «личность» понимается как социально-психологическая сущность человека, формирующаяся в результате усвоения человеком общественных форм сознания и поведения, общественно-исторического опыта человечества.

«Личность» в социологической науке выступает как «целостность социальных свойств человека, продукт общественного развития и включения индивида в систему социальных отношений посредством активной предметной деятельности»². Таким образом, социологами личность не мыслится вне социальной системы общества.

Подводя некоторый итог, можно отметить, что «личность» – это особое качество человека, формируемое в социокультурной среде. Очевидно, что на протяжении своей жизни человек приобретает и проверяет знания о социально-политических ценностях, нормах и правилах жизнедеятельности в обществе. Процесс приобщения индивидов к существующим нормам и культурным ценностям называется социализацией (от лат. *socialis* – общественный).

Понятие «социализации» было введено американским социологом Ф. Гидденсом, который понимал под ним «процесс развития социальной природы человека». В дальнейшем в американской и западноевропейской социальной психологии сформировалось несколько направлений.

¹ Кон И. С. Личность // Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 313.

² Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. М., 1998. С. 132.

В рамках первого направления сущность социализации интерпретируется как приспособление человека с врожденными качествами и инстинктами к условиям существования в обществе. Сторонники этого направления З. Фрейд и К. Юнг, анализируя влияние бессознательного на деятельность индивида, видели в ней (имея в виду и политическую социализацию) скрытый процесс политизации чувств и представлений людей¹.

Второе направление, представленное в трудах представителей бихевиоризма и необихевиоризма (Б. Скиннера, А. Бандуры, Д. Уотсона и др.), социализацию рассматривает в качестве процесса социального научения, т. е. приоритет отдается влиянию активного общественного организма, воздействующего на активную личность².

Первые отечественные работы, посвященные комплексному исследованию проблем социализации, датируются второй половиной 60-х годов XX в. При определении дефиниции «социализация» в них указывалось прежде всего на то, что это процесс усвоения социальных норм и ценностей, процесс вхождения в социальную среду. Б. Д. Парыгин, например, считает, что социализация – это вхождение в социальную среду, приспособление к ней, освоение определенных ролей и функций, которые вслед за своими предшественниками повторяет каждый отдельный индивид на протяжении всей истории своего формирования и развития³. Подобный подход поддерживается И. С. Коном. Для него социализация – это влияния среды в целом, которые приобщают индивида к участию в общественной жизни, учат его пониманию культуры, поведению в коллективах, утверждению себя и выполнению различных социальных ролей⁴. Под влиянием среды И. С. Кон подразумевает воздействие социальной общности на человека через людей –

¹ См. подробно: Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. Минск : Попурри, 1999.; Юнг К. Г. Психологические типы : пер. с нем. СПб., 1995; Фромм Э. Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. М.; 1995.

² См. подробно: Марцинковская Г. Д., Ярошевский М. Г. 100 выдающихся психологов мира. М. ; Воронеж, 1996. С. 214–214, 246–248.

³ Парыгин Б. Д. Основы социально-политической теории. М., 1971. С. 10–15.

⁴ Кон И. С. Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. М., 1988. С. 133.

агентов социализации (социализаторов) и учреждений, воздействующих на процесс социализации (институтов социализации). Агенты и институты социализации делятся на первичные и вторичные. К первичным относятся те, кто составляют непосредственное окружение человека: члены семьи, школьный коллектив, родственники, сверстники и т. д. Термин «вторичная» охватывает тех, кто оказывает опосредованное, менее важное для человека влияние. Контакты с ними происходят реже, обычно они непродолжительны. Вторичные агенты социализации (их еще называют институтами, так как они представлены формальными организациями и учреждениями) – это административные лица, члены партий, служители церкви, сотрудники СМИ и т. д. Агенты по характеру влияния на ребенка могут быть подразделены на опекунов, осуществляющих уход за ребенком, удовлетворяющих его физические и эмоциональные потребности; авторитетов, на собственном примере прививающих ребенку культурные ценности и нормы; дисциплинаторов, распределяющих наказания; воспитателей, целенаправленно обучающих ребенка; компаньонов, участвующих в совместной с ребенком деятельности на более или менее равных правах; сожителей, проживающих в одном доме¹. Таким образом, социализация рассматривается как двусторонний процесс, включающий в себя как усвоение индивидом социального опыта путем вхождения в социальную среду, так и воспроизводство им системы социальных связей в ходе своей деятельности.

Как видим, термин «социализация» многозначен и его интерпретация многими авторами различна. Однако данный феномен характеризует процесс интеграции индивида в общество, в различные типы социальных групп и социальных структур путем усвоения им элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются социально значимые черты личности². Подобная многозначность находит свое отражение в том,

¹ Кон И. С. Ребенок и общество... С. 27.

² Мельников А. В. Указ. соч. С. 16–17.

что в научной среде употребляются термины, использование которых вызвано необходимостью описания различных аспектов социализации. Так, часто термины «воспитание» и «социализация» используют в качестве синонимов, поскольку в обоих случаях у человека вырабатываются определенные социальные черты, прививаются общественные нормы и ценности. Однако воспитание имеет определенные отличия, и очень четко данные отличия выразил И. С. Кон: «Социализация – тезка русскому слову «воспитание», значение которого несколько шире английского, несмотря на их тождественную этимологию. Но воспитание подразумевает, прежде всего направленные действия, посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства, тогда как социализация, наряду с воспитанием, включает ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества»¹. Таким образом, понятие «социализация» шире понятия «воспитание» и охватывает не только целенаправленное планомерное педагогическое воздействие на молодого человека, но и неявные влияния на него социальной среды (например, через СМИ, а также активно развивающуюся сеть Интернет) и их результаты, а также деятельность самого индивида в личностном развитии.

Вместе с социализацией используется понятие «адаптация», что вполне естественно, так как сам процесс роста, развития индивида является своего рода адаптацией, приспособлением к имеющимся жизненным условиям. В самом широком смысле слова адаптация – это процесс приспособления организма к изменяющимся внешним условиям. По мнению Н. А. Головина, значение адаптации очень резко возрастает в эпоху перемен, поскольку в это время индивид вынужден активно искать новые стратегии приспособления к жизни, вплоть до изменения идентичности, выработки новых социальных ценностей и личностных качеств². Термин «социальная адаптация» (а также

¹ Кон И. С. Ребенок и общество... С. 134.

² Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004. С. 20.

схожее с ним по смыслу понятие «социокультурная адаптация») в последнее время особенно активно используется этнологами и социологами в процессе исследования форм и методов включения групп мигрантов и вынужденных переселенцев в принимающее общество, степени восприятия ими местной культуры. М. Н. Губогло под данным термином понимает приведение поведения мигрантов в соответствие с бытующими в данном социуме, ареале, новом этническом окружении нормами поведения и ценностями¹. А социально-экономическая адаптация употребляется в основном при рассмотрении особенностей приспособления населения к условиям изменяющейся рыночной среды. При этом под адаптивным поведением здесь чаще всего понимается такая совокупность действий индивида, цель которых – достижение определенного равновесия во взаимодействии с меняющейся социальной средой².

Ряд ученых, отмечая разнообразие методов воспитания в различных культурах, особо выделяет процесс вхождения ребенка в культуру своего народа. Так, М. Мид разграничила понятия «социализация» и «инкультурация», обозначая под первым «социальное научение вообще», а под вторым – «реальный процесс научения, как он происходит в специфической культуре»³. Более подробно процесс инкультурации рассмотрел М. Херцковиц. По его мнению, в ходе данного процесса индивид усваивает присущие культуре миропонимание и поведение (имеется в виду культура отдельного народа), в результате чего формируется его когнитивное, эмоциональное и поведенческое сходство с членами данной культуры и отличие от членов других культур. Процесс инкультурации начинается с самого рождения и совершается по большей части не в

¹ Губогло М. Н. Нравственная ответственность субъектов адаптации // VII Конгресс этнографов и антропологов России : докл. и выступления. Саранск, 9-14 июня 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков и др.; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. Саранск, 2007. С. 475.

² См. подробно: Готлиб. А. С. Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности/неуспешности // Социологические исследования. 2001. №7. С. 52; Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности. Ижевск. С. 34–35.

³ Кон И. С. Маргарет Мид и этнография детства // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М., 1988. С. 400.

специализированных институтах социализации, а под руководством старших, на собственном опыте. Конечным результатом такого процесса является человек, компетентный в культуре – языке, ритуалах, ценностях и т. п. В процессе же социализации, по мнению М. Херцковица, происходит интеграция индивида в человеческое общество, приобретение им опыта, который требуется для исполнения социальных ролей¹. Как следует из вышеизложенного, ученые с разных точек зрения разграничивают интересующие нас понятия, но при этом следует отметить, что процессы адаптации, инкультурации и социализации индивида протекают одновременно, и человек становится полноценным членом общества лишь в результате усвоения культуры, общественных норм, ценностей и моделей поведения.

Политическая социализация – термин, являющийся неотъемлемой составной частью понятия «социализация». В научный оборот данный термин был введен в конце 50-х годов прошлого века Г. Хьюменом и Д. Истоном. Классики теории политической социализации трактовали данный процесс как обучение человека специальным ролям, которые ему необходимо выполнять в сфере политики². В дальнейшем в политологии появилось множество понятий политической социализации. Например, Г. Алмонд предлагает понимать под политической социализацией процесс «формирования политических ценностей и передачи политической культуры от одного поколения к другому»³. Следует отметить, что подобные расхождения во взглядах на природу политической социализации объясняются тем, что данный процесс протекает как на уровне отдельного индивида, так и всего общества. Американский политолог К. Лингтон подразумевает под данным термином «ряд методов, с помощью которых общество передает свою политическую культуру из поколения в поколение. Этот процесс помогает сохранить традиционные политические нормы и

¹ См.: Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000. С. 103.

² Мельников А. В. Указ. соч. С. 14.

³ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 220.

институты»¹, а Н. Смелзер видит его как «процесс развития, в ходе которого дети и подростки воспринимают идеи, политическую позицию и поведение, типичные для данной общности»².

В отечественной науке категория «политическая социализация» стала применяться одновременно с институциональным оформлением политологии и политической социологии в конце XX века. Проблема политической социализации стала разрабатываться в работах политологов с учетом особенностей политических процессов на постсоветском пространстве, ростом разнообразия политических партий и движений, влиянием средств массовой информации, представляющих различные экономические, политические и социальные силы³. В целом исследования отечественных ученых идут в русле общемировых тенденций во взглядах на политическую социализацию, суть которой понимается как включение личности в политические отношения, общественно-политическую жизнь, властеотношения. В то же время существуют различные подходы к пониманию процесса политической социализации: от упрощенного «вовлечения личности в политику»⁴ до «усвоения личностью социального и политического опыта, накопленного обществом и сконцентрированного в культурных традициях, групповых и коллективных ценностях, нормах статусного и ролевого поведения»⁵. В большинстве своем политическая социализация оценивается как двусторонний процесс, при котором «с одной стороны, происходит усвоение индивидом политических норм, ценностей, образцов политического поведения общества, с другой – приобретение им нового политического опыта и политических ориентаций»⁶.

¹ Цит. по: Сказецкий А. Н. Проблемы политической социализации в современной англо-американской историографии. Магнитогорск, 1992. С.6.

² Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 659.

³ Рахимова Л. А. Политическая социализация молодежи: механизмы и модели : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2006. С. 16–17.

⁴ Темерьян А. А. Политическая социализация в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2005. С. 17.

⁵ Рубчевский К. В. Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. 2003. № 3. С. 149.

⁶ См., например: Крайнова Н. В. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования её институтов : дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006.

Социализация вообще и политическая социализация в частности – чрезвычайно сложные и разноуровневые процессы. Начинаясь с момента рождения человека, они продолжают всю его жизнь. При этом индивид проходит различные фазы жизненного пути, при которых роль факторов, агентов, институтов социализации может существенно меняться.

Существует несколько теорий социализации личности, где в выделении стадий социализации используются различные подходы. Рассмотрим наиболее распространенные из них и близкие к рассмотрению политической социализации.

Отечественные психологи Н. В. Андреев, Я. И. Гилинский предполагали, что усвоение социального опыта происходит, прежде всего, в ходе трудовой деятельности и отмечали три основные стадии: дотрудовую, трудовую и послетрудовую¹.

Теория социализации личности социологов Ч. Кули и Дж. Мида основана на том, что ребенок в процессе социального развития осваивает, «примеряет» на себя роли других людей. Данная периодизация включает в себя стадию имитации (дети неосознанно копируют поведение взрослых), игровую стадию (осознание своего поведения как исполнение определенных ролей взрослых), стадию коллективных игр (дети учатся осознавать ожидания не только близкого человека, но и всей группы, оценивать свое поведение по нормам и стандартам других людей).

Разработка стадий социализации личности по возрастному критерию достаточно полно осуществлена психологом Э. Эриксоном, положившим в основу своих взглядов взятый из биологии «эпигенетический принцип». По его мнению, человек в течение своей жизни постепенно проходит восемь этапов, в процессе которых путем последовательных преобразований он становится личностью².

С. 21; Рахимова Л. А. Указ. соч. С. 17; Федосеев Д. И. Политическая социализация студенческой молодежи (на материалах Ставропольского края) : дис. ... канд. полит. наук. Пятигорск, 2004. С. 16.

¹ Андреев Г. М. Социальная психология. М. Аспект Пресс, 1999. С. 276; Гилинский Я. И. Стадии социализации человека // Личность и общество IX / под общ. ред. Б. Г. Ананьева. Л., 1971. С. 52–55.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. С. 12–13.

Другой психолог, Ж. Пиаже, рассматривал социализацию с точки зрения психического развития индивида. Согласно его теории когнитивного обучения организм человека в процессе развития адаптируется к окружающей среде. И интеллект является стержнем развития психики, поскольку именно понимание, создание правильной схемы окружающего и обеспечивает адаптацию к внешнему миру¹. Согласно Ж. Пиаже на каждой стадии развития личности возникают новые познавательные навыки. Таких стадий он выделяет четыре: 1 – сенсомоторная (до 2 лет) – формируется способность надолго сохранять в памяти образы предметов окружающего мира; 2 – предоперациональная (от 2 до 7 лет) – дети начинают различать символы и значения, в конце ее они понимают разницу между символами предметов и самими предметами; 3 – стадия конкретных операций (7–11 лет) – ребенок учится совершать мыслительные операции, переносить в идеальный план те действия, которые ранее выполнял только руками; 4 – стадия формальных операций (12–15 лет) – подростки могут решать абстрактные задачи, осмысливать нравственные вопросы, строить планы на будущее².

Как видим, большинство ученых сходится во мнении, что процесс социализации происходит на протяжении всего периода жизни человека, но базовым является период с рождения до юношеского возраста, когда идет формирование психики, усвоение основных социальных ролей, приобщение к нормам и ценностям общества.

Периодизация процесса политической социализации неразрывно связана с общим процессом социализации. Для выделения качественно отличных ее фаз и этапов принято выделять первичную и вторичную политическую социализацию³.

Первичная политическая социализация начинается примерно в три года и характеризует первоначальное восприятие человеком политических

¹ Марцинковская Г. Д., Ярошевский М. Г. Указ. соч. С. 174–175.

² Пиаже Ж. Избранные психологические труды. М., 1969. С. 118.

³ Сабирзянова Ф. Р. Политическая социализация учащейся молодежи Республики Башкортостан на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2003. С. 41–43.

категорий, которое постепенно формирует у него избирательно-индивидуальное отношение к явлениям политической жизни.

Американские ученые Д. Истон и Дж. Деннис различают четыре фазы политической социализации личности с 3 до 13 лет:

1) политизация – характеризуется непосредственным восприятием политической жизни, осуществляемым в процессе взаимодействия с родителями и близкими людьми, ребенок формирует свое восприятие на основе их суждений и чувств по вопросам политической жизни;

2) персонализация – ребенок персонифицирует политическую власть, политическая система осознается и олицетворяется для ребенка через определенные политические фигуры, принадлежащие к власти, например президента страны, главы региона, которых он часто видит на экране телевизора, на этой стадии у ребенка складывается определенное представление о том, как следует вести себя по отношению к представителям власти;

3) идеализация – фигурам, которые наиболее важны и заметны в политической жизни, приписываются только позитивные качества и свойства, т. е. они идеализируются, поэтому личность готова к добровольной политической поддержке представителей власти;

4) институционализация – по мере накопления политического опыта и представлений, по мере усложнения образа политической картины мира осуществляется переход от персонифицированного представления о власти и политике к надличностному, институциональному уровню, формируется осознание политической системы как сложного образования, включающего государство, партии, органы правосудия, полицию и т. д.¹.

На этом этапе политической социализации основную роль играет семья, где формируется основа политических установок и взглядов личности. По мере взросления человека значение ближайшего окружения и сверстников

¹ Handbook of Political Socialization: Theory and Research. N. Y., 1977. P. 41–42.

увеличивается, все большее влияние на личность оказывают подростковые группы, с которых она берет пример.

Общим результатом первичной политической социализации личности является формирование у индивида политической идентификации, то есть человек осознает себя гражданином, членом данного государства, наделенным им правами, обеспеченными законами этого государства, и исполняющим установленные законом обязанности. Только после этого индивид начинает действовать как полноценный субъект политической жизни.

Вторичная политическая социализация начинается с того времени, когда завершается базовая политическая идентификация личности. К этому периоду у человека уже складываются основные социально-политические ценности, установки, представления и нормы, которые дают ему возможность самостоятельно, независимо от группового мнения и давления, сформулировать собственную точку зрения и действовать в соответствии со своей политической позицией. Как правило, с 18 лет начинается активная реализация и внесение своего собственного вклада в развитие политических отношений и связей. Этот же возраст для политики определен и конституционными положениями. А поскольку политическая социализация предполагает усвоение социально-политического опыта, прежде всего в ходе политической деятельности, практического развития, то вторичный этап политической социализации – это вся последующая жизнь человека, когда он постоянно совершенствует и развивает свою политическую культуру.

На этой стадии политической социализации большую роль играют такие ее институты как вуз, СМИ, государственные, партийные, религиозные и другие организации, а также отдельные политические события. Особое место занимает вуз как один из важнейших агентов политической социализации. Социализация здесь осуществляется посредством изучения политологии, правоведения, социологии и других общественных наук. Кроме того, образование делает человека в целом более информированным, активным и

ответственным, усиливая чувство собственной значимости в политической жизни. На вторичной стадии личность, адаптируясь к новым политическим условиям, в то же время активно воздействует на них, не теряя своей политической самоидентификации.

Один из ведущих исследователей политической социализации Н. А. Головин на основе предшествующих теоретических разработок психологов и социологов выделяет «критические точки» и отрезки жизненного пути, значимые для изучения политической социализации¹. Рассмотрим содержание основных этапов его периодизации.

Первая фаза – младенчество, возраст от рождения до 1 года. В этот период ребенок наиболее тесно связан с матерью, основной целью заботы о нем является здоровое физическое развитие. В младенчестве формируется чувство «базового доверия к миру», принципиально важное для дальнейшего развития. Естественно, что маленький человек еще не воспринимает внешний мир в терминах, адекватно отражающих содержание политики.

Вторая фаза – раннее детство, дошкольный возраст (2–6 лет). Этот этап важен для формирования психической структуры личности, так как психика ребенка обладает высокой пластичностью. Помимо развития речи и мышления, в этом возрасте идет приобщение ребенка к семейным ценностям, усваиваются обиходные знания и навыки. Основными агентами социализации здесь выступают родители, их авторитет.

В раннем детстве происходит формирование как гендерной, так и национальной идентичности, так что к концу фазы у ребенка имеется полная ясность по этим вопросам. По мнению Н. А. Головина, структура власти в семье, приобретение гендерной и национальной идентичности имеет большое значение для политической социализации. Результаты ранней детской социализации начинают играть роль фильтра при дальнейшем формировании личной идентичности и личностных качеств в сети

¹ См. подробно: Головин Н. А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб., 2004. С. 22–26.

социальных ролей, предлагаемых обществом через ближайшее социальное окружение.

Учеба в начальной школе (7–11 лет) – третья фаза, открывающая довольно долгий путь образования. Школа выполняет функцию «методической социализации», обеспечивая усвоение основных навыков культуры: правильной литературной речи, чтения и письма, счета и рисования. Начальная школа дает не только основы научных знаний о природе и обществе, уроки истории и литературы, она систематически формирует политическую и национальную идентичность ребенка, обеспечивает усвоение нравственных ценностей своей культуры, создавая основу для дальнейшей общей и политической социализации.

Школа выступает вторым важным агентом и институтом социализации наряду с семьей. Именно здесь закладываются основы опыта обращения с властью вне семьи. Следовательно, этот период очень важен для политической социализации, так как здесь формируются многие фундаментальные основы политического типа личности.

Подростковый возраст (12–13 лет) – четвертая фаза. Этот этап жизни – критический в биологическом и психическом развитии человека: завершается формирование организма, меняется его гормональный баланс. В данный период все более возрастающую роль начинает играть подростковая субкультура, происходит отход от родительских взглядов на жизнь, возрастает роль группы сверстников как агента социализации.

Однако школьная программа продолжает выполнять функции «методической социализации». Она расширяет и углубляет знания по отечественной истории и литературе, полученные ранее. Подросток обычно разбирается в политическом процессе, знает видных политиков, партии и движения, сам может участвовать в политических движениях. На его социализации все больше сказываются общие социальные условия жизни, в том числе место жительства (город, малый город, село).

Период ранней юности (14–18 лет) – пятая фаза, это время, когда биологическое созревание человека в основном завершается. В психическом развитии наступает важный этап, связанный с окончанием школы и выбором дальнейшего жизненного пути. Расширяется диапазон общественно-политических ролей и связанных с ними интересов и ответственности, происходит «выработка мировоззренческой и жизненной позиции», идет интенсивное формирование системы личных ценностей. Этот период жизни человека общепризнанно важен. Достаточно отметить наступление его дееспособности в полном объеме. Большинство исследователей отмечают, что в эти годы складывается ядро личности. Здесь большую роль играет новый агент социализации – трудовой коллектив. Профессиональный статус начинает определять положение человека в обществе.

В молодежном возрасте складываются первые семейные союзы, что означает освоение супружеских и родительских ролей. Происходит включение в экономическую и политическую подсистемы, интеграция в общество на всех уровнях социальной системы (микро-, мезо- и макроуровни). Иными словами, процесс общей и политической социализации начинает больше зависеть от общественных условий в целом и внутренней политики в стране.

Поздняя юность (19–29 лет) – шестая фаза, которая означает не только завершение перехода человека в статус взрослого, но и активное накопление большинством представителей каждой годичной когорты социального опыта, свойственного взрослому (полная экономическая самостоятельность, выбор и освоение профессии, обретение своего жилья, создание семьи и воспитание детей). Решение этих проблем означает интенсивную социализацию, адаптацию к реальным условиям жизни, усиливающееся воздействие социально-структурных условий и общественных событий на политические взгляды человека.

В период поздней юности идет накопление ресурсов для активного участия в жизни общества (самосоциализация). Поздняя юность – наиболее

важный этап вторичной политической социализации, даже более значимый, чем ранняя юность.

В дальнейшем политическая социализация постепенно приобретает характер политической ресоциализации, так как новая идентичность представляет собой уже модификацию прежней, а новые ценности и установки усваиваются взамен старых, отставших от времени.

В начале седьмой фазы, среднего взрослого возраста (30–39 лет), отдельные представители тех или иных когорт еще не слишком отличаются друг от друга, так как они прошли приблизительно одинаковый жизненный путь (семья, школа, дальнейшая учеба, начало работы).

В возрасте около 45 лет, в период 40–59 лет (восьмая фаза) у человека происходит изменение поведенческой стратегии – переход от инновационного к адаптивному поведению, значение которого, как отмечалось, растет в эпоху перемен. Можно предположить, что смена поведенческой стратегии заметно влияет на политическую идентичность человека средних лет. Следовательно, значение этой фазы велико для политической социализации, и ее следует выделить особо, так как помимо всего прочего человек средних лет выступает основным агентом социализации подрастающего поколения.

Окончание трудовой деятельности и выход на пенсию мужчин в 60 лет и женщин в 55 лет (девятая фаза) означает новое существенное изменение социального статуса и необходимость ресоциализации. В российском обществе пенсионеры сохраняют высокую политическую активность. Иными словами, их политическая позиция в качестве активных избирателей остается значимой, но утрачиваются роли, связанные с социализационным воздействием. Пенсионный возраст переходит в преклонный – 80 лет и старше (десятая фаза), в котором идет адаптация к жизни в старости.

На основании вышеизложенного, можно выделить основополагающие жизненные события и обстоятельства, являющиеся ключевыми в политической социализации: детство, семья, начальная школа (7–11 лет);

молодой взрослый возраст (19–29 лет), утверждение в профессиональном статусе, создание семьи. В результате социализации человек становится личностью, носителем социально значимых черт, воспринимает культуру, интегрируется в человеческое общество, приобретая опыт, который требуется для исполнения социальных ролей, в том числе участия в политической жизни общества. Значимую роль играют периоды, приходящиеся на первичную и начало вторичной социализации, когда происходят самые заметные и решительные шаги интеграции человека в общество, институты образования, трудовую деятельность, в семейные отношения. Базовая политическая идентификация личности формируется к 18 годам и начинается активная реализация собственного вклада в политическую действительность страны.

1.2 Политическая социализация в контексте политической культуры

Разработка объектно-предметной сферы этнополитологии, в рамках которой следует исследовать этнические факторы политической социализации, осуществлялась в рамках двух основных дисциплин – политологии и антропологии/этнологии. В настоящее время можно говорить о формировании в России отдельной субдисциплины – политической антропологии (или по Л. Е. Куббелю – потестарно-политической этнографии)¹.

В число основополагающих категорий современной этнополитологии входят, прежде всего, политическая культура и политическая социализация. Зачастую исследователи не отделяют эти явления друг от друга, а изучают их во взаимосвязи, что вполне оправдано. Так как о социализации и ее политических аспектах говорилось уже выше, остановимся подробнее на

¹ Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. М., 1979; Куббель Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. 270 с.

проблеме политической социализации в контексте современной политической культуры, с позиции, прежде всего, политической науки.

В рамках политической науки формирование концепции «политической культуры» насчитывает уже не одно столетие. Данный термин был введен в научный оборот И. Гердером еще в 1794 году¹. Вместе с тем следует отметить, что термин «культура» для американской политологии, в рамках которой и осуществлялась разработка категории политическая культура, имел, прежде всего, антропологическое значение, что отразилось на множественности её определений. Однако решающее воздействие на распространение этой категории оказали работы Г. Алмонда и С. Вербы. Г. Алмонд в 1960-е годы использовал эту категорию при классификации и сравнении политических систем. Он, в частности, отмечал: «Каждая политическая система включена в конкретную модель ориентаций на политические действия. Я счел полезным назвать это политической культурой»². Алмонд предположил, что политическая культура обладает определенной автономией и в то же время связана с общей культурой; она не совпадает с политической системой, поскольку модели ориентации по отношению к политике выходят за пределы границ политических систем³.

В широко известной работе «Гражданская культура» концепция политической культуры была уточнена и дополнена. Определение политической культуры было дано автором в категориях политических ориентаций и позиций индивидов по отношению их к политической системе: «Когда мы говорим о политической культуре общества, то имеем в виду политическую систему, преломленную в знаниях, чувствах и оценках населения, составляющего это общество»⁴. Вслед за Г. Алмондом и С. Вербой многие западные политологи, начиная с 1960-х годов,

¹ Гердер И. Идеи к философии истории человечества. М., 1997. С. 337–368 (Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества (Серия «Памятники исторической мысли»). М. : Наука, 1977. 705 с.

² Almond, 1956. 396 p.

³ Цит. по: Чилкот Р. Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М., 2001. С. 254.

⁴ Чилкот Р. Х. Указ. соч.

рассматривают политическую культуру как важнейший элемент политической системы.

Г. Алмонд не останавливался на достигнутом и продолжал развивать и дополнять определение политической культуры. В частности, в 1966 году он в соавторстве с Б. Пауэллом обозначил ее как «модель индивидуальных установок и ориентаций по отношению к политической жизни среди участников политической системы. Это субъективное пространство, лежащее в основе политических действий и определяющее их»¹.

В дальнейшем определение несколько уточняется и конкретизируется: под политической культурой предлагается понимать «систему ценностей, глубоко укоренившихся в сознании мотиваций или ориентаций и установок, регулирующих поведение людей в ситуациях, имеющих отношение к политике», или – «общественные установки в области политики и их роль в политической системе»². Таким образом, структура политической культуры по Г. Алмонду состоит из познавательных, оценочных и эмоциональных ориентаций. Важно, что как познавательные, так и оценочные и эмоциональные ориентации будут определяться в конечном итоге ценностями субъекта.

Г. Алмонд, развивая теоретические аспекты понимания политической культуры, обращает внимание на существование трех ее различных типов. В частности, выделяются идеальные модели политической культуры: приходская (парохиальная, традиционная, патриархальная); подданническая и участия (гражданская, активистская, партисипаторная). Для приходской политической культуры характерен полный отрыв населения от политической системы, отсутствие знаний о ней. В этих обществах отсутствуют специализированные политические роли, основные акторы (традиционные правители) реализуют совокупность политических, экономических и религиозных функций. По типологии Ч. Ф. Эндрейна, такая

¹ Чилкот Р. Х. Указ. соч. С. 255.

² Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор. М., 2002. С. 93.

политическая культура характерна для народных (племенных) политических систем¹. Подданническому типу политической культуры свойственно пассивное политическое поведение, ориентация на господствующие ценности и нормы, отсутствие самостоятельного осмысления этих ценностей. В целом, у людей преобладает своего рода потребительско-патерналистское отношение к политической системе: члены сообщества либо ожидают благ, либо боятся наказаний. Политической культуре участия присуще активное участие индивидов в политической жизни, основанное на достаточно высокой политической грамотности и убежденности в способности своими действиями повлиять на процесс принятия и реализации политических решений. В современном мире названные модели политической культуры в чистом виде отсутствуют, речь скорее может идти о сочетании в рамках политической культуры общества всех трех идеальных типов, что в итоге и определяет ее реальное содержание. В результате Г. Алмонд и С. Верба, отвечая на вопрос о характере политической культуры демократического общества, вводят категорию «гражданская политическая культура», в рамках которой «многие граждане могут быть активными в политике, но многие другие играют более пассивную роль подданных...даже у тех, кто исполняет гражданскую роль, качества подданных и прихожан до конца не вытеснены...Это означает, что активный гражданин сохраняет свои традиционалистские, неполитические связи, равно как и пассивную роль подданного... Политическая деятельность представляет собой лишь часть интересов гражданина, причем, как правило, не очень важную их часть. Сохранение других ориентаций ограничивает степень его включенности в политическую деятельность и удерживает политику в надлежащих рамках. Более того, ориентации прихожанина и подданного не просто сосуществуют с ориентациями участника, они пронизывают и видоизменяют их. Так, например, первичные связи важны в становлении типов гражданского

¹ См. подробно: Эндрейн Ч. Ф. Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. М., 2000.

влияния. Кроме того, взаимопроникающие структуры общественных и межличностных связей имеют тенденцию воздействовать на характер политических ориентаций – делать их менее острыми, разделяющими»¹. Гражданская политическая культура по мнению Г. Алмонда на 60 % состоит из участников, на 30 % – из подданных и на 10 % – из прихожан². Такое распределение «обеспечивает достаточное количество политических активистов, чтобы гарантировать конкуренцию между политическими партиями и ощутимую явку избирателей...»³.

Помимо Г. Алмонда, заметный вклад в изучение политической культуры внесли М. Дюверже, Л. Пай, В. Розенбаум и др.⁴.

Наиболее разработанными представляются основные концепции политической культуры, предложенные В. Розенбаумом. В зависимости от объекта он выделяет несколько групп политических ориентаций, составляющих в совокупности политическую культуру:

1. Ориентация относительно институтов государственного управления, состоящая из нескольких типов:

– ориентация относительно политического режима, включающая в себя оценку и реакцию индивида на государственные институты, официальные нормы и символы, на официальных лиц;

– ориентация относительно «входов» и «выходов» политической системы, включающая оценку и реакцию на решения государственных властей, на различные требования по отношению к ним, т. е. удовлетворенность (или неудовлетворенность) политикой, представления о том, какие требования человек может выставить по отношению к властям, насколько и как, по его мнению, может быть эффективной государственная политика.

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократий // Политические исследования. 1992. № 4. С. 122–123.

² Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 98–99.

³ Алмонд Г. Указ. соч. С. 99.

⁴ Дюверже, М. Политические партии. 4-е изд. М., 2007; Pye, L. Introduction: Political Culture and Political Development, in Lucian W Pye and Sidney Verba (eds.), Political Culture and Political Development (Princeton, N. J.: Princeton UP), 1965.

2. Ориентация относительно «других» в политической системе:

- политическая идентификация, т. е. осознание принадлежности к какой-либо группе, политическому образованию (нация, государство, город, район, политическая партия и т. д.);

- политическая вера, т. е. убежденность индивида в том, что другие акторы политической жизни означают для него нечто хорошее (или плохое), готовность сотрудничать с различными группами или, наоборот, противостоять им.

- ориентация относительно правил игры, включающая в себя представления о том, какие правила игры должны соблюдаться в политической жизни, отношение к правам и обязанностям, к политическим мнениям, к диссидентам и т. п.

3. Ориентация относительно своей собственной политической деятельности:

- политическая компетентность, т. е. ориентация на регулярное или нерегулярное участие в политической жизни (частота участия в выборах и других видах политической активности, знание о политических событиях, интерес к политике);

- политическая действенность, т. е. представления о степени ответственности власти за свои действия, о важности гражданской активности и участия в политической жизни, о возможности оказывать влияние на политические решения посредством участия¹.

Кроме того, важным показателем, характеризующим структуру национальной политической культуры, является степень ее однородности. Обычно под влиянием социально-культурных и политических условий складывают не только общие для всей нации черты политической культуры, но и групповые, характерные для отдельных социальных, этнических, конфессиональных и т. п. образований и групп. Такие особые типы,

¹ Цит. по: Политический процесс: основные аспекты и способы анализа / под ред. Мелешкиной Е. Ю. М., 2001. С. 112–113.

характеризующиеся специфической совокупностью политических ориентаций на политическую систему, органы власти и их представителей, на определенные формы политической активности, называются субкультурами¹.

Политические субкультуры есть во всех странах. В некоторых из них они сосуществуют относительно бесконфликтно, что является показателем однородности политической культуры. В других же между представителями различных субкультур существуют серьезные противоречия и даже расколы. Наличие сильных, во многом самостоятельных, субкультур, отсутствие политического консенсуса между ними, раскол в структуре политических ориентаций, неравномерность развития являются показателями неоднородности политической культуры.

Концепция политической культуры в настоящее время стала одним из важных инструментов изучения политических процессов. При этом исследователи акцентировали свое внимание на формальных и неформальных компонентах политических систем, этнической психологии и политической идентичности, на самобытности политической культуры в разных странах.

Вместе с тем исследование политической культуры социума невозможно отделить от изучения политической социализации. Политическая культура подкрепляется, либо меняется по ходу приобретения людьми своих, личных установок и ценностей. В частности, Г. Алмонд под политической социализацией предлагает понимать процесс «формирования политических ценностей и передачи политической культуры от одного поколения к другому»².

Рассматривая проблему политической социализации и обучения, следует обратить внимание на три общих момента. Во-первых, политическая социализация может быть прямой и косвенной. Социализация является

¹ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 104–105.

² Там же. С. 220.

прямой, когда она подразумевает непосредственную передачу информации, ценностей или мнений о политике. Уроки обществознания в общеобразовательных школах есть прямая политическая социализация. Политическая социализация имеет косвенный характер, когда формирование политических взглядов происходит непреднамеренно, под влиянием собственного опыта. Особенно важную роль подобная косвенная политическая социализация играет в раннем детстве. Так, взаимоотношения ребенка с родителями, учителями или друзьями чаще всего сказываются на отношении индивида к политическим лидерам и своим согражданам во взрослой жизни.

Во-вторых, социализация продолжается на протяжении всей жизни индивида. Ранние семейные влияния могут выработать у человека исходные ценности, однако дальнейший жизненный опыт – приобщение к новым социальным группам и ролям, переезд из одной части страны в другую, восхождение по социальной лестнице или утрата прежних позиций, рождение детей, приобретение или потеря работы – способен изменить его политические воззрения. По всей видимости, подобные события сильнее всего влияют на молодежь, которая только-только включается в политическую жизнь.

В-третьих, принятые в обществе модели политической социализации могут иметь либо унифицирующий, либо разобщающий характер. Социальные группы, обеспечивающие своих членов собственными газетами, а то и собственными школами, нередко вырабатывают отчетливые субкультурные установки. Влияние подобных разобщающих моделей социализации на общество может оказаться исключительно сильным.

В любом обществе индивиды подвергаются воздействию агентов политической социализации – институтов и организаций, влияющих на политические установки. Некоторые из них являются прямыми источниками политического образования, специально предназначенными для достижения

этой цели, другие воздействуют на политическую социализацию косвенным образом.

Прямое и косвенное влияние семьи – первого источника политической социализации, с которым сталкивается индивид, – глубоко и устойчиво. Семья оказывает ощутимое воздействие на формирование установок по отношению к власти. Участие в семейном принятии решений способно усилить у ребенка ощущение политической компетентности, обеспечивая необходимые для политического взаимодействия навыки и стимулируя активное включение в политическую систему во взрослом возрасте. Аналогичным образом слепое повиновение решениям родителей может выработать у ребенка предрасположенность к выполнению роли политического подданного. Семья также формирует будущие политические установки, определяя место индивида в обширном социальном мире, устанавливая его этнические, языковые, классовые и религиозные связи и направляя его профессиональные и экономические устремления.

В школе подростки получают знания о политическом мире и той роли, которую они в нем играют, а также более конкретные представления о политических институтах и отношениях. Кроме того, школы передают существующие в обществе ценности и установки. Они могут сыграть важную роль в формировании позиций относительно неписаных правил политической игры, в усвоении ценностей, касающихся долга перед обществом, и становлении неформальных политических связей. Школа способна укрепить привязанность к политической системе и предоставить общие символы (такие, как флаг или гимн), стимулирующие эмоциональную преданность стране.

Образование влияет также на политическое мастерство и ресурсы граждан. Образованные люди лучше осознают влияние правительства на свою жизнь и уделяют больше внимания политике. Чем выше образование, тем сильнее предрасположенность к самостоятельному мышлению, повышающая способность интерпретировать факты и действовать на основе

новой информации. Кроме того, образованные люди лучше информированы о политических процессах и участвуют в более широком круге политических акций. Такое воздействие образования прослеживается в исследованиях политических установок во многих странах.

Существующие в мире религии являются носителями культурных и моральных ценностей, которые часто имеют выход на политику. Великие религиозные лидеры видели в себе учителей, и их последователи обычно пытаются повлиять на социализацию детей через школы, проповеди и религиозные службы. Там, где церковь постоянно проповедует ценности, которые хотя бы в какой-то мере расходятся с доминирующими в политической системе, борьба в сфере политической социализации может приобрести чрезвычайную актуальность. В подобных случаях религиозные субкультуры могут находиться в оппозиции к политическому курсу государства или даже к самому государству.

Последние десятилетия характеризуются появлением воинствующего религиозного фундаментализма, что оказало серьезное воздействие на общество и политическую жизнь разных стран – США, Индии, Израиля, Ливана, Ирана, Пакистана, Алжира и Нигерии. Хотя влияние фундаментализма заметнее всего на Среднем Востоке и в мусульманских странах, он играет важную роль и в христианском мире. В Соединенных Штатах, Европе и Латинской Америке существуют как протестантские, так и католические версии фундаментализма.

Конечно, многие религиозные институты предлагают чрезвычайно полезные нравственные и этические нормы, нужные людям в ситуации выбора, однако религиозная принадлежность нередко предопределяет партийные предпочтения, которыми люди могут руководствоваться и при принятии политических решений, определяющих жизнь представителей других конфессий. Таким образом, несмотря на спад посещаемости церковных служб во многих странах, политическая значимость религии сохраняется.

Важными социальными единицами, формирующими политические установки, являются «группы равных». К ним относятся детские прогулочные группы, компании друзей, школьные и институтские братства, а также небольшие трудовые коллективы, члены которых тесно связаны между собой и имеют примерно равный статус. Группы равных социализируют своих членов, побуждая или заставляя их придерживаться принятых в группе установок и моделей поведения. Люди часто усваивают систему взглядов своих сотоварищей по группе потому, что любят и уважают их, либо потому, что хотят быть такими, как они. Индивид может начать интересоваться политикой либо отправиться голосовать, на демонстрацию, акцию протеста, поскольку так поступают его близкие друзья. В таких случаях индивид, стремясь заслужить одобрение товарищей, модифицирует свои интересы и поведение так, чтобы они соответствовали принятым в группе образцам.

В настоящее время многим обществам присущи серьезные социальные различия, основанные на классе или роде деятельности. Индивиды живут в различных социокультурных мирах, определяемых их социально-классовым положением. Во многих случаях эти различия имеют политическую значимость: самоидентификация в качестве представителя рабочего класса или крестьянства влечет за собой особые взгляды на то, какие политические вопросы являются важными, и какие политические лидеры и партии лучше всего выражают интересы данного индивида.

Другой важный источник социального и политического обучения – половая принадлежность. С момента рождения природа и общество предписывают мужчинам и женщинам разные модели поведения. Такого рода общественные расхождения традиционно переносились в политическую жизнь, определяя политику как мужское занятие и фокусируя интересы женщин на бытовых и семейных проблемах. Однако появление женских политических движений и даже партий стимулирует активность женщин, давая социальные образцы того, как женщина должна относиться к политике.

В связи с процессами глобализации средства массовой информации – газеты, радио, телевидение, журналы – стали играть важную роль в интернационализации политических установок и ценностей на планете.

Телевидение, затрагивающее одновременно слух и зрение, может оказывать мощное эмоциональное воздействие на широкие общественные аудитории. Для СМИ не существует препятствий в виде границ между государствами и идеологиями. СМИ не только поставляют точную и свежую информацию о политических событиях, они также распространяют – прямо или косвенно – важнейшие ценности, принимаемые обществом. Они могут представить некоторые события (например, национальные праздники или традиционные формы правительственной деятельности) как нечто, символизирующее нацию, и эти события приобретут особую эмоциональную окраску. Контролируемые СМИ способны стать мощным орудием формирования политических убеждений. Однако граждане могут начать игнорировать сообщения СМИ, противоречащие их личному опыту.

Группы интересов, ассоциации, экономические объединения и тому подобные организации также вносят ощутимый вклад в формирование политических установок. Среди экономических групп наибольшие следствия для политической жизни имеют, вероятно, профсоюзы. В большинстве индустриальных стран появление профсоюзов привело к изменению политической культуры и политической жизни, возникновению новых политических партий и возвестило о переходе к новым программам социального обеспечения. Подобные группы обеспечивают преданность своих членов, защищая их экономические и профессиональные интересы. Кроме того, они способны стать источником политического опыта для не входящих в их состав людей, которые могли бы солидаризироваться с групповыми интересами или политической идеологией.

Важную роль в политической социализации играют общественные группы, образующие гражданское общество. К их числу, например, относятся гражданские ассоциации и национально-культурные объединения.

Они создают/моделируют ценные образцы политического поведения для своих членов и пытаются закрепить особые социальные и политические ориентации.

Политические партии, будучи специализированными политическими структурами, существующими как в демократических, так и недемократических системах, играют важную роль в политической социализации. Политические партии пытаются сформировать проблемные предпочтения, вовлечь в политическую жизнь равнодушных, найти новые проблемы, позволяющие мобилизовать поддержку. Партийные лидеры обеспечивают общественность непрерывным потоком информации по наиболее острым политическим вопросам. В демократических системах регулярно происходят выборы, в ходе которых партии отчитываются за свою прошлую деятельность и обсуждают политическое будущее страны.

Кроме того, в современных обществах вследствие широкого размаха правительственной активности граждане часто соприкасаются с различного рода бюрократическими органами. Подобный личный опыт также является мощным социализирующим фактором, который усиливает или смазывает образы, преподносимые другими агентами социализации. Вне зависимости от того, сколь бы позитивный взгляд на политическую систему не воспитывался школой, граждане, которые в своей повседневной жизни сталкиваются совсем с иным положением вещей, скорее всего, поменяют свои исходные представления о ней.

1.3 Этнические аспекты политической социализации

Круг факторов и каналов влияния на процесс политической социализации чрезвычайно широк, так как в современном обществе налицо наличие значительного количества агентов социализации. Их количество и степень доминирования в процессе политической социализации зависит от конкретных этнических и исторических условий, сложившихся в том или

ином регионе. При этом для каждого конкретного социума будут существовать свои специфические каналы и механизмы политической социализации, обеспечивающие формальную и неформальную, явную и латентную передачу традиций, связанных с последовательным приобщением людей к политической культуре. В каждой стране роль, значение и направленность действия данных институтов может существенно различаться, включать в себя в разных соотношениях элементы случайности и плановости, при этом случайное и плановое в социализации будет диалектически взаимосвязано.

Случайное (стихийное) в политической социализации можно рассматривать как взаимодействие личности с различными общественными структурами, воздействие на неё объективных условий жизни общества, которые обуславливаются этнокультурными, социально-экономическими, политико-правовыми и другими реалиями. Под плановой социализацией можно понимать заранее продуманную, целенаправленную деятельность социальных институтов, направленную на формирование определённых личностных качеств индивида, с помощью непосредственных (мероприятия, целенаправленно влияющие на индивида) и опосредованных (планирование экономических, социальных, духовных, политических, демографических и других условий социализации) инструментов.

В связи с тем, что индивиды выступают не только как субъекты политических отношений, но и как объекты воздействия политических институтов, необходимо обозначить их роль в процессе политической социализации. В данном случае следует говорить о воздействии социальных институтов на индивида, которое формирует у него определённую политическую идентичность.

Как уже отмечалось выше, в политологической литературе принято выделять две группы агентов политической социализации. К первой группе относятся неспециализированные агенты (семья, церковь, общественные

организации и др.), ко второй – специальные органы (политические молодёжные союзы и группы, политические партии и др.).

Ранее отмечалось, что в основе различия и специфики политических культур лежат этнокультурные особенности, что свидетельствует о недопустимости игнорирования этнического фактора при решении вопросов политического характера в целом и на политической социализации в частности. Удмуртская Республика как «национальный» регион во многом может служить своеобразной моделью, характеризующей влияние этнического фактора на процесс политической социализации. В условиях затянувшегося переходного периода общество стремится опираться, порой даже бессознательно, на традиционные ценности, стереотипы поведения, психологические установки, наработанные многовековым опытом. Поэтому народная культура в различной степени оказывает свое влияние на процесс восприятия подрастающими поколениями сложившейся в обществе политической культуры. Изучение особенностей этнической культуры, в том числе установок по воспитанию, позволяет более полно оценить процесс политической социализации, как на уровне отдельного индивида, так и на межпоколенном.

Среди первых исследований по проблемам социализации, воспитания детей в традиционном удмуртском обществе можно отметить опубликованные работы исследователей удмуртского этноса начала XVIII – конца XIX веков. Помимо собственно авторского анализа они содержат огромный информационный пласт по этнографии удмуртского народа, в том числе о механизмах культурной трансмиссии наработанного веками опыта¹.

¹ Верещагин Г. Е. Собр. соч. В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края / отв. за выпуск Г. А. Никитина. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995; Верещагин Г. Е. Собр. соч. В 6 т. Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за выпуск Л.С. Христолюбова. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1996; Верещагин Г. Е. Собрание соч. В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 2. Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Вып. 1; Кошурников В. С. Быт вотяков Сарапульского уезда, Вятской губернии. Казань : Типография Императорского университета, 1880; Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Вятка: Губернская типография, 1888; Первухин Н.Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка: Губернская типография, 1888; Первухин Н. Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Вятка : Губернская типография, 1889; Первухин Н. Г. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V. Вятка : Губернская типография, 1890; Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. Т VIII. Казань. Вып. 2. 1890.

В советский и постсоветский период социализация детей стала объектом целенаправленного научного поиска. Л. С. Христолюбова рассматривала роль обрядов в процессе превращения ребенка в полноценного члена удмуртского общества, анализировала основные пути и способы усвоения им бытовавших стереотипов поведения¹. Г. А. Никитина, З. В. Суворова, опираясь на этнографический и фольклорный материал, дали представление о системе народной педагогики удмуртов². З. В. Суворова отметила, что основой народного воспитания выступает трудовое воспитание, которое и в прошлом, и в наше время строится преимущественно на основе тяжелой физической работы, а не умственного труда. Г. А. Никитина исследовала социализирующую роль институтов удмуртского общества (семья, детская среда, община), помогавших подрастающему поколению вливаться в окружающую среду, воспринимать этническую культуру.

Особенности воспитания детей в удмуртской сельской семье 70-х годов XX века были исследованы Л. И. Семеновой³, выявившей, что и в советское время семья по-прежнему являлась основным институтом передачи этнокультурных традиций, что в многопоколенных семьях данный процесс происходил более интенсивно.

Не остается без внимания ученых изучение особенностей этнической психологии удмуртов. В. Е. Владыкин в своих трудах осмысливает традиционное видение мира удмуртами, исследует ценностные ориентиры, стереотипы мышления, бытовавшие в удмуртском обществе⁴. Работы известного этнографа позволяют определить место, которое занимал

¹ Христолюбова Л. С. Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов. 1992. С. 31–42; Христолюбова Л. С. Традиции трудового воспитания детей в удмуртской среде в XIX – начале XX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII – XX вв. : Сб. ст. Устинов, 1985. С. 80–90.

² Никитина Г. А. Народная педагогика удмуртов. Ижевск, 1997; Суворова З. В. Мудрые заповеди народной педагогики. Ижевск, 1992.

³ Семенова Л. И. Культура и быт современной удмуртской сельской семьи / отв. ред. Г.К. Шкляев. Ижевск : УИИЯЛ, 1996.

⁴ Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск : Удмуртия, 1994; Владыкин В. Е. Мон: О себе и других, о народах, человеках, и... [Очерки, эссе, интервью] / Омель Лади, он же Владимир Владыкин. Ижевск, 2003.

конфессиональный фактор в жизни удмуртов и его роль в процессе социализации.

Особенности формирования и развития этнической психологии удмуртов с X века и до наших дней прослеживаются Г. К. Шкляевым¹. Ученый рассматривает изменения, происходящие в психологии удмуртов в тесной взаимосвязи с различными сторонами жизнедеятельности этноса и его историческим развитием. Тщательно проанализировано воздействие иноэтничного окружения на протяжении всей истории удмуртов, во многом определившее складывание психологических черт удмуртского этноса, передающихся в процессе социализации, что, несомненно, облегчает понимание современной политической социализации.

Попытку связать между собой культурный и психологический факторы функционирования этноса предпринял А. Н. Петров в своем исследовании по этническому менталитету удмуртов². Менталитет, в его понимании, есть психологическое отражение специфики культуры, проявляющееся через основополагающие черты мировосприятия, ориентирующих мышление и поведение. По мнению исследователя, особенности менталитета удмуртов во многом сформировались под воздействием географических особенностей региона проживания и этнического окружения.

В недавно опубликованной монографии И. Л. Поздеева на примере удмуртов рассматриваются процессы межпоколенной передачи этнической культуры в традиционном и современном обществах³. Автор отмечает, что в традиционном обществе передача этнической культуры происходила естественным путем – в ходе межличностного общения, и культура воспроизводилась локальная, общинная, соответственно – и традиционная, этническая. В настоящее время в процесс включены такие институты социализации, как общеобразовательная школа, СМИ, общественные

¹ Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003.

² Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск, 2002.

³ Поздеев И. Л. Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности (на примере удмуртского этноса) : монография / Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН. Ижевск, 2007.

национальные организации и объединения, осуществляющие этнизацию целенаправленно. Вместе с тем результаты исследования И. Л. Поздеева показывают, что семейный коллектив, как в традиционном, так и современном обществе представляет собой основную социализирующую среду, где важнейшее воздействие на ребенка оказывает родительский опыт, в том числе при передаче этнической культуры.

В 90-е годы XX века, в период формирования многопартийной системы Российской Федерации, объектом научного анализа стала удмуртская молодежь и ее политические установки. Одними из первых в процесс изучения включились этнографы, имевшие большой опыт проведения этносоциологических исследований, поэтому многие установки молодежи рассматривались через призму этничности. Так, в рамках изучения этнополитической ситуации в России, проведены исследования среди учащейся молодежи Ижевска с целью выявления её речевого поведения и языковых ориентаций, отношения к религии и образованию, представлений и установок в сфере семейной жизни, отношения к проводимым в стране экономическим и политическим реформам¹. Ученые Института истории и культуры народов Приуралья УдГУ занимались изучением духовного мира учащихся Удмуртии, уделяя при этом особое внимание проблемам этничности, общественной и политической активности. Полученные результаты проведенных исследований были опубликованы в специальном номере журнала «Вестник Удмуртского университета»², а также в сборниках Министерства национальной политики УР.

В. Ю. Хотинец, опираясь на эмпирические изыскания, провела серьезную работу по теоретическому осмыслению этнического самосознания, рассматривая его преимущественно с позиций

¹ Христолюбова Л. С. О политических ориентациях учащейся молодежи Ижевска // Об этнической психологии удмуртов : Сб. статей. Ижевск, 1998.

² Белорукова Г. П. Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества (опыт этносоциологического изучения) // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 22–30; Воронцов В. С. Проблемы национальной и языковой идентификации подростков из этнически смешанных семей Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 45–48; Клейн Д. Г. Динамика этнокультурных ценностей студентов вузов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. № 4. С. 31–38.

психологической науки¹. Вслед за ней В. С. Воронцов исследовал этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии, выявляя базу и механизм его формирования, спектр ценностных приоритетов, в том числе этнической компоненты в самосознании молодых людей². Ученые выделяют основные этапы, определяют эффективность современных институтов социализации в процессе становления этнического самосознания. По их мнению, этническое самосознание личности поддается корректировке при обучении в школе и вузе. Следует отметить, что исследования этнического самосознания позволяют глубже рассмотреть изменения, происходящие в человеке в процессе социализации, когда он воспринимает этническую и политическую культуры, становясь членом определенной этнической общности.

В целом, проблемы политической социализации в Удмуртской Республике – область на данный момент малоизученная, тем более с учетом культурной специфики проживающих на её территории народов. В то же время использование междисциплинарного подхода в рамках уже упоминавшихся выше политологических и антропологических/этнологических наук позволит (естественно с опорой на предшествовавшие научные разработки и результаты практических исследований) определить возможные направления проявления этнического фактора политическую социализацию и на будущую политическую ситуацию в республике.

Политическая социализация является составной частью общей социализации и начинается еще в детстве. Большинство детей приобретает элементарные, но отчетливые политические установки и приобщается к моделям политического участия еще в относительно раннем возрасте. Некоторые из таких установок будут с течением времени эволюционировать и меняться, но другие могут оставаться частью политического «я» индивида на протяжении всей его жизни.

¹ Хотинец В. Ю. Этническое самосознание. СПб., 2000.

² Воронцов В. С. Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным социологических исследований) // Об этнической психологии удмуртов. Ижевск : УИИЯЛ, 1998. С. 117–130.

Семья является первичной и важнейшей фазой политической социализации молодёжи, оказывающей сильное влияние на базовые политические ориентации. В западной политологической литературе именно семья называется ключевым агентом, через который политическая культура передаётся от одного поколения к другому. Правда при этом отмечается, что социализирующая роль семьи зависит от того, насколько активно в социализации участвуют другие институты или агенты. Чем активнее последние, тем относительно меньше роль семьи. Некоторые отечественные социологи склонны считать, что в настоящее время роль семьи в процессе социализации снизилась по сравнению с советским периодом¹. Исследования зарубежных политологов свидетельствуют о том, что роль семьи в политической социализации уменьшилась по сравнению с неформальными группами сверстников и СМИ².

Тем не менее семейные отношения являются первым специфическим образцом общественных отношений. В условиях социальных трансформаций рубежа XX–XXI веков в российском обществе сформировались две противоположные тенденции во взглядах на семью.

Для одних семья является своеобразной психологической защитой, консолидирующим фактором в дезориентированном социальном пространстве, разрозненной и разноректорной социально-политической жизни российского общества. Другой частью населения семья воспринимается как нечто стороннее, препятствующее достижению жизненных ценностей: профессиональной карьеры, самореализации³.

В России семья как социальный институт переживает сложные времена. Передача от поколения к поколению социально-политического опыта, основных норм и ценностей в переходное время протекает особенно болезненно. Молодежь с присущим ей максимализмом стремится вырваться

¹ Самсонова Т. Н. Политическая социализация российских школьников // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3. С. 100; Валиева С. Ф. Роль семьи в процессе социализации ребёнка // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 1997. № 3. С. 122.

² Skolnick J. H., Currie E. Crisis in American institutions: fifth edition. Boston; Toronto, 1982. С. 239.

³ Пахомов А. А. Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики / На примере республики Саха (Якутия) // Социологические исследования. 2005. № 12. С. 101.

из-под «власти отца» и в семье, и в обществе. Каждое поколение имеет свой собственный социальный и политический опыт, и он не может полностью совпадать с опытом ни предшествующего, ни последующего поколения. По утверждению Е. Б. Шестопаля, «быстрота перемен в образе жизни, в социальной среде, окружающей и формирующей личность, уже сама по себе осложняет передачу опыта старших поколений младшим. Зачастую этот опыт не пригоден для молодых: прежние моральные и культурные ориентиры скорее дезориентируют в новой обстановке, не имеющей аналогов в прошлом»¹. Более того, молодое поколение лучше адаптируется к новым социально-политическим реалиям, в результате чего происходит разрыв поколений.

Объективными причинами противоречия как естественного процесса социализации в семье являются различия в возрасте, знаниях, социальном опыте, субъективными – различия между воспитательными ориентациями родителей и образовательной сферы, старыми и новыми взглядами, традициями, обычаями и т. п. Так, М. В. Вдовина в качестве причин конфликтов отмечает отсутствие в семье единства, взаимного уважения, дружбы (50 %), борьбу за власть и влияние в семье (16 %). Межпоколенные конфликты в семье зависят не только от личных и семейных характеристик участвующих в конфликтах, но и от социальных предпосылок. Почти половина опрошенных (48 %) подчёркивают разные ценности молодёжи и среднего, пожилого поколений как источника их конфликтов. Многие указывают на социально-экономический кризис (28 %) и политическую нестабильность в стране (13 %). Респондентов настораживает духовный кризис, падение нравов (28 %), эрозия чувств уважения и почтения к возрасту (26 %)². Влияние конфликтных ситуаций между родителями и ребёнком может рассматриваться как негативная часть стихийной социализации в семье.

¹ Шестопаля Е. Б. Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. М., 1988. С. 12.

² Вдовина М. В. Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 103.

Семья развивает личность ребёнка, прививает ему определённые нравственные качества, формирует у него социальные установки и ценности, которые не имеют непосредственно политического характера, но обуславливают способ реагирования человека на специфические политические явления. Человек с развитым чувством собственного достоинства будет вести себя так, как считает нужным, соотнося свое поведение со своими внутренними убеждениями.

Влияние семьи сильнее, когда взрослые её члены, особенно родители, имеют схожие взгляды. Там, где политические предпочтения и ориентации членов семьи не совпадают, семья менее эффективна в своей социализирующей роли: она не может передать новым членам общества твёрдой и устойчивой ориентации.

Западные политологи отмечают, что в целом как социализирующий фактор семья выступает в качестве консервативной, закрепляющей существующие ценности и установки, а не иницилирующей силы. Она передаёт политические установки, которые могут уже не соответствовать изменившимся обстоятельствам, мешают изменениям в политических ориентациях, в политической культуре. Политическая социализация, осуществляемая семьёй, может не учитывать изменения следующего характера: изменения ценностных ориентаций со сменой поколений и представлений по мере социального созревания человека. Она передаёт преимущественно ту часть культуры, которая доступна для социального слоя или группы родителей¹.

Необходимо также отметить, что семья, являясь опосредующим звеном между молодым человеком и политической системой, обладает относительной самостоятельностью и не всегда поддаётся пропаганде. Она может сглаживать, ослаблять негативное влияние социально-политической среды, или же это влияние может проявляться ещё отчётливее. Поэтому семья может способствовать как целенаправленному, так и стихийному воздействию

¹ Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 4. С. 95.

на личность. Однако её значение для социализации личности остаётся существенным, хотя и не одинаковым на различных этапах жизнедеятельности человека. Значительное социализирующее воздействие семьи проявляется в формировании основы будущих политических ценностей, определении места индивида в обширном социальном мире, установлении его этнических, языковых, социально-классовых и религиозных связей и ориентировании его профессиональных и экономических устремлений. Кроме того, именно в рамках семьи закладываются такие важные этносоциальные индикаторы, как национальное самосознание, представления о своей этнической и классовой принадлежности, религиозные и идеологические приверженности и фундаментальное восприятие прав и обязанностей в обществе.

В этой связи расхождения между этническими и религиозными группами часто воспринимаются столь остро именно потому, что они основаны на глубинном самовосприятии.

Следующим, не менее важным, институтом политической социализации, является образовательная сфера, которая во многом является объективной основой политической социализации молодёжи в современном обществе.

В ходе этнокультурного, социально-экономического, политико-правового развития российского общества система образования превращается в важнейшую социальную сферу и ведущий механизм формирования и совершенствования всей российской общественной системы. И. А. Щеглов называет образовательные структуры «...единственно положительно действующей агентурой социализации»¹. В то же время, по мнению А. И. Щербинина, политическое образование в жизни общества может сыграть двоякую роль. С одной стороны, оно способно послужить важнейшим механизмом поддержания целостности существующего политического мира, преодоления негативных экзогенных факторов и обуздания разрушительных

¹ Щеглов И. А. Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 281.

схоластических тенденций, с другой – оно само нередко становится катализатором разрушительных процессов¹. Можно предположить, что противоречивость влияния образования на процесс политической социализации заключается, с одной стороны, в возрастании его роли в реализации социальной преемственности поколений в условиях постоянных изменений, а с другой – в росте рассогласования его усилий с другими факторами социализации – как стихийными (неблагоприятные социально-экономические условия), так и планомерными (влияние СМИ как средства сознательно организуемого воздействия на аудиторию).

Анализируя роль образования в политической социализации личности, необходимо прежде всего уточнить содержание самого понятия, которое имеет далеко не однозначный характер². Образование – это сложный социальный феномен, анализ которого с точки зрения политической социализации предполагает его рассмотрение в трех аспектах: 1) образование как социально-политический институт; 2) образование как процесс; 3) образование как результат учебно-воспитательной деятельности.

Необходимо также отметить, что процесс образования включает в себя три основные составляющие: обучение, воспитание, развитие. Причем, процесс обучения направлен на интериоризацию учащимися знаний и опыта. Воспитание и развитие осуществляются опосредованно, при этом развитие рассматривается нами как внутреннее содержание воспитания в широком смысле слова. Обучение и воспитание – тесно взаимосвязанные стороны единого процесса образования.

Образование как социально-политический институт – это не статичная конструкция, а жизненно востребованная динамическая система. Данная характеристика образования проявляется, во-первых, в ее реформировании в соответствии с меняющимися условиями общественной жизни. При этом образование постоянно оказывает влияние на социализацию различных

¹ Щербинин А. И. Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // Политические исследования. 2003. № 4. С. 171.

² Зинченко В. П. О целях ценностях образования // Педагогика. 1997. № 5. С. 3.

поколений молодежи в соответствии со спецификой различных эпох. Во-вторых, каждый человек, получающий образование, последовательно проходит различные его ступени, формы и методы. В ходе этого диалектического процесса постоянно развиваются, изменяются его оценки, ценности, приоритеты.

Процесс политической социализации личности на уровне общеобразовательной школы достаточно противоречив. В нашей стране все структуры, обеспечивающие социализацию школьников, с проведением демократических реформ были дезавуированы, поскольку они не соответствовали требованиям осуществлявшихся преобразований. Мало осталось детских и юношеских кружков, студий. Практически бездействуют некогда массовые детские и молодёжные организации, занимавшиеся ранее патриотическим воспитанием молодого поколения. Миллионы детей оказались предоставленными самим себе. Образовавшийся вакуум породил безнадзорность и беспризорность детей и подростков, привёл к росту девиантного поведения среди молодёжи. Всё это заставило всерьёз задуматься над возникшими проблемами. В настоящее время постепенно восстанавливается деятельность детских и юношеских организаций, возрождается традиция «пионерского», но называемого теперь скаутским, движения.

Вместе с тем воссоздаваемая система социализации не имеет чётко поставленных целей и мировоззренческих установок, не содержит в себе разработанной идеальной модели личности нового социокультурного типа. Во многом по этой причине общеобразовательная школа практически не выполняет и не может эффективно выполнять функции агента политической социализации личности, соответствующей требованиям нового времени. Взаимосвязь института образования с различными сферами общества ведёт к противоречию между ним как сформировавшимся институтом социализации и назревшими общественными потребностями. В то же время в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на

2006–2010 годы» главный акцент делается именно на работу общеобразовательных учреждений как интегрирующих центров совместной воспитательной деятельности¹.

Воздействие высшего образования на политическую социализацию личности, как правило, весьма значительно. У определённой части студентов в процессе образования корректируются многие ориентиры, в том числе и социально-политические.

Важнейшей чертой высшего образования является целенаправленное развитие способности осуществлять планирование, прогнозирование последствий тех или иных действий, овладение определённым комплексом научных знаний, принципами научного анализа фактов, что благотворно сказывается на последующей самодетерминации личности и реализации её целей.

В высшей школе именно курсы общественных наук должны формировать способность качественного отбора и анализа получаемых политических сведений. Молодой человек должен иметь собственное представление о политике, власти, политических и государственных деятелях.

На сегодня политической наукой накоплен значительный опыт по изучению эффективности политической социализации подростков. Доказано, что полученные в детстве знания о политике оказывают существенное влияние на будущие воззрения и политическое поведение индивидов, а значит, и на функционирование политической системы общества в целом. Уже в детском возрасте складывается разное личное отношение к политике – либо как к процессу борьбы за господство, в ходе которой приемлемы самые разные методы и средства и возможны уступки в вопросах морали, либо как к законопослушному поведению и легитимной деятельности (возможно и формирование аполитичной личности).

¹ Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы» // Собрание Законодательства РФ. 2005. № 29. Ст. 3064.

В качестве насущной проблемы отечественного высшего образования можно отметить отсутствие его связи с рынком труда, в результате чего у молодого человека возникает несоответствие ожидаемого статуса с действительным.

Рассмотрение образования как результата учебно-воспитательной деятельности подытоживает функционирование образования в качестве социального института, воплощает в себе итоги образовательного процесса в целом. Оно характеризует то новое духовное качество личности, которое она экстериоризирует в результате обучения и воспитания. Нередко образование способствует снятию противоречий между существенными для личности ориентациями, предупреждает или смягчает внутренний конфликт.

Обладая значительным образовательным уровнем, личность часто способна более адекватно реагировать на комплексное воздействие факторов среды, по сравнению с человеком, обладающим лишь элементарной грамотностью, так как полученное образование в определённой мере структурирует сознание индивида.

Можно сказать, что подлинная образованность (как результат процесса социализации) выступает важнейшим источником дальнейшей самоопределения и самосовершенствования личности.

Не стоит идеализировать и абсолютизировать роль системы образования в процессе политической социализации, так как сама политическая сфера оказывает прямое воздействие на систему обучения, образования, воспитания и социализации, как в плане структуры, так и содержания. Существует опасность усвоения и интерпретации политического знания через призму идеологии преобладающей силы.

В рамках школы, а если шире – системы обучения воздействие этнического фактора может, как ослабевать, так и усиливаться. В школе могут прививаться общенациональные ценности и существующие в обществе общеобязательные правила и нормы (унифицирующая политическая социализация). В то же время именно в рамках школы происходит

установление неформальных (личных) политических связей, играющих ощутимую роль в жизни каждого человека, которые могут носить как межнациональный, так и ориентированный на представителей своего этноса характер. Кроме того, характер образования разных этнических групп может весьма существенно отличаться. Примером тому служит разница между городским и сельским образованием и итогами поступления в вузы городских и сельских выпускников. А если учесть, что основная масса сельского населения Удмуртии – удмурты, то вывод о значительной специфике в политической социализации между представителями русского и удмуртского этноса очевиден. Отметим, что уровень образования влияет на предрасположенность к независимому мышлению, объективному анализу политической информации, более широкому участию в политической жизни.

Проявление этничности ощутимо может проследиваться и в «группах равных». К этой социальной категории относятся самые различные объединения (компании друзей, одноклассники, сокурсники, трудовые коллективы), члены которых тесно связаны между собой и имеют примерно равный статус. Для этих объединений характерно стремление придерживаться принятых в группе установок и моделей поведения. От этнического состава данных групп может зависеть реальное содержание их политических предпочтений и ориентаций. В действительности группа равных социализирует своих членов, побуждая или даже заставляя придерживаться принятых в группе политических установок и моделей поведения. В данных группах люди усваивают политические ценности и установки потому, что хотят сохранить отношения с окружающими, стремятся походить на них, стараются поступать как они.

Многообразие конкретно-исторических религиозно-духовных состояний общества позволяет сформировать лишь несколько общих выводов, необходимых для понимания влияния церкви на процесс политической социализации в рамках политической системы.

Как правило, политические системы большинства обществ, особенно на современном этапе, формально исключили церковь из своего состава, произошло отделение государства от церкви. Этот принцип закреплялся конституционно, государство формально не вмешивалось в дела церкви, а церковь не вмешивалась в государственную жизнь, в политику. В таком взаимоотношении реализуется принцип свободы совести, свободы вероисповедания, автономии религии. Однако в целом церковь во многих обществах, как правило, – фактически важный элемент политической системы общества, хотя в либерально-демократических системах такое положение открыто не признается, а конституционно даже отвергается. Вместе с тем и в таких системах отдельные политические контакты между государством и церковью в конкретно-исторической обстановке являются весьма интенсивными и значимыми.

История свидетельствует, что деятельность религиозных организаций оказывает определенное влияние на экономику, политику, культуру, государство, межнациональные отношения, семью. Религиозная принадлежность нередко бывает источником партийных предпочтений, которыми люди могут руководствоваться и при принятии других политических решений¹. Поэтому религию мы будем рассматривать не как замкнутую, изолированную систему, а как систему, связанную и взаимодействующую с другими элементами общества.

Отношения власти и церкви в Российской Федерации базируются на Конституции РФ, которая гласит, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, то есть государство обеспечивает свободу совести и убеждений, кроме того, по Конституции РФ религиозные объединения равноправны.

Русская Православная Церковь также заявила, что четко определила свое место в обществе. Церковь отказалась от участия в политике, она стремится подняться над политической борьбой и распрями,

¹ Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М., 2002. С. 220. С. 111.

сконцентрировать внимание на решении проблем духовно-нравственного возрождения общества. Однако все пороки и несправедливости государства должны получать свое решительное осуждение со стороны церкви, которая четко высказывает свою социально-политическую позицию, дает нравственную оценку положенных в основание политики принципов и ценностей.

Степень влияния религии зависит от ее места в обществе, а это место не является постоянным. Сегодня многие препятствия, сдерживавшие долгие годы роль религиозных организаций в жизни общества, ликвидированы.

Так, советская школа являлась важнейшим звеном партийно-государственной системы атеизма. Весь процесс обучения и воспитания был направлен на формирование у выпускников непримиримости по отношению к религии¹. Данное положение можно расценить как резкое противоречие с цивилизованными принципами светского образования в демократическом государстве, где светская школа должна придерживаться нейтральной позиции, как к религии, так и атеизму. Особенно это актуально для нашей многонациональной страны. Однако школа должны основательно знакомить учащихся с религией как одним из важнейших феноменов культуры, поскольку знание истории, особенностей вероучений, их вклада в культуру человечества совершенно необходимы современному образованному человеку. Как бы то ни было, но теоретические и практические вопросы преподавания религиоведческих дисциплин в светской школе на сегодня и впредь остаются насущными научными и педагогическими проблемами.

Церковь получила право диалога с детьми и молодежью. Создано Всероссийское молодежное православное движение Русской Православной Церкви.

В исследованиях, проведенных Российским независимым институтом социальных и национальных проблем, были выявлены определенные

¹ Писманик М. Г. Светская школа и религия // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 55.

различия между верующей и неверующей молодежью в степени проявления интереса к политике. Среди неверующих в 1,5 раза больше, чем в группе верующих, тех, кто внимательно следит за политической информацией в стране, и в 2 раза больше участвовавших в работе политических партий, митингах, забастовках¹.

Рассматривая религиозную идентичность молодежи Удмуртской Республики, обратимся к результатам исследований, изложенных в Государственном докладе комитета по делам молодежи за 2008 год. Как оказалось, в молодежной среде доля верующих, «стремящихся соблюдать обычаи и обряды» показывает небольшую, но устойчивую динамику роста: в 2004 году таких было 8,1 %, в 2005 – 7,4 %, в 2006 – 8,9 %, в 2007 – 9,2 %, в 2008 – 10,8 %. При этом количество верящих в Бога, но «не соблюдающих обычаев и обрядов» остается примерно на одном уровне: 2004 – 50,9 %, 2005 – 49,1 %, 2006 – 52,7 %, 2007 – 47,4 %, 2008 – 50,9 %². Как видим, религиозные ценности в молодежной среде играют определенную роль, но не являются доминирующими.

В нашей стране роль агентов политической социализации существенно снизилась. Более того, по мнению ряда авторов, институты социализации являются основанием специфики молодежных конфликтов, а их дисфункция – своего рода катализатором риска³.

Существующие религиозные ценности способны оказать заметное влияние на политическую жизнь, особенно тогда, когда представители этнических групп являются последователями разных конфессий. Этноконфессиональные особенности заметно проявляются в политической социализации, поскольку поддержка определенных политических сил напрямую бывает связана с этнической и конфессиональной принадлежностью избирателей.

¹ Молодёжь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится? / Аналитический доклад по заказу московского представительства Фонда им. Ф. Эберта [Электронный ресурс]. URL: <http://works.tarefer.ru/66/100130/index.html>

² Государственный доклад о положении молодёжи в Удмуртской Республике в 2008 году / Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодёжи. Ижевск, 2009. С. 98.

³ Чупров В. И. Молодёжь в обществе риска М, 2001. С. 111.

Для успешной интеграции личности в общество необходимо открытое информационное пространство, так как основой политической социализации личности является информация. Потребность человека в информации является его объективной потребностью, связанной с положением личности в обществе. Можно выделить две наиболее общие функции СМИ: функция социализации, содержащая такие подфункции, как информационная, аналитическая, воспитательно-развивающая, развлекательная, и регулятивная (управленческая).

В реальной социальной практике и общественном сознании россиян СМИ долгое время выступали как идеологический инструмент государства, как органы, стоящие над аудиторией и спускающие ей образцы, которым желательно следовать, и рекомендации, которые необходимо выполнять. Причем, нормы и ценности, транслируемые в процессе массовой «коммуникации», должны были восприниматься как единственно правильные и не подлежащие сомнению. В такой модели коммуникации личности отводится роль пассивного объекта социализации. Можно предположить, что именно СМИ, не отражающие реального многообразия мнений, актуальных проблем, внесли свой вклад в отчуждение молодежи от социально-политической деятельности и политических институтов.

В настоящее время превалируют две основные точки зрения на место и роль СМИ в обществе. Одни рассматривают их как органы власти (феномен «четвертой власти»), другие – как институт гражданского общества. Отсюда возникает реальное противоречие в оценках их деятельности и определении основных функций. С одной стороны, СМИ призваны обеспечить информационное обслуживание процесса функционирования властных структур, с другой – их задачей является информационное обеспечение процесса реализации потребностей и интересов личностей, групп, общества в целом. В демократических обществах противоречие решается на основе диалога власти и общества и их взаимодействия. В российском социуме гражданское общество находится в стадии формирования и развития. По

существу, СМИ пока не в состоянии стать независимыми и объективными и вместе с тем принять в полной мере сознательное и активное участие в политической и социальной жизни¹.

В связи с понижением роли семьи и институтов образования как агентов социализации, резко возросло значение средств массовой информации, включая электронные. Электронная связь порождает новые формы общения, которые могут стать ведущим средством СМИ, основной системой телекоммуникации. СМИ относятся к числу наиболее важных социальных институтов, через которые общество на макроуровне оказывает воздействие по формированию ценностно-нормативных представлений, убеждений, идеалов личности. В то же время деятельность телевидения, радио, печати – это показатель состояния как общества в целом, так и всех его институтов, показатель степени эффективности их функционирования. СМИ принадлежит особая роль в осуществлении властных отношений, процессов интеграции и изменений в социуме.

Многие исследователи выделяют средства массовой информации как обладающие наибольшим эффектом воздействия на формирование политических представлений². Особую социализирующую роль играет телевидение, так как человек получил возможность приобщаться к различным сферам общества путем визуальной восприятия.

СМИ оказывают влияние на формирование и изменение политических институтов, выполняя функции посредника между государством и обществом, элитными группировками и массовыми группами, между властными институтами и различными группами интересов. Этот инструмент

¹ Андреев Э. М. Средства массовой информации и реформирование России // Социально-политический журнал. 1996. №4. С. 35.

² См., например: Малаканова О. А. Политическая коммуникация. Структура и динамика российского электорального пространства (круглый стол) // Политические исследования 2000. № 2; Зурабишвили Т. З. Роль средств массовой информации в предвыборной ситуации // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. № 4; Щеглов И. Л. Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 276–283; Колодиз Б. Н. О роли СМИ в диалоге этнокультур и формировании межэтнической толерантности а современном российском обществе. Ярославль, 2004. С. 96.

необходим в первую очередь для того, чтобы все институты обрели свою легитимность.

Легитимность того или иного политического института (например, политической партии или движения, негосударственной организации, имеющей политические цели) зависит от того, понимает ли население необходимость этого института, информировано ли оно о его деятельности. Это невозможно без прозрачных каналов взаимодействия между политическим институтом (например, политической партией) и широкими слоями населения. СМИ доводят до рядовых граждан информацию о деятельности данного политического института, рисуя ее в более или менее привлекательном виде. По существу новые институты через СМИ начинают формировать «нужное общественное мнение», притом, что СМИ способны одновременно охватить огромную аудиторию, именно они (прежде всего программы новостей и комментарии к ним) «поставляют населению наибольшее количество информации, касающейся политики, воздействуя на конкретные оценки и действия в политической сфере... СМИ, управляя информационными потоками, активно «препарируют» политическую реальность, по своему усмотрению высвечивая одни ее стороны и оставляя в тени другие. Подобный характер обращения с информацией отнюдь не безобиден: в результате происходит навязывание аудитории чуждых и необдуманных (за ними нет работы мысли самого слушателя или читателя) мнений и представлений. В результате мнения людей определяются тем, что они извлекли из сообщений СМИ»¹.

По данным многочисленных исследований, посвященных использованию электронных СМИ, более половины молодых людей пользуется услугами глобальной сети каждый день или несколько раз в неделю. Интернет не признает условностей государственного суверенитета, форм политического участия, иерархических структур, политических партий и других институциональных субъектов политики.

¹ Дмитриев А. В., Латынов В. В. Массовая коммуникация: пределы политического влияния. М, 1995. С. 5–15.

Интернет может способствовать преодолению негативной тенденции к снижению уровня политического участия (особенно это относится к молодому поколению), упростив прямой контакт граждан и правительства. Интернет снижает затраты на согласование возможных путей политического действия между индивидами, придерживающимися схожих взглядов, но не взаимодействующих непосредственно в реальном мире.

Можно предположить, что сегодня виртуальная политика идет к принципиально новому этапу в своем развитии. Речь идет о создании виртуальных политических структур. Они будут отличаться от любых ранее существовавших объединений, организаций, движений и т.д. Интернет давно поставил на повестку дня вопрос об объединении людей по самым разным интересам.

Вместе с тем политические последствия использования сети противоречивы и неоднозначны. С одной стороны, Интернет позволяет снимать географические и структурные ограничения перед прямым политическим участием, устранять дистанцию между гражданами и лицами, принимающими решения, расширять информационно-образовательное поле. С другой стороны, современные информационные технологии, по мере расширения их сферы применения в повседневной жизни, делают общество более уязвимым перед политическим контролем, способствуют наращиванию и совершенствованию инструментария политического господства, создают потенциальную возможность авторитарной социализации и манипулятивного воздействия на личность. Происходит сужение возможностей реальной политической социализации и расширение возможностей виртуальной социализации человека, при которой теряется яркость живого общения. Более того, новые информационные технологии иногда могут бросать вызов и интересам общественной и государственной безопасности.

Итак, можно сделать следующие выводы. СМИ, рассматриваемые как косвенное общение, создают благоприятные возможности для получения

практических политических знаний, способны развивать у личности такие свойства, как солидарность, коллективизм, расширяя тем самым возможности виртуальной социализации. В то же время они создают условия, способствующие ослаблению активности личности, формируя ориентации на пассивность и сужая возможности реальной социализации.

При всем этом СМИ могут стать институтом, способным осуществлять позитивное социализирующее воздействие, если главной их задачей станет беспристрастное отражение и доведение до личности информации о событиях в стране и мире. С этой точки зрения СМИ рассматривается как проводник стихийной социализации, который должен быть хорошо организован и отлажен.

В области СМИ этничность будет оказывать заметное воздействие на политическую социализацию только в том случае, если они имеют аудиторию, отделенную от остальных языковым барьером («национальные средства массовой информации»). Ресурс «национальных» СМИ в Удмуртской Республике используется на выборах всех уровней. Кроме того, на языках народов республики публикуют и некоторые агитационные материалы. Здесь уместно вспомнить нашумевший на последних выборах Президента УР альбом с комиксами «Одиянков-батыр».

В условиях стремительной модернизации политической системы России очевидно, что ведущую роль в политической жизни страны начинают играть политические партии. Однако партийная система в определенной степени носит переходный характер, а изменения, происходящие с партиями, влияют на качество реализуемой политики. При этом следует иметь в виду, что партии должны учитывать российскую действительность: более активно участвовать в политическом процессе, формировать политические программы, стремиться к их внедрению в массовое сознание и таким образом активно выполнять функцию политической социализации. Политическая социализация осуществляется партиями прежде всего путем устной пропаганды и агитации, а также через средства массовой информации,

символику (флаги, эмблемы, знамена). Партии, их лидеров и разного рода функционеров можно назвать непосредственными производителями политических представлений, создателями идеологий и организаторами политических событий. Они конструируют социальную реальность и навязывают свои взгляды обществу. Основной целью распространения подобного рода информации является мобилизация граждан для политической поддержки государственной власти или же какой-либо партии или лидера, главным образом на выборах, если они представляют собой более или менее сложившийся политический институт гражданского общества, осуществляющий обратную связь между государством и обществом.

Вместе с тем, общество не может ждать, пока политические институты, созданные в интересах элиты, постепенно начнут функционировать в интересах граждан. В результате у россиян нарастает глубокое чувство неудовлетворенности функционированием политических институтов, которое выливается в недоверие по отношению к ним. И соответственно партии перестают быть эффективным инструментом гражданского общества.

Современные российские политические партии не представляют собой устойчиво сложившейся системы социальных отношений, в которые включена значительная часть членов общества. Одной из важных функций политических партий и избирательной системы в целом является формализация и институционализация политического участия граждан, замена спонтанных, стихийных, неорганизованных и часто незаконных форм политических действий законными, институционализированными формами через партии и избирательную систему, что особенно актуально для современной России.

Подлинные политические партии могут возникнуть только тогда, когда общество достигнет соответствующего уровня социально-политической дифференциации, при которой социальные слои и группы более или менее четко осознают и структурируют свои интересы. Важной предпосылкой для

этого является кристаллизация и институционализация интересов заинтересованных групп, объединений, других компонентов гражданского общества, а также демократическая в своей основе политическая культура. К сожалению, современный российский социум лишен некоего скрепляющего его воедино стержня или организационного начала, оно находится в аморфном состоянии.

По данным Министерства юстиции, в настоящее время в Российской Федерации зарегистрированы и имеют право принимать участие в политической жизни семь политических партий: «Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации», «Либерально-демократическая партия России», «Патриоты России», «Яблоко», «Справедливая Россия», «Правое дело»¹. Из них в настоящее время в Государственной Думе Федерального Собрания РФ представлены только 4: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

Социализирующая роль политических партий в современной России невелика, поскольку большинство из них проходят этап становления и самоутверждения, не имея четких политических программ, единой системы политической коммуникации. Политические партии больше заняты обслуживанием групповых интересов руководства страны, а не серьезной политико-воспитательной работой среди населения.

К общей характеристике состояния детских и молодежных движений относится слабое идейно-воспитательное влияние на молодежь. Их программные документы свидетельствуют о невнимании к идейным основаниям своей деятельности, к утверждению в молодежной среде определенных принципов и идеалов. Как правило, отсутствует постановка политических целей.

Деятельность многих политических партий также может основываться на этническом факторе. Так происходит, например, даже в США, где

¹ Список зарегистрированных политических партий // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://minjust.lgg.ru/ru/activity/nko/partii/>

афроамериканцы являются электоратом демократической партии, а значительная часть латиноамериканцев – республиканской. В то же время общенациональные политические партии не в полной мере могут использовать этнический компонент, и он сам практически не проявляется в партийной деятельности, особенно в условиях современной России. Однако на региональном уровне политические партии для привлечения электората достаточно часто используют языки народов, проживающих на их территории (например, партийный блок «Медведь» выпускал в свое время удмуртскоязычную листовку *«Гондыр»* (удм. медведь)).

Следует обратить особое внимание на то, что общественные организации, как и политические партии, являются необходимым условием функционирования гражданского общества и формирования политической культуры. Объединение людей в общественные организации, нацеленное на решение различных задач в области социальной сферы, свидетельствует о зрелости гражданского самосознания, характеризует активную жизненную позицию граждан. Не зря именно в процессе демократизации российского общества в Удмуртии возникло немало общественных организаций, занимающихся различными вопросами общественно-политической жизни.

В настоящее время на территории Удмуртии зарегистрировано более полутора тысяч некоммерческих организаций, объединяющих наиболее активную и образованную часть населения и выступающих выразителем интересов населения. Например, в области возрождения и развития удмуртского народа, сохранения удмуртского языка и самобытной культуры можно выделить такие наиболее значимые общественные объединения удмуртов, как Удмуртская республиканская общественная организация «Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш», общество удмуртской культуры «Дэмен», молодежные организации «Шунды» (1990 год), республиканский совет женщин-удмурток «Нылкышно кенеш» (1993 год) и

др¹. В этой связи актуальным является рассмотрение опыта работы общественных организаций, направленных на поддержку института семьи, как одного из наиболее важных объектов, на которые направлена деятельность многих общественных/некоммерческих организаций.

На уровне республики вплотную с молодежью среди национальных общественных организаций занимается прежде всего Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды». Свою миссию члены организации видят в сохранении и пропаганде удмуртской культуры, воспитании толерантного неагрессивного молодого поколения. Как отмечает экс-председатель организации Т. В. Ишматова, деятельность организации строится в трех направлениях – экологическом, творческом и социальном. В рамках экологического направления проводятся экспедиции по районам, организуются лагерные смены, в которых дети и подростки расширяют знания о родном крае, ближе узнают его. Взрослые (учителя, ученые, активисты движения) стараются воспитать в них любовь к малой родине, бережное отношение к природе. Творческое направление ориентировано на раскрытие и реализацию творческих способностей молодежи. Особый акцент при этом делается на традиционную удмуртскую культуру. Проводятся различные фольклорные праздники, дискотеки, этнофутуристические выставки и др. Уже более 15 лет ежегодно организуются летние лагерные смены «Шундыкар», в которых одаренные удмуртские дети познают народную культуру, повышают собственное мастерство, заряжаются стремлением к успеху в творческих лабораториях по направлениям: журналистика, вокальное искусство, хореография, лаборатория молодого политика. В работу «Шундыкара» вовлечены психологи, ученые (этнографы, фольклористы), люди творческих профессий (художники, мастера декоративно-прикладных искусств и ремесел), журналисты, политики и т. д. Участвуют в лагерных сменах и дети из удмуртских диаспорных групп. Опыт

¹ Некоммерческие организации города Ижевска // Сайт администрация города Ижевска [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.izh.ru/izh/info/i08494.html>

«Шундыкара» оказался удачным, его заимствовали удмурты Башкортостана, организовав у себя ежегодные лагерные смены «Усточикар». Школа «Шундыкара», через которую прошли сотни детей-удмуртов, стала для многих из них стартовой площадкой последующего профессионального роста, творческой карьеры.

Третье направление – социальное – направлено на работу с молодыми удмуртскими семьями, преимущественно сельскими. Через разнообразные формы работы – семинары, конкурсы среди молодых семей, консультации, лекции, праздники – решаются задачи укрепления культуры здорового образа жизни, обогащения и подъема национального самосознания, сохранения в её рамках «удмуртской этничности», которая могла бы быть транслирована последующим поколениям¹.

Можно также отметить то, что в последнее время представители Удмуртской молодежной общественной организации «Шунды» активно взаимодействуют с другими политически ориентированными общественными организациями. И это приводит к заметным результатам: например, активист Регионального отделения «Молодой Гвардии Единой России» и по совместительству председатель правления Удмуртской молодежной общественной организации «Шунды» Татьяна Ишматова стала депутатом Государственного Совета Удмуртской Республики созыва 2007 года².

В целом можно отметить, что рассмотрение политической социализации, протекающей в этнически неоднородных обществах, требует качественного анализа национальной культуры, самосознания, этнопсихологии, поскольку именно в них могут лежать объяснения тех или иных особенностей политического поведения, характерных для различных

¹ Поздеев И. Л. Институт семьи как объект деятельности общественных организаций: к рассмотрению вопроса // Россия и Удмуртия: история и современность / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. Ижевск, 20-22 мая 2008 г. / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. Ижевск, 2008. С. 739–740.

² Лазарева, Н. «Молодая Гвардия» нужна и будет [Электронный ресурс]. URL: <http://ishmatova.ru/content/view/112/19/>

этнических групп. Представляется логичным и обоснованным то, что этнический фактор до настоящего времени выступает важным компонентом политической социализации, определяя, в конечном счете, облик и содержание политической культуры. Воздействие этничности позволяет во многом объяснить особенности политической жизни тех или иных обществ.

Рассматривая социализацию молодежи как сложный и многофакторный процесс, можно выделить объективные и субъективные детерминанты, которые, оказывают существенное воздействие на формирование личности.

Так, объективные социально-экономические, социально-политические, социально-культурные условия макросреды определяют условия жизнедеятельности молодого человека и его ближайшего окружения, которые, в свою очередь, предопределяют специфику молодежного сознания. Разнообразные институты социализации оказывают культурное, идеологическое и другое воздействие на формирование личности. Отобразившись в сознании молодых людей, оно влияет на их потребности, интересы, ценностные ориентации, установки и обуславливает изменения в избирательных моделях поведения. Наконец изменяющиеся условия макросреды оказывают воздействие на особенности включения молодежи в социальную структуру общества, что сказывается как на формировании социального облика молодежи, так и на степени развитости самой социальной структуры.

Подчеркивая объективное воздействие данных условий на социализацию личности, необходимо учитывать и обратное влияние молодежи на общество, его обновление, утверждение нового, прогрессивного. Успешность процесса ювенализации зависит не только от объективных причин, но и от ряда субъективных факторов, таких как активная деятельность личности по преобразованию социальных условий собственного развития, по формированию и совершенствованию личностных качеств в соответствии со своими идеалами и убеждениями.

Объективность условий социализации не означает их стихийности и неуправляемости, что наблюдается в нашей стране с начала 90-х годов. Наоборот, как справедливо отмечает В. И. Чупров, «в современных обществах именно сознательно развиваемые общественные отношения все более составляют фундамент научно обоснованного регулирования социального развития молодежи»¹. Выделяя эту особенность, следует иметь в виду не манипулирование сознанием молодых людей, не волюнтаристское воздействие на их судьбу, а создание необходимых условий, обеспечивающих возможность самореализации, самоутверждения молодежи. Без этого общество не сможет эффективно функционировать, и, следовательно, оно должно быть заинтересовано в создании предпосылок для благоприятной социализации личности.

¹ Чупров В. И. Молодежь России: социальное развитие. М, 1992. С. 7.

Глава II. Роль этнического фактора в формировании среды политической социализации в постсоветской Удмуртии

2.1 Социально-политические процессы и институализация новой политической системы в Удмуртии

Изучение вопросов, связанных с политической социализацией, невозможно отделить от анализа этнокультурной и политико-правовой среды, в которой она протекает. Воздействие окружающей социально среды на политическую социализацию в итоге вырабатывает ее качественные характеристики и особенности в обществе. Во многом именно отношение социума к тем или иным вопросам определяет направленность политической социализации, формирует отношение к социально-значимым для данного общества проблемам. Например, к этническому представительству, характеру властеотношений, степени участия общества в управлении государственным и муниципальными делами. В этой связи изучение комплекса вопросов, характеризующих развитие политической системы общества, является центральным при характеристике политической социализации. Говоря о становлении и развитии политической системы Удмуртии, необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что на ее оформление огромное воздействие оказывает развитие политической системы Российской Федерации в целом. В свою очередь, одной из особенностей трансформации политической системы России является то, что становление гражданского общества и построение демократического федеративного правового государства протекают параллельно. При этом до настоящего времени процессы преобразования политического пространства далеки от завершения. Вызовы глобализации создают такие условия, в которых политические акторы вынуждены постоянно искать возможные пути совершенствования и/или оптимизации политической системы российского социума. Масштабные политико-правые преобразования,

затронувшие политический ландшафт, особенно в период после 2000 года, призваны были определить новые приоритеты в развитии политической системы как России, так и ее субъекта – Удмуртии.

Становление политической системы России принято относить к периоду 1985–2000 годов, когда произошла кардинальная перестройка конституционных основ общества, перераспределение полномочий субъектов политической системы, сформировались новые ценностные ориентации¹. С 2000 года начинается период ее поступательного эволюционного развития.

По мнению М. Н. Губогло и С. К. Смирновой, этнополитическое развитие Удмуртии включает в себя три этапа, которые выделяются на основе анализа функционирования институтов государственной власти и становления конституционно-правового статуса Удмуртии как полноправного субъекта федеративных отношений². Первый из них (1990–1995 годы) охватывает суверенизацию республики, формирование новых органов государственной власти и местного самоуправления и иного типа федеративных отношений с центром. В этот период, несмотря на сложную ситуацию, связанную с социально-экономическими преобразованиями, происходил рост национального самосознания этнических групп, оформились основные национальные движения, была создана государственно-правовая основа для регулирования межнационального сотрудничества в регионе.

На втором этапе (1995–2000 годы) происходил поиск пути развития в сложившихся социально-политических условиях, выбор оптимальных форм системы государственного управления, выразившийся в итоге в переходе от парламентской республики к президентской.

¹ Бехтерев, С. Л. Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект) : дис. ... док. ист. наук. Ижевск, 2004. С. 28.

² Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001; Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М. ; Ижевск, 2002.

Последний начинается с 2000 года. Этот этап в политической сфере начинает отсчет с перехода Удмуртии к президентской республике, повлекшего за собой серьезные корректировки политической системы. Учитывая то, что исследование М. Н. Губогло и С. К. Смирновой было в целом завершено в 2000-2002 годы, оно не охватило тех изменений, которые имели место в период второго президентского срока В. В. Путина и начала правления Д. А. Медведева.

В этой связи целесообразно выделить четвертый этап развития политической системы Удмуртии, который берет начало в декабре 2007 года. Причин для выделения этого этапа несколько. Во-первых, в федеральное законодательство были внесены существенные изменения, связанные с формированием органов государственной власти Российской Федерации и ее субъектов. Речь идет, прежде всего, о внесении изменений в Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях», Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», которые установили в РФ новые правила политической жизни, выразившиеся в переходе на пропорциональную избирательную систему при выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, увеличении до 7 % «заградительного» барьера, что должно было повлечь за собой существенный рост роли и значения политических партий в политической жизни России и ее субъектов¹. Во-вторых, изменения были внесены в Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской

¹ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с изменениями и дополнениями); О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями); О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

Федерации», который изменил конституционно-правовой статус Президента УР, выразившийся в новом порядке наделения его полномочиями¹. Избирательная система субъектов РФ также видоизменилась, теперь обязательным условием стала необходимость формирования местных парламентов на принципах смешанной избирательной системы (50 % депутатов должно избираться по мажоритарной системе, 50 % – по пропорциональной). Положения федерального законодательства нашли свое отражение также на региональном уровне. В частности, в принятых Государственным Советом Удмуртской Республики². Учитывая большую роль местного парламента в наделении полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, очевидно, что его конституционно-правовой статус заметно вырос, увеличилась и роль политических партий в его деятельности. В-третьих, 1 января 2009 года в Российской Федерации завершился переходный период, связанный с проведением муниципальной реформы, в полном объеме вступил в силу Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», определивший основы взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления³.

На этом новом, четвертом этапе, характеризующем развитие политической системы Удмуртии, произошли такие важные события, как выборы Государственного Совета четвертого созыва, состоявшиеся 2 декабря 2007 года и наделение полномочиями высшего должностного лица А. А. Волкова, которое состоялось 20 февраля 2009 года⁴. Наделение А. А. Волкова

¹ Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

² О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : Закон УР от 13 апреля 2007 г. № 18-РЗ (с изменениями и дополнениями); О Государственном Совете Удмуртской Республики : Закон УР от 5 декабря 2007 г. № 65-РЗ (с изменениями и дополнениями); О Президенте Удмуртской Республики : Закон УР от 8 июня 2000 г. № 177-П (с изменениями и дополнениями).

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

⁴ Александр Волков сохранил за собой пост президента Удмуртии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rian.ru/politics/20090220/162753704.html>

полномочиями высшего должностного лица стало свидетельством сохранения преемственности в развитии политической системы Удмуртии, в формировании основ которой он принимал самое активное участие.

Следует отметить, что становление политической системы неотрывно связано от формирования системы политической социализации, переживая аналогичные этапы развития. По мнению депутата государственного совета Удмуртской Республики, члена депутатской фракции «Единая Россия» А. И. Гальцина, становление системы социализации российской молодежи за последние двадцать лет можно разделить на два этапа. Первый этап берет начало с 90-х годов XX века, после развала СССР. В это время характерным было отсутствие какой-либо идеологии. *«Молодежь оказалась в более выгодном положении: более свободная, более раскрепощенная, Грубо говоря, у неё голова была более свободна для принятия новых ценностей. Но, к сожалению, набор ценностей, обязанных быть сформулированными старшим поколением, государством не был сформулирован... На тот период у молодежи не оказалось старшего наставника, способного выстроить государственную стратегию по молодежной политике. Общество деградировало».*

Второй этап начинается с 2000 года, когда начинаются процессы, направленные на укрепление России, ее целостности: *«у нас появилась собственная экономическая самостоятельность и появилась необходимость осознания собственных национальных интересов. Эти процессы, происходившие в России, ложились и на молодежь».* По мнению эксперта, в этот период политическая социализация уже привязывается к партийному строительству, когда молодежь, особенно активную её часть, начинают привлекать в ряды политических партий, проводить естественный отбор молодых политических сил. Характерным для этого периода становится и то, что появился государственный заказ на работу с молодежью. *«В большинстве субъектов появились законодательные акты о государственной молодежной политике, в Удмуртии было образовано*

министерства по молодежной политике, в бюджетах всех уровней закладываются средства на проведение мероприятий в молодежной среде. А самое главное – «наличие трех составляющих системных: закон, структура, ресурсы вот это является показателем наличия государственного заказа»¹.

Руководитель общественной приемной Президента России в Удмуртской Республике депутат Государственной думы РФ третьего и четвертого созывов С. К. Смирнова дает аналогичную периодизацию становления системы политической социализации: *«Первый этап это после распада СССР и до 2000 года. Далее период связан с восстановлением конституционного строя, приведением в соответствие законодательства и возвращение элементов воспитания в школы, вузы»².*

Следует отметить, что большую роль в развитии политической системы Удмуртии играет этнический фактор. Этнический компонент в политической сфере наиболее отчетливо проявляется в этническом представительстве в органах государственной власти и местного самоуправления, становлении и развитии национальных движений и роли этнической (прежде всего – удмуртской) политической элиты в политической жизни республики.

Проблема, связанная с этническим представительством, имеет свой подтекст, связанный с институтом выборов. В любом демократическом обществе этот институт играет ключевую роль, связанную с непосредственным и самостоятельным формированием населением органов власти, поэтому при характеристике комплекса вопросов, касающихся этнического представительства необходимо остановиться на анализе воздействия этнической среды на результаты голосования на примере, прежде всего, выборов в Государственный Совет УР и высшего должностного лица (президента). За последние 15 лет в Удмуртии прошло

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 74–75.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 79–80.

четыре избирательные кампании по выборам депутатов в Государственный Совет УР и дважды состоялись выборы Президента Удмуртии.

Следует отметить, что результаты официальной статистики не позволяют проследить влияние этнического фактора на результаты голосования. М. Н. Губогло справедливо указывает, что изучение «этнических различий в политических предпочтениях избирателей – одна из наименее разработанных проблем как в современной этнологии, так и политологии... Отсутствие этнического аспекта в электоральной статистике в некоторой мере восполняется сравнением результатов голосования в различных типах этнических сред»¹. Необходимо также иметь в виду, что официальные результаты голосования – едва ли не единственный достоверный источник по электоральному поведению населения современной Удмуртии.

Одним из исследователей, уделившим специальное внимание вопросу об этническом компоненте электорального поведения, стал М. В. Тенсин, который выявил наличие существенных различий в политическом поведении и предпочтениях основных этнических групп Удмуртии – русских, удмуртов и татар².

Выборы депутатов Государственного Совета УР проходили в 1995, 1999, 2003, 2007 годах. Следует указать на то, что выборы депутатов первых трех созывов проходили с использованием мажоритарной избирательной системы, которая не позволяет в должной мере проанализировать воздействие этнического фактора, поскольку на итоги голосования оказывает влияние большое количество разнохарактерных моментов, начиная от личности самого кандидата, заканчивая возможностью применения «административного ресурса».

Первые выборы депутатов Государственного Совета УР прошли 26 марта 1995 года в соответствии с Законом УР от 28 января 1994 года № 583-

¹ Губогло М. Н. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М., 2001. С. 281–282.

² Тенсин М. В. Феномен «неотрибализма» в контексте современной этнополитической жизни (конец XX – начало XXI вв.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.

ХП «О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики»¹. Для признания избранным депутатом Госсовета кандидату необходимо было получить относительное большинство голосов избирателей, но не меньше, чем число голосов, поданных против всех кандидатов. Выборы признавались состоявшимися при явке на избирательные участки не менее 25 % избирателей.

Правом выдвижения кандидатов в депутаты Государственного Совета УР в соответствии с законодательством обладала группа избирателей и избирательные объединения. В выборах депутатов Государственного Совета приняло участие 6 избирательных объединений («Удмуртская республиканская организация КПРФ», «Удмуртское представительство конфедерации деловых женщин России», «Республиканский центр поддержки самоуправления», «Ассоциация ученых», «Инвалиды войны в Афганистане») и 5 избирательных блоков («Удмуртия», «Удмурт Кенеш», «Свобода, законность, согласие», «Российская коммунистическая рабочая партия», «Социально-экологический блок»).

Выборы депутатов состоялись по всем 100 избирательным округам. Явка на выборы составила 47 %. Наибольшее число голосов, поданных за кандидата, избранного депутатом, составило 80 % от числа принявших участие в голосовании (№ 43), наименьшее – 13,7 % (№ 14).

Из 100 избранных депутатов Государственного Совета первого созыва: 69 являлись депутатами Верховного Совета УР двенадцатого созыва. По этнической принадлежности 76 депутатов были русскими, 16 – удмуртами, 5 – татарами, 2 белорусами, 1 корейцем². Отметим, что 3 депутата представляли «Республиканский центр поддержки самоуправления», 20 – избирательный блок «Удмуртия», 2 – блок «Свобода, законность, согласие», 9 – «Удмуртскую республиканскую организацию КПРФ», 3 – «Российскую коммунистическую

¹ О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики Закон УР от 28 января 1994 г. № 583-ХП(в ред. от 14 декабря 1994 г.) (утратил силу).

² Выборы в Удмуртской Республике. Информационный сборник. 1994–2004 гг. : Справочное пособие для организаторов выборов и референдумов / под общ. ред. В. А. Пономарева. Ижевск, 2004. С. 118.

рабочую партию», 1 – «Удмуртское представительство конфедерации деловых женщин России».

Позитивными сторонами состоявшихся в 1995 году первых выборов в Государственный Совет УР стали наличие действительной альтернативности (было зарегистрировано 699 кандидатов в депутаты), активное участие общественности в подготовке и проведении выборов, высокая явка избирателей, низкое протестное голосование (число голосов, отданных против всех кандидатов, составило 5,9 %) ¹.

Выборы депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва были назначены постановлением Избирательной комиссии УР от 30 декабря 1998 года по причине того, что действующий Государственный Совет не назначил выборы в установленные законом сроки ². Позднее Государственный Совет согласился с назначенной Избирательной комиссией УР датой выборов депутатов ³.

В связи с принятием Федерального закона от 19 сентября 1997 года № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» возникли некоторые проблемы, связанные с необходимостью приведения избирательного законодательства Удмуртской Республики в соответствие с федеральным ⁴. Избирательная комиссия УР подготовила специальные разъяснения о порядке применения Федерального закона, так как новый закон «О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики» был принят лишь 28 января 1999 года ⁵.

¹ Выборы в Удмуртской Республике. С. 90, 111.

² О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва : Постановление Избирательной комиссии УР от 30 декабря 1998 г. № 80.1.

³ О подтверждении даты выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва : Постановление Государственного Совета УР от 28 января 1999 г. № 720-1.

⁴ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).

⁵ О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : Закон УР от 28 января 1999 г. № 719-1 (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).

Выборы депутатов Госсовета УР второго созыва прошли 4 апреля 1999 года. По 100 избирательным округам было зарегистрировано 583 кандидата в депутаты.

Активность избирательных объединений и блоков на этих выборах значительно снизилась. Больше всего кандидатов было выдвинуто от «Удмуртской республиканской организации КПРФ» – 43. Региональное отделение «Либерально-демократической партии России» выдвинуло 11 кандидатов, РНПР – 3, объединение «ЯБЛОКО» – 5 и один кандидат был выдвинут от «Экологического Союза». 78 % кандидатов было выдвинуто группами избирателей, 12 % – в порядке самовыдвижения; избирательными объединениями и избирательными блоками только 10 %.

Выборы депутатов Госсовета УР состоялись по всем 100 избирательным округам. Явка на выборы составила 50,9 %. Наибольшее количество голосов, поданных за кандидата, избранного депутатом, составило 92 % от числа принявших участие в голосовании, наименьшее – 15,9 %. Против всех голосовало – 6,91 %¹.

Из 100 избранных депутатов 34 являлись депутатами Госсовета УР предыдущего созыва. В депутатском корпусе было 72 русских, 11 удмуртов, 8 татар, 5 белорусов, 2 евреи, 1 украинец и 1 грузин.

Показательно, что 93 избранных депутата были выдвинуты группами избирателей, 6 – «Удмуртской республиканской организации КПРФ», 1 – избирательным блоком «Удмуртия». Представители других избирательных объединений избраны не были.

Выборы состоялись по всем 100 избирательным округам, на 3,96 % возросла электоральная активность избирателей, но при этом снизилась активность избирательных объединений. Изменился национальный состав депутатского корпуса: число русских сократилось с 76 до 72 %, удмуртов –

¹ Выборы в Удмуртской Республике. С. 119–120.

с 16 до 11 %, а число татар и представителей других национальностей возросло с 5 до 8 % и с 3 до 9 % соответственно¹.

Выборы депутатов Государственного Совета третьего созыва проводились 6 апреля 2003 года в соответствии с Законом Удмуртской Республики «О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики», принятого 23 сентября 2002 года².

По 100 избирательным округам было зарегистрировано 357 кандидатов, из них 112 – на основании избирательного залога. После регистрации по различным причинам выбыли 35 кандидатов, ко дню голосования в избирательных бюллетенях остались 322 кандидата.

На выборах депутатов Государственного Совета УР третьего созыва существенно увеличилось число кандидатов, представлявших избирательные объединения. Более 50 кандидатов было выдвинуто от партии «Единая Россия», 6 от ЛДПР. Избирательные блоки в этот раз не создавались.

Выборы депутатов состоялись по всем 100 округам, явка составила 42,3 %. Наибольшее количество голосов, поданных за кандидата, избранного депутатом, составило 92,1 % от числа принявших участие в голосовании, наименьшее – 35,1 %. Примечательно, что 53 избранных депутата были выдвинуты в порядке самовыдвижения, 47 – партией «Единая Россия».

Среди 100 избранных депутатов 48 работали в предыдущем созыве Государственного Совета УР. В новый депутатский корпус вошли 76 русских, 6 удмуртов, и 10 татар (после довыборов их число увеличилось до 11).

Основные итоги выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики 2003 года можно охарактеризовать следующим образом. Выборы депутатов состоялись по всем 100 избирательным округам, однако явка значительно снизилась (на 8,6 %, по сравнению с предыдущими выборами). Политические партии особой активностью не отличались:

^{1 1} Выборы в Удмуртской Республике. С. 147.

² О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : Закон УР от 23 сентября 2002 г. № 54-РЗ (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).

кандидатов в депутаты выдвинули только три партии – КПРФ, ЛДПР и «Единая Россия», при этом высокие результаты были только у «Единой России» (47 % депутатских мандатов). Существенно, изменилось этническое представительство основных этнических групп: число русских возросло с 72 до 76 %, доля удмуртов сократилась с 11 до 6 %, татар – увеличилась с 8 до 11 %. Существенно, возросло количество избирателей, голосовавших против всех кандидатов (с 6,91 до 12,45 %). Резко сократилось число желающих реализовать свое пассивное избирательное право (с 583 до 322). В целом определился состав политических объединений, которым суждено было играть ведущую роль в политической жизни общества республики («Единая Россия», КПРФ, ЛДПР).

Выборы депутатов Государственного Совета четвертого созыва проходили 2 декабря 2007 года с использованием смешанной избирательной системы, предполагавшей участие в выборах политических партий, в связи с чем наличие этнического фактора стало очевидным при сравнении итогов голосования в различных типах этносреды. Следует отметить, что расселение удмуртов позволяет исследователям (М. Н. Губогло, К. И. Куликов, С. К. Смирнова, Л. С. Христюбова) выделять шесть типов этнической среды в зависимости от соотношения проживающих в них представителей различных этнических групп. В частности, к сельским к районам с преимущественно удмуртской этносредой отнесены: Алнашский, Глазовский, Дебесский, Малопургинский, Шарканский; с удмуртско-русской – Балезинский, Вавожский, Игринский, Кезский, Можгинский, Селтинский, Якшур-Бодьинский, Ярский; со смешанной – Завьяловский, Увинский, Кизнерский; с русско-удмуртской – Граховский, Киясовский, Красногорский, Сюмсинский районы; преимущественно русская этносреда представлена в Воткинском, Каракулинском, Камбарском и Сарапульском районах; удмуртско-татарская этносреда – в Юкаменском районе. Из приведенного выше перечня видно, что для южных районов Удмуртии более характерна преимущественно удмуртская или удмуртско-русская этническая среда.

Результаты голосования 2 декабря 2007 года в различных типах этносреды приведены таблице 1.

Таблица 1

**Результаты голосования на выборах депутатов Государственного Совета
Удмуртской Республики четвертого созыва¹**

Район	Численность избирателей	Явка, %	Единая Россия, %	КПРФ, %	ЛДПР, %	Справедливая Россия, %
1	2	3	4	5	6	7
1. Преимущественно удмуртская этносреда						
Алнашский	16984	73,9	80,66	6,81	3,65	6,15
Глазовский	14966	69,36	66,37	14,09	8,13	6,99
Дебесский	33378	61,86	68,14	8,95	8,46	10,37
Малопургинский	24838	70,81	67,07	8,69	5,08	15,12
Шарканский	16366	68,54	77,77	6,7	5,96	5,58
Средние показатели		68,89	72,02	9,05	6,26	8,84
2. Удмуртско-русская этносреда						
Балезинский	29547	66,53	71,41	11,44	8,39	5,72
Вавожский	12887	64,58	68,2	16,39	6,01	5,33
Игринский	44995	61,3	61,82	10,33	8,33	12,79
Кезский	19894	66,01	67,72	13,71	7,3	7,68
Можгинский	21241	78,07	74,64	8,58	7,07	6,47
Селтинский	10466	62,12	76,48	8,1	5,94	6,59
Якшур-Бодьинский	17225	72,14	70,18	10,34	6,02	9,07
Ярский	13794	63,56	64,19	10,1	8,65	12,66
Средние показатели		66,79	69,33	11,12	7,21	8,29
3. Смешанная этносреда						
Завьяловский	10721	70,25	66,86	11,72	8,83	8,74
Кизнерский	18198	65,12	75,58	9,63	5,38	6,85
Увинский	31301	64,74	69,46	12,26	7,78	6,98
Средние показатели		66,7	70,64	11,2	7,33	7,52
4. Русско-удмуртская этносреда						
Граховский	8125	79,13	73,98	9,1	4,98	8,49
Киясовский	8593	69,1	65,17	11,2	5,04	12,6
Красногорский	9465	68,65	75,93	7,88	5,83	6,66
Сюмсинский	11773	65,97	73,73	10,17	6,26	6,23
Средние показатели		70,7	72,2	9,59	5,52	8,49

¹ Здесь и далее в главе II таблицы составлены по: Выборы в Удмуртской Республике 2005–2008 гг. Информационный сборник : Справ. пособие для организаторов выборов и референдумов. Ижевск, 2008.

5. Преимущественно русская этносреда						
1	2	3	4	5	6	7
Воткинский	17627	69,76	70	10,14	8,52	7,12
Камбарский	16932	64,93	64,88	11,12	11,1	8,26
Каракулинский	10492	71,99	70,38	10,29	7,44	7,8
Сарапульский	19158	66,13	66,7	8,99	7,85	10,25
Средние показатели		68,2	67,99	10,13	8,73	8,36
6. Удмуртско-татарская этносреда						
Юкаменский	9191	73,4	73,62	10,82	5,87	6,12

Как видно из сравнительной таблицы, результаты голосования за «партию власти» по районам с различной этносредой отличаются незначительно: наименьший средний показатель 67,99 % – в преимущественно русской этносреде, наибольший – 73,62 % – в удмуртско-татарской. Более ощутимо отличаются результаты голосования за ЛДПР, которая традиционно позиционирует себя как выразитель интересов русского народа: в преимущественно русской этносреде ее поддержали 8,73 % избирателей, а в русско-удмуртской – 5,52 %. Примечательно, что практически не отличаются результаты голосования за «Справедливую Россию», за исключением удмуртско-татарской этносреды, где партия получила всего 6,12 % голосов избирателей. Вместе с тем эти незначительные на первый взгляд различия подтверждают неоднородность электоральных предпочтений избирателей, которая обусловлена их национальной принадлежностью. Ранее об этом говорил в своей работе М. В. Тенсин¹.

Для выявления роли этнического фактора в избирательных кампаниях, проанализируем еще результаты голосования по выборам депутатов Государственной Думы Российской Федерации пятого созыва, проходивших одновременно с выборами депутатов Государственного Совета УР 2 декабря 2007 года. В данном случае влияние этнического фактора проявляется также незначительно, в целом повторяя картину результатов голосования за победившие на выборах депутатов Государственного Совета партии. Однако у нас есть возможность сопоставить результаты голосования 2 декабря 2007

¹ Тенсин М. В. Указ. соч.

года и 7 декабря 2003 года по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ четвертого созыва также в разрезе различных типов этносреды (см. табл. 2, 3).

Таблица 2

Результаты голосования на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации пятого созыва

Район	Кол-во избира- телей	Явка, %	Единая Россия, %	ЛДПР, %	КПРФ, %	Справедлив ая Россия, %
1	2	3	4	5	6	7
1. Преимущественно удмуртская этносреда						
Алнашский	16917	73,93	79,88	4,89	5,63	4,95
Глазовский	14968	69,36	67,19	9,94	11,16	4,58
Дебесский	10725	70,45	68,93	10,76	9,42	5,61
Малопургинский	24845	70,85	69,7	6,36	7,11	11,28
Шарканский	16366	68,59	80,1	7,23	4,75	3,05
Средние показатели		70,64	73,16	7,84	7,61	5,89
2. Удмуртско-русская этносреда						
Балезинский	29584	66,74	69,81	10,39	9,48	5,14
Вавожский	12887	64,67	73,65	7,68	10,62	3,61
Игринский	33387	61,88	70,94	10,57	6,5	7,26
Кезский	19904	66,09	66,79	9,48	11,47	5,96
Можгинский	21241	78,08	74,55	9,4	6,39	4,06
Селтинский	10471	62,13	76,45	7,53	6,44	4,98
Якшур- Бодьинский	17232	72,16	73,09	8,72	7,71	5,58
Ярский	13802	63,61	65,12	10,55	7,58	10,91
Средние показатели		66,92	71,3	9,29	8,27	5,94
3. Смешанная этносреда						
Завьяловский	45000	61,36	66,87	10,3	7,29	7,54
Кизнерский	18205	65,91	73,85	7,52	8,49	5,93
Увинский	31315	64,85	70,57	9,73	9,62	5,1
Средние показатели		64,04	70,43	9,18	8,47	6,19
4. Русско-удмуртская этносреда						
Граховский	8127	79,23	73,32	7,13	7,87	6,66
Киясовский	8593	69,13	70,15	7,19	8,57	8,47
Красногорский	9465	68,7	76,03	8,04	6,21	4,86
Сюмсинский	11790	66,02	75,28	7,48	8,31	4,29
Средние показатели		70,77	73,69	7,46	7,72	6,07

Окончание табл. 2

1	2	3	4	5	6	7
5. Преимущественно русская этносреда						
Воткинский	17630	69,86	72,18	9,61	7,6	4,67
Камбарский	16935	65,83	63,71	14,31	9,8	6,51
Каракулинский	10494	72,18	71,45	9,48	8,33	4,81
Сарапульский	19160	66,17	69,91	9,99	6,81	7
Средние показатели		68,51	69,31	10,84	8,13	5,74
6. Удмуртско-татарская этносреда						
Юкаменский	9193	73,43	71,57	8,47	8,5	4,73

Таблица 3

Результаты голосования на выборах депутатов Государственной Думы Российской Федерации четвертого созыва

Район	Кол-во избирателей	Явка, %	Родина, %	ЛДПР, %	КПРФ, %	Единая Россия, %
1	2	3	4	5	6	7
1. Преимущественно удмуртская этносреда						
Алнашский	16098	65,45	2,14	6,34	6,78	62,95
Глазовский	14683	72,71	2,37	8,19	7,18	59,34
Дебесский	10288	76,91	2,22	9,21	8,13	59,23
Малопургинский	23091	68,9	2,8	8,46	8,12	56,52
Шарканский	15857	58,55	2,11	8,47	6,28	61,41
Средние показатели		68,5	2,33	8,13	7,3	59,69
2. Удмуртско-русская этносреда						
Балезинский	28491	69,57	3,35	10,06	8,93	57,03
Вавожский	12404	70,96	2,13	8,64	4,75	52,62
Игринский	32202	67,94	5,01	15,49	6,62	48,67
Кезский	19264	64,87	3,14	9,55	12,78	49,52
Можгинский	20248	54,38	2,26	9,68	7,63	55,02
Селтинский	10018	68,68	1,31	8,7	5,03	62,66
Якшур-Бодьинский	16316	67,3	3,27	11,88	9,01	52,7
Ярский	13875	70,22	2,09	8,85	7,83	48,98
Средние показатели		69,45	2,82	10,35	7,82	53,4
3. Смешанная этносреда						
Завьяловский	40477	62,01	4,31	12,19	8,4	48,62
Увинский	29720	62,6	2,69	10,6	8,07	58,67
Кизнерский	17152	65,85	2,48	7,22	7,78	65,95
Средние показатели		63,49	3,16	10	8,08	57,75

1	2	3	4	5	6	7
4. Русско-удмуртская этносреда						
Граховский	7882	83,8	1,97	8,03	10,63	59,23
Киясовский	8271	73,21	1,7	7,12	7,88	57,54
Красногорский	9298	67,84	2,49	8,29	8,32	55,37
Сюмсинский	11042	77,46	2,81	9,66	8,36	56,07
<i>Средние показатели</i>		75,58	2,24	8,27	9,3	57,05
5. Преимущественно русская этносреда						
Воткинский	16695	68,12	3,73	12,38	11,27	44,67
Каракулинский	10378	62,68	2,09	11,04	7,27	45,89
Камбарский	16612	58,62	4,7	16,48	14,02	40,78
Сарапульский	17154	11929	4,03	12,66	8,79	49,56
<i>Средние показатели</i>		64,74	3,63	13,14	10,33	45,21
6. Удмуртско-татарская этносреда						
Юкаменский	8910	74,16	2,57	9,47	9,98	57,49

При сравнении результатов голосования в различных типах этносреды в их исторической динамике, с участием уже оформившегося стабильного состава участников, становится очевидно, что этнический компонент играл более заметную роль на выборах 7 декабря 2003 года (например, голосование за политическую партию «Единая Россия» в преимущественно удмуртской этносреде составило в среднем 59,69 %, а в преимущественно русской – всего 45,21 %, в преимущественно удмуртской среде за ЛДПР голосовало всего 8,13 % избирателей, а в преимущественно русской – уже 13,14 %). Если сопоставить результаты голосования 2 декабря 2007 года по выборам депутатов Государственной Думы в различных типах этносреды, то воздействие этнического фактора уже не так заметно. Например, в преимущественно удмуртской этносреде за «Единую Россию» голосовали 73,16 % избирателей, а в преимущественно русской – 69,31 %, за ЛДПР – 7,83, и 10,84 % соответственно. Таким образом, в настоящее время имеет место сближение политических предпочтений избирателей, что может быть связано как с определенной стабилизацией партийной системы, так и с активизацией работы политических партий на региональном уровне. Все вышеизложенное свидетельствует, что этнический фактор продолжает играть важную роль при проведении выборов в законодательные органы государственной власти.

Следует отметить, что само выявление электоральной активности среди основных этнических групп представляет практический интерес только тогда, когда сопоставляется с этническим составом законодательного (представительного) органа государственной власти, с целью формирования которого данные выборы проводятся.

В этом отношении показателен состав депутатского корпуса Государственного Совета Удмуртской Республики четырех созывов. Первые два созыва – 1995 и 1999 годов – формировались в условиях становления политической системы России и Удмуртии, при активном участии национальных общественных объединений, попытках политизированной актуализации этнического (удмуртского) фактора при формировании Государственного Совета. Выборы в 2003 и 2007 годах проходили в условиях деактуализации этнического фактора. В этот период в Удмуртии окончательно оформилась президентская республика, относительно стабилизировалась социально-экономическая и политическая ситуация, т.е. были созданы условия для поступательного развития сложившейся политической системы. Как показывает исторический опыт, этнический фактор в политике мобилизуется в кризисные периоды и ослабевает в период социально-экономической стабилизации.

Анализ национального состава депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики свидетельствует о том, что в республике до настоящего времени продолжает сохраняться проблема этнического представительства. Количество депутатов-удмуртов на протяжении 1995-2003 годов резко сокращалось, несмотря на значительную электоральную активность удмуртов. В составе депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики в 1995 году их было 16 %, то в 1999 – 11 %, а в 2003 – только 6 % (в то время как русские в Государственном Совете созыва 2003 года составляли 74 %, а татары – 11 %)¹. Незначительно ситуация изменилась

¹ Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики : Из истории представительных органов власти в Удмуртии. Ижевск, 2005.

только в 2007 году, когда численность депутатов-удмуртов выросла до 12% (для сравнения русские – 73 %, татары – 6 %)¹. Как видим, представительство удмуртов в местном парламенте даже не пропорционально их численности. Если же обратиться к этническому составу Верховного Совета УАССР в 80-х годов XX века (созывы 1980 и 1985 годов, то обнаружится, что среди 200 депутатов удмурты составляли 48 % и 47 % соответственно), однако объясняется это использованием советских административно-командных методов в его формировании. В составе депутатов ВС УАССР 1990 года численность удмуртов упала до 28 %².

При анализе этнического состава Государственного Совета необходимо учитывать отношение населения республики к проблеме этнического представительства в законодательном органе государственной власти республики. В современных условиях, обусловленных новым порядком наделения полномочиями глав субъектов РФ (посредством утверждения предложенной Президентом РФ кандидатуры в региональных законодательных собраниях), эта проблема приобретает принципиальное значение.

Именно новый косвенный порядок формирования главы региональной исполнительной власти многократно повышает требования к более справедливому и адекватному представительству в Государственном Совете Удмуртии и органах власти основных этнических групп.

По данным М. В. Тензина, отношение населения к этническому представительству в органах государственной власти неоднозначное. На вопрос о том, должны ли места в Государственном Совете УР распределяться пропорционально численности каждого этноса, «безусловно, да» сказали 5,4 % русских, 14,1 % удмуртов и 5,13 % татар, «да» ответили 17,37 % русских, 39,74 % удмуртов и 17,95 % татар; «скорее нет» – 35,52 % русских, 29,49 % удмуртов и 38,46 % татар и «безусловно, нет» – 28,18 % русских, 6,41 %

¹ Текущий архив Центральной избирательной комиссии Удмуртской Республики.

² Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики : Из истории представительных органов власти в Удмуртии. Ижевск, 2005.

удмуртов и 25,64 % татар¹. Как показывают результаты исследования, удмурты проявляют в этом вопросе гораздо большую озабоченность, что, по мнению М. В. Тенсина, свидетельствует о необходимости принятия дополнительных мер по выравниванию представительства в органах власти и управления. Примечательно, что на вопрос о том, должно ли государство гарантировать права национальных меньшинств, проживающих в России, «безусловно, должно» сказали 20,08 % русских, 33,3 % удмуртов и 30,77 % татар, «должно» – 58,69 % русских, 43,59 % – удмуртов и 53,85 % – татар, «не должно» – 8,11 % русских, 7,96 % – удмуртов и 15,38 % – татар, «безусловно, не должно» – 1,54 % русских и 2,56 % – удмуртов и затруднились ответить на этот вопрос 10,04 % русских и 10,26 % удмуртов. М. В. Тенсин объясняет такую ситуацию тем, что «национальные меньшинства» в представлениях респондентов не претендуют на реальную политическую власть и принятие определяющих жизнь социума решений².

Таким образом, в Удмуртии складывается ситуация, при которой удмурты превращаются в фактическое политическое меньшинство, которому значительная часть общества отказывает в праве на паритетное пропорциональное представительство, но при этом соглашается с тем, что государство должно гарантировать национальным меньшинствам соблюдение их прав в России. Это может свидетельствовать только о том, что политическая культура удмуртского общества находится в стадии своего формирования.

Примечательно, что на республиканском уровне ситуация в системе органов законодательной власти в определенной степени экстраполируется и на органы исполнительной власти. По данным 2004 года, в органах исполнительной власти русские составляли 77,4 % среди руководителей министерств и ведомств (для сравнения удмурты – 15,1 %) и 74,3 % среди работников министерств и ведомств (удмурты – 14,6 %)³. В настоящее время ситуация выглядит несколько иначе. По данным А. Сидоренко, этнизация

¹ Тенсин М. В. Указ. соч. С. 150–151.

² Тенсин М. В. Указ. соч. С. 151.

³ Об этнополитической и этносоциальной ситуации в УР. Ижевск, 2004. С. 18.

Правительства УР составляет 43 %, при этом автор указывает, что его подсчеты основаны на анализе биографий членов республиканского правительства¹. Однако однозначно согласиться с приводимыми им данными сложно. В настоящее время состав Правительства определяется Президентом УР². Оно включает в себя 26 человек³. Следовательно, если исходит из данных А. Сидоренко, как минимум 11 человек в Правительстве УР должны быть удмуртами. На официальном сайте Удмуртской Республики данных о национальной принадлежности членов Правительства нет, что затрудняет возможность выявления его этнического состава.

Единственный уровень власти, где этническое представительство относительно паритетно – это муниципальный. Речь идет не о городских округах (Ижевск, Воткинск, Глазов, Можга, Сарапул), в которых количество депутатов удмуртов составляет в общей сложности 6,85 %, а исключительно о муниципальных районах и сельских поселениях, в представительных органах которых доля удмуртов адекватна численности их в составе населения.

Рассмотрим эту ситуацию в различных типах этносреды по муниципальным районам (табл. 4).

Таблица 4

**Этнический состав представительных органов муниципальных районов
Удмуртской Республики**

Район	Общая численность депутатов представительного органа муниципального района	Русские		Удмурты		Татары	
		Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %	Кол-во	Доля, %
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Преимущественно удмуртская этносреда							
Алнашский	28	6	21,34	22	78,57		
Глазовский	25	11	44	12	48	2	8
Дебесский	30	4	13,3	26	86,7		

¹ Сидоренко А. Политическая власть в этнических регионах // Федерализм и этническое разнообразие в России : Сб. ст. / под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. М., 2010. С. 101.

² О составе Правительства Удмуртской Республики : Указ Президента УР от 26 марта 2009 г. № 61 // Справочная правовая система «ГАРАНТ-СтройМаксимум. Практика ФАС округов». Версия от 25.02.2010.

³ О лицах, входящих по должности в состав Правительства УР : Указ Президента УР от 26 марта 2009 г. № 61 «О составе Правительства Удмуртской Республики» // Справочная правовая система «ГАРАНТ-СтройМаксимум. Практика ФАС округов». Версия от 25.02.2010.

1	2	3	4	5	6	7	8
Малопургинский	30	10	33,3	17	56,7	2	7
Шарканский	33	12	36,36	21	63,64		
Средние показатели			29,68		66,72		3
2. Удмуртско-русская этносреда							
Балезинский	35	16	45,71	12	34,28	5	14,28
Вавожский	33	18	54,55	15	45,45		
Игринский	30	12	40	13	43,33	3	10
Кезский	35	13	37,14	21	60		
Можгинский	20	9	45	9	45	2	10
Селтинский	31	18	58,06	12	38,7		
Якшур-Бодьинский	30	10	33,33	13	43,33	5	16,67
Ярский	30	10	33,33	17	56,66	2	6,67
Средние показатели			43,39		45,84		7,2
3. Смешанная этносреда							
Завьяловский	46	19	41,3	21	45,62	5	10,87
Кизнерский	35	17	48,57	11	31,43	5	14,28
Увинский	33	19	57,58	9	27,28	4	12,12
Средние показатели			49,15		34,77		12,42
4. Русско-удмуртская этносреда							
Граховский	25	9	36	5	20	4	16
Киясовский	23	12	52,17	9	39,13	2	8,7
Красногорский	31	25	80,64	5	16,13		
Сюмсинский	25	13	52	9	36	2	8
Средние показатели			55,2		27,81		8,17
5. Преимущественно русская этносреда							
Воткинский	25	20	80	5	20		
Камбарский	30	23	76,66	1	3,33	5	16,67
Каракулинский	25	19	76	1	4	2	8
Сарапульский	32	21	65,62	3	9,37	5	15,62
Средние показатели			74,57		9,17		10,07
6. Удмуртско-татарская этносреда							
Юкаменский	22	5	22,73	10	45,45	7	31,82

При анализе ситуации с этническим представительством в советах депутатов муниципальных районов очевидно, что она практически полностью отражает этнический баланс населения в сельских районах республики. В преимущественно удмуртской этносреде доля депутатов-удмуртов достигает 66,72 %, русских – 29,68 %, при этом пропорции постепенно меняются от типа этносреды, составляя в преимущественно

русской 9,17 % и 74,57 % соответственно. При этом в смешанной этносреде доминируют депутаты-русские: их доля достигает 49,15 %, а удмуртов – 34,77 %. Показательно, что высок уровень представительства татар (в удмуртско-татарской – 31,82 %, в смешанной – 12,42 %, в русской – 10,07 %, в удмуртско-русской – 7,2 %), доля которых среди сельского населения традиционно невелика, за исключением Юкаменского района.

По сельским поселениям в муниципальных районах ситуация с этническим представительством складывается следующим образом (табл. 5).

Таблица 5

**Этнический состав представительных органов сельских поселений, входящих
в состав муниципальных районов Удмуртской Республики**

Район	Общая численность депутатов представительных органов сельских поселений	Русские		Удмурты		Татары	
		Кол- во	Доля, %	Кол- во	Доля, %	Кол- во	Доля, %
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Преимущественно удмуртская этносреда							
Алнашский	134	18	13,43	112	83,58	2	1,49
Глазовский	121	27	22,31	87	71,9	4	3,3
Дебесский	91	17	18,68	73	80,21		
Малопургинский	163	18	11,04	133	81,59		
Шарканский	141	12	8,5	128	90,78		
Средние показатели			14,79		81,61		0,95
2. Удмуртско-русская этносреда							
Балезинский	167	45	26,95	103	61,68	18	10,78
Вавожский	100	30	30	70	70		
Игринский	149	92	61,74	55	36,91	2	1,34
Кезский	134	48	35,82	83	61,94	2	1,49
Можгинский	172	40	23,25	125	72,67	5	2,9
Селтинский	85	34	40	51	60		
Якшур- Бодьинский	126	38	30,15	83	65,87	1	0,7
Ярский	90	26	28,89	62	68,89	2	2,22
Средние показатели			34,52		62,24		2,43
3. Смешанная этносреда							
Завьяловский	200	67	33,5	121	60,5	12	6
Кизнерский	118	36	30,5	74	62,71	7	5,9
Увинский	163	65	39,87	92	56,44	3	1,84
Средние показатели			34,62		59,88		4,58

4. Русско-удмуртская этносреда							
Граховский	76	39	51,31	29	38,15	1	1,31
Киясовский	70	32	45,71	30	42,86	6	8,6
Красногорский	88	62	70,45	24	27,27	2	2,27
Сюмсинский	71	36	50,7	34	47,89	1	1,4
Средние показатели			54,54		39,15		3,39
5. Преимущественно русская этносреда							
Воткинский	126	81	64,28	39	30,95	6	4,76
Камбарский	78	61	78,2	5	6,4	10	12,8
Каракулинский	94	63	67,02	5	5,3	8	8,5
Сарапульский	153	122	79,73	20	13,07	6	3,92
Средние показатели			72,3		13,93		7,4
6. Удмуртско-татарская этносреда							
Юкаменский	73	7	9,6	54	73,97	12	16,43

Ситуация с этническим представительством удмуртов достигает своего максимума в представительных органах сельских поселений. При этом рост численности депутатов-удмуртов отмечается во всех без исключениях типах этносреды. Например, преимущественно русской их доля увеличивается с 9,17 % до 13,93 %, а в русско-удмуртской с 27,81 % до 39,15 %. Даже в смешанной этносреде ситуация изменяется кардинально: доля удмуртов достигает 59,88 % (в районе 34,77 %), а русских сокращается до 34,62 % (соответственно, 49,15 %). На уровне сельских поселений резко сокращается представительство татар (в удмуртско-татарской – до 16,43 %, смешанной – 4,58 %, русской – 7,4 %, удмуртско-русской – 2,43 %).

По данным представленных выше таблиц, можно сделать ряд выводов. Во-первых, чем ниже уровень власти, тем выше доля удмуртов в представительных органах местного самоуправления. Например, в составе советов депутатов муниципальных районов с преимущественно удмуртской этносредой доля удмуртов составляет 66,72 %, а в представительных органах сельских поселений этих районов она в среднем увеличивается до 81,61 %, в то время как численность русских сокращается с 29,68 до 14,97 %, а татар – с 3 до 0,95 %. Эта ситуация в целом характерна для всех без исключения типов этносреды, даже для преимущественно русской. Во-вторых, ситуация на муниципальном уровне власти свидетельствует о том, что удмурты

активно работают в системе местного самоуправления, и, следовательно, могут и способны нести ответственность за решение вопросов местного значения, которые по своей практической значимости очень важны для населения. В третьих, политический потенциал удмуртов наибольшее воплощение находит на селе, ситуация в городских округах существенно отличается от приведенной выше статистики по сельским районам. Следовательно, в Удмуртской Республике этническое представительство в полной мере реализовано в сельских районах на муниципальном уровне, что само по себе создает важные предпосылки и условия для постепенного повышения политической культуры населения через участие в управлении местными делами, роста чувства ответственности за результаты своей деятельности.

Таким образом, на протяжении всего периода функционирования Удмуртии в качестве субъекта России после принятия новой Конституции республики в 1994 году сложилась очень противоречивая ситуация, связанная со становлением социальной среды нового типа, в рамках которой происходила политическая социализация подрастающего поколения. До 2000 года в Удмуртии фактически сосуществовали две основные парадигмы отношения к этничности в политике и общественной жизни, происходило активное взаимодействие двух противоположных точек зрения на будущее республики. После поражения на выборах президента Удмуртской Республики кандидата удмуртской национальности П. Н. Вершинина постепенно возобладала внешне мультикультурная тенденция, выраженная в практически полном прекращении дискуссий о национальном характере развития Удмуртии. В 2000-е годы в целом сложилась ситуация, при которой роль и значение этнического фактора в политике и обсуждении общественно важных проблем было сведено к минимуму. Во многом дезавуированию роли и значению этнического фактора в социальной среде способствовали инициативы федеральной власти в области укрепления единой властной вертикали, введения нового порядка наделения полномочиями высших

должностных лиц субъектов РФ, а также введения пропорциональной избирательной системы сначала на выборах в Государственную думу, а затем экстраполирование ее на региональный и даже муниципальный уровень. Сложившаяся социальная практика привела к тому, что этнический фактор, один из ключевых в любом национальном регионе, оказался низведенным на муниципальный уровень. Подобное отношение к национальной проблематике породило ситуацию, при которой подрастающее поколение во многом оказалось дезадаптировано, лишено системы координат при восприятии и оценке происходящих событий, что через некоторое время нашло прямое отражение в развитии национального движения в Удмуртии и готовности общества участвовать в инновационно-модернизационных процессах.

2.2 Национальные движения в политической жизни полиэтнического региона

Политическая жизнь современной Удмуртии является не только отражением протекающих социально-экономических и политических процессов, но и обусловлена историческими особенностями социально-политического развития «титulyного» этноса республики, т.е. удмуртов.

Как известно, до вхождения в состав Русского государства южные удмурты достаточно долго находились в сфере влияния тюркоязычного мира, а северные – русскоязычного. Таким образом, тюрко-мусульманская этнокультурная традиция с одной стороны и славянско-христианская – с другой оказали значительное влияние на территориальные группы удмуртов. Неслучайно еще до недавнего времени северные и южные удмурты называли друг друга «татарские удмурты» и «русские удмурты». В отдельных случаях ощущение обособленности и разности удмуртов может находить практическое выражение. В частности, в период проведения выборов первого Президента УР, удмуртский этнос, по крайней мере внешне, оказался

«расколотым» по этнотерриториальному принципу, что нашло выражение в результатах голосования.

Следует отметить, что этническая структура населения Удмуртии формировалась на протяжении всего XX века. Начало удмуртской государственности было заложено Постановлением об образовании Вотской автономной области от 4 ноября 1920 года. В состав молодой автономии вошли части Глазовского, Малмыжского, Сарапульского и Елабужского уездов Вятской губернии, с населением в 633 тыс. человек, из них удмурты составляли 58,7 %, русские – 37,7 %, представители других национальностей – 3,6 %). В 1932 году ВАО была переименована в Удмуртскую автономную область, а в декабре 1934 года область получила статус автономной республики. В 1937 году в состав УАССР были включены Сарапульский, Воткинский, Каракулинский и Киясовский районы с преимущественно русским населением, а в 1939 – Кизнерский район, что привело к сокращению доли удмуртов до 39 %¹. В дальнейшем в связи с демографическими процессами численность удмуртов в составе населения постепенно сокращалась, однако самые ощутимые изменения в этносоциальной структуре населения Удмуртии произошли в постсоветское десятилетие и отразились в итогах Всероссийской переписи населения 2002 года.

Анализ динамики численности самых крупных этносов Удмуртской Республики – русских, удмуртов и татар – свидетельствует о том, что со времени переписи 1989 года количество русских в Удмуртии возросло с 58,9 до 60,1 %, татар – с 6,9 до 7,0 %, а численность удмуртов сократилось с 30,9 до 29,5 %. Результаты переписи показали, что наметилась тенденция к увеличению доли русского этноса в сельском населении с 37,5 до 39,4 %, а количество удмуртов сократилось с 56,5 до 54,3 %, доля татар осталась на уровне 3,3 %. Доля удмуртов в составе городского населения уменьшилась с 19,8 до 18,7 %.

¹ См. подробно: Куликов К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. Ижевск, 1993; Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М. – Ижевск, 2002.

Обращение к социальным характеристикам удмуртского этноса позволяет сделать вывод, что он продолжает оставаться преимущественно «аграрным» этносом: 55,7 % удмуртов от их общего числа проживает на селе со всеми вытекающими отсюда социально-экономическими и отчасти – даже политическими последствиями. Общеизвестным является факт, что сельское хозяйство продолжает оставаться одним из депрессивных компонентов как республиканской, так и российской экономики. Проблемы села, усугубившиеся в постсоветский период, имеют в настоящее время характер системного кризиса, связанного с целым комплексом социально-значимых вопросов. Здесь в первую очередь имеются в виду проблемы сельской экономики, рынка труда, низкой оплаты труда, неразвитой инфраструктуры. В своей совокупности они неизбежно порождают формы саморазрушающего поведения сельского населения в виде алкоголизма, повышенной суицидальности. При этом необходимо иметь в виду, что в Удмуртии именно село остается основным ресурсом воспроизводства этничности, и это обстоятельство во многом определяет неоднозначность протекающих в Удмуртии процессов политической социализации уже в силу того, что консерватизм/традиционализм, в целом характерный для сельских удмуртов, в значительной степени выступает стабилизирующим политическую жизнь республики фактором. Об этом свидетельствует, особенно на общем фоне социального безразличия и абсентеизма, повышенная электоральная активность преимущественно сельских жителей, о чем говорилось выше. Ранее высказывалось предположение, что «повышенная электоральная активность сельских жителей уже на протяжении весьма длительного времени определяет... вектор развития политической жизни в Удмуртии»¹.

Сложившаяся «этнополитическая география» имеет существенное значение для понимания протекающих в современной Удмуртии политических процессов, поскольку представители удмуртской политической элиты, активно боровшиеся за власть в конце XX века,

¹ Тенсин М. В. Указ. соч. С. 145.

происходили преимущественно из среды южных удмуртов, что, по-видимому, следует связать с более ярко выраженной этничностью населения этих районов и сохранением высокого этнического самосознания, проявляющегося в том числе в политической сфере. Возможно, стоит говорить о том, что для современного удмуртского общества характерна разобщенная политическая культура, поскольку северные и южные удмурты в политической сфере демонстрируют ощутимые различия. Проявление субкультуры отчетливо проявляется в результатах голосования на выборах депутатов Государственной Думы РФ и Государственного Совета УР. Во время последних выборов депутатов Государственной Думы в Алнашском районе (юг Удмуртии) за «Единую Россию» проголосовало 79,88 %, в Шарканском (центр) – 68,59 %, а в северных районах – Глазовском и Дебесском – 67,19 % и 70,45 % соответственно. Однако если сопоставить аналогичные данные по выборам депутатов Государственного Совета УР, то голосование в Алнашском районе за «Единую Россию» составило 80,66 %, в Шарканском – 77,77 %, в Глазовском – 66,37 %, Дебесском – 68,14 %. Голосование за оппозиционную КПРФ также отличается. При выборах депутатов в Государственную Думу в Алнашском районе коммунистам отдали предпочтение 5,63 %, в Шарканском – 7,23 %, в Глазовском – 11,16 % и в Дебесском – 9,42 % избирателей. На республиканском уровне голоса распределились следующим образом: в Алнашском районе за КПРФ – 6,81 %, Шарканском – 6,7 %, Глазовском – 14,09 % и Дебесском – 8,95 %¹.

Следует также отметить, что значительное воздействие на политическую культуру населения Удмуртии оказывает удмуртская ментальность, для которой продолжают оставаться актуальными терпеливость, безропотность, проявляющиеся в гипертрофированной толерантности. Характеризуя удмуртов, принято подчеркивать их «миролюбие, доброжелательность, гостеприимство, ... деликатность, стеснительность до робости, сдержанность в проявлении чувств, доходящую

¹ Выборы в Удмуртской Республике 2005–2008 гг. С. 21, 32.

до скрытности и замкнутости, бережливость до скупости, терпеливость до самопожертвования, настойчивость до упрямства, ... исключительное трудолюбие»¹. «Удмурт стремится к бесконфликтному положению в системе мира, стремится не изменять устоявшихся связей и отношений, что приводит его к зависимости от своего этносоциального окружения. В то же время он постоянно возвращается в область внутренних переживаний и самооценок, так как ему важно осмыслить свое положение, свои действия в системе межличностных отношений»². В результате характерные для удмуртов установки на терпимость и согласие в политической сфере отражаются в распространенных у значительной части этноса представлениях о необходимости сохранения стабильности в отношениях с властью. Можно отметить, что эти общие положения в целом адекватно характеризуют этнический общеудмуртский субстрат политической культуры.

Еще одним важным аспектом, в котором проявляется удмуртская ментальность, являются проблемы политического лидерства и поддержки их этносом в претензиях на власть. В обществе институт лидерства выступает одним из важных механизмов интеграции групповой деятельности, так как лидеры объединяют, направляют деятельность общества, которое ожидает, принимает и поддерживает действия лидеров. Лидерство является одним из уникальных феноменов общественной жизни, тесно связанных с осуществлением властных функций. Однако именно в этой сфере у удмуртского этноса имеются значительные противоречия, поскольку традиции общенационального лидерства у них окончательно не сформировались, в том числе в силу внешнего воздействия. Роль своеобразных традиционных лидеров в удмуртском обществе выполняли как правило лица, чьи организационно-распорядительные полномочия ограничивалась рамками определенной общины или даже семьи и как

¹ Владыкин В. Е. Этнография удмуртов. Ижевск, 1997. С. 24.

² Петров А. Н. Удмуртский этнос: проблемы ментальности. Ижевск, 2002. С. 132.

правило были связаны с религиозными или хозяйственными функциями¹. В современной практической сфере это проявилось в том, что у удмуртов не сложился институт общеудмуртского лидерства, что отчетливо проявилось в деятельности удмуртского национального движения.

Удмуртское национальное движение и связанные с ним проблемы этнической мобилизации удмуртов в постсоветской России были качественно проанализированы С. К. Смирновой, которая выделила четыре этапа его развития².

Для первого этапа (с 1989 по 1991 г.) было характерно становление и организационное оформление удмуртского национального движения. В это время были созданы Общество удмуртской культуры «Дэмен», молодежная организация «Шунды», Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш». Основная цель деятельности Общества удмуртской культуры, которое возникло в декабре 1989 года, состояла в содействии возрождению и сохранению удмуртского народа, развитию его языка и культуры, национально-культурном строительстве, изучении истории удмуртского народа и т. п. Вместе с тем Устав общества содержал пункт о возможности его участия в формировании органов государственной власти и управления, в выработке решений, реализации законодательной инициативы³.

В ноябре 1990 года по инициативе Общества удмуртской культуры и Комиссии по делам молодежи Верховного Совета УАССР было организовано первое молодежное национальное объединение Удмуртии «Шунды». В числе целей работы, помимо сохранения культуры, традиций, языка, отмечалось стремление к воспитанию патриотизма в молодежной среде, созданию условий для самореализации и содействию росту самосознания удмуртской молодежи, пробуждению и укреплению интересов молодежи к всестороннему развитию, участию в разработке и реализации

¹ См. подробно: Шкляев Г. К. Очерки этнической психологии удмуртов. Ижевск, 2003. С. 184–217; Традиционное поведение и общение удмуртов. Ижевск, 1992.

² Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. М. ; Ижевск, 2002. С. 186.

³ Там же. С. 188–189.

государственных программ, в подготовке законопроектов и иных нормативных актов, содействию и взаимопомощи в проведении политических и экономических реформ и т. д.

В конце первого этапа деятельность Общества удмуртской культуры политизировалась, что нашло отражение в проведении в ноябре 1991 года Всесоюзного съезда удмуртов, основным итогом которого стало создание общественно-политической организации Всеудмуртская ассоциация «Удмурт кенеш». Главной целью новой организации было провозглашено возрождение и развитие удмуртского народа. Для этого предполагалось организовать разветвленную систему общественного самоуправления, заниматься проблемами политического, экономического, социального и духовно-нравственного воспитания народа¹.

Необходимо отметить, что именно решение о создании новой общественно-политической организации, ориентированной на консолидацию удмуртского этноса, положило начало расколу единого национального движения. Одной из причин этого стало то, что отдельные активисты Общества удмуртской культуры не получили в новой структуре должностей, на которые они рассчитывали и стали активно выступать против избранного президента. Кроме того, «внутриорганизационные разногласия, которые в значительной степени носят субъективный характер, наряду с объективными трудностями, тормозящими этнополитическое развитие удмуртов, подрывали движение изнутри»².

На втором этапе (1992–1995 гг.) «несмотря на достаточно прочные позиции удмуртов в Верховном Совете, Совете Министров УР, в ряде средств массовой информации, удмуртское национальное движение не сумело прочно объединить усилия национальных лидеров и реализовать свой потенциал. Наиболее авторитетные удмуртские политические деятели вместо того, чтобы использовать свое влияние и возглавить национальное движение,

¹ Смирнова С. К. Указ. соч. С. 192.

² Там же. С. 193.

в значительной степени дистанцировались от него в силу различных причин; все эти причины при всем их многообразии (от природной удмуртской скромности до боязни ответственности) можно свести к единому знаменателю – этнополитической инфантильности»¹. Реализацией политического потенциала Общества удмуртской культуры стала поддержка на выборах 1993 года в Государственную Думу Федерального Собрания РФ кандидата в депутаты М. А. Васильева (удмурта по национальности) и его победа. Политические амбиции, вероятно, привели к внесению изменений в Устав «Дэмен», и Общество из общественно-культурной трансформировалось фактически в общественно-политическую организацию. В 1994 году «Шунды» также стала общественно-политической организацией. Учитывая характер происходящих в это время перемен, удмуртское национальное движение активно готовилось к выборам в новый законодательный (представительный) орган государственной власти – Государственный Совет Удмуртской Республики.

В ходе предстоящих в марте 1995 года первых выборов в структурно обновленный парламент Удмуртии – Государственный Совет – удмуртские организации объединились в избирательный блок «Удмурт кенеш» в составе которого было зарегистрировано 56 кандидатов, среди которых были не только удмурты. Однако на выборах избирательный блок потерпел сокрушительное поражение, и те 16 удмуртов, которые стали депутатами Государственного Совета, оказались там, скорее, вопреки позиции удмуртского национального движения.

Неудача на выборах 1995 года оказала определяющее воздействие на дальнейшее развитие удмуртского национального движения: «Изъяны внутренней консолидации, этнополитическая стагнация и последовавший за ней регресс в конечном итоге вылились в первое крупное поражение удмуртов»². Показательно, что вскоре после этого Удмуртская молодежная

¹ Смирнова С. К. Указ. соч. С. 193.

² Там же. С. 193.

общественно-политическая организация «Шунды» вернулась к своему прежнему, неполитическому статусу. Кроме того, стало усиливаться противостояние между Всеудмуртской ассоциацией «Удмурт кенеш» и Обществом удмуртской культуры «Дэмен», что способствовало дальнейшему расколу удмуртского национального движения¹.

На третьем этапе (1996–2000 гг.) произошла дальнейшая дифференциация и спад национального движения, значительное воздействие на это оказала не только сложившаяся после выборов в 1995 года политическая ситуация, но и общее разочарование в новом социально-экономическом курсе государства вообще и демократии в частности. В 1997 году состоялось переизбрание руководства «Удмурт кенеш», с этого времени ассоциацию возглавил В. К. Тубылов, бывший в тот период депутатом Госсовета УР.

Во время выборов 1999 года в Государственный Совет «Удмурт кенеш» снова потерпел поражение, поскольку большинство выдвинутых им кандидатов-удмуртов не были поддержаны избирателями, депутатами стали только 11 удмуртов.

Все перечисленное выше в совокупности привело к тому, что удмуртское национальное движение, по мнению С. К. Смирновой, на третьем этапе (с 2000 года) оказалось в глубоком кризисе, который особенно отчетливо проявился во время проведения в октябре 2000 года выборов первого Президента УР. Единственный реальный конкурент А. А. Волкова – удмурт П. Н. Вершинин – был одним из самых известных политиков, который с уверенностью мог рассчитывать на поддержку удмуртского этноса, составлявшего большинство активного сельского электората. Однако эти выборы стали очередным поражением национального движения, поскольку в них с очевидностью вновь обнаружилась специфика политического поведения северных и южных удмуртов, о чем

¹ Смирнова С. К. Указ. соч. С. 200.

свидетельствует электоральная география. Можно предположить, что победа на президентских выборах А. А. Волкова была логична и предсказуема, поскольку основывалась не на этническом факторе, в неумелом использовании которого удмуртское национальное движение убедило своего оппонента еще во время всех предшествующих выборов в Государственный Совет Удмуртии, а на предложенной избирателям программе социально-экономического развития Удмуртии, «пресытившихся национально-романтическими идеями»¹.

Своеобразным проявлением кризиса внутри удмуртского национального движения стало создание Ижевской городской молодежной организации «Эрик» (образована в мае 2000 года, зарегистрирована в 2001 году). В состав её вошла та часть молодежного актива, которую во многом не устраивала деятельность сложившихся к тому времени удмуртских общественных организаций. Видимо, благодаря этому «Эрик» приобрел славу «оппозиционного» движения. Возможно, это объясняется и тем, что многие члены организации участвовали в избирательных кампаниях против А.А. Волкова. Хотя, по воспоминаниям участников организации, накануне президентских выборов 2000 года было принято принципиальное решение не выступать от «Эрика» в поддержку кого-либо из кандидатов². К 2002–2003 годам организация практически распалась, часть её членов вошла в «Шунды», часть ушла в бизнес-структуры. Думается, причинами распада стали те же проблемы, что были характерны для всего удмуртского движения того времени: отсутствие яркого харизматического лидера, незначительная численность (до 40 активистов) и некоторая эфемерность целей («цель – помогать друг другу, собраться и переговорить»³). «Эрик» так и остался своеобразным клубом единомышленников, «отдушиной» для части активной удмуртской молодежи г. Ижевска, где они могли обмениваться своими мыслями, переживаниями.

¹ Смирнова С. К. Указ. соч. С. 207.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 71.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 71.

Во время последних прямых президентских выборов в Удмуртской Республике (2004 год) удмуртское национальное движение уже не проявляло себя активно. Кандидаты-удмурты присутствовали в бюллетенях для голосования, однако их этническая принадлежность практически не повлияла на волеизъявление избирателей, так как они не смогли набрать даже 5 % на двоих (М. Г. Афанасьев и А. М. Штыков). В то же время Е. Г. Одиянков использовал в своей избирательной кампании этнический фактор и довольно успешно. Даже при отсутствии административного ресурса и поддержки в СМИ вместе с братом Ю. Г. Одиянковым им удалось набрать 21,4 % голосов избирателей. Что касается А. А. Волкова, в первую очередь он опирался на социальный фактор (село в целом), и только во вторую – на этнический (поскольку большинство сельских жителей – удмурты). В то же время именно этнический компонент, на мой взгляд, в очередной раз позволил А. А. Волкову стать президентом, так как голоса сельских жителей, вкупе с незначительно возросшей поддержкой со стороны жителей столицы, позволили победить ему уже в первом туре и получить 437509 (54,26 %) голосов из них голоса селян составили 228383 (в общей совокупности – 52,2 %)¹.

В результате произошедших в Удмуртии общественно-политических событий, связанных с попыткой избрания президента-удмурта, национальное движение оказалось окончательно расколотым: из Общества удмуртской культуры «Дэмен» выделилось региональное движение «Дэмен», в состав которого в качестве коллективного члена вошла Удмуртская молодежная общественная организация «Шунды».

В настоящее время вопрос о консолидации и этнополитической мобилизации удмуртского этноса остается открытым. Казалось бы, кризис национального движения преодолен, организации сохранились и продолжают работать, имеют устойчивую социальную базу, а также государственную поддержку. Однако реальные перспективы возможной

¹ Выборы в Удмуртской Республике. 1994–2004 гг. С. 89.

этнополитической мобилизации в УР вызывают определенные сомнения, поскольку фактическая встроенность в «вертикаль власти» удмуртского национального движения не позволяет рассчитывать на возможность претворения в жизнь консолидированных интересов удмуртского этноса. Все это находит практическое выражение в незначительном влиянии удмуртского национального движения на политическую социализацию подрастающего поколения. По мнению заместителя министра национальной политики Удмуртской Республики Т. В. Ишматовой, в настоящее время «мало кто из представителей удмуртов чувствует себя ответственным за продолжение и сохранение этнической культуры»¹. При этом она обращает внимание, что на выборах удмурты часто опираются на позицию авторитетного человека².

На фоне отмеченных тенденций в развитии удмуртского национального движения другие национально-культурные объединения смогли, на первый взгляд, добиться более серьезных политических результатов.

Представители наиболее многочисленной этнической общности в Удмуртии – русские – в этом отношении, казалось бы, самые успешные, так как их представительство в органах государственной власти максимальное. Однако необходимо обратить внимание на тот факт, что такая ситуация сложилась не благодаря политической активности национально-культурного движения русских в Удмуртии, а силу обстоятельств иного порядка. С самого начала своего существования в виде Общества русской культуры Удмуртской Республики, которое было сформировано, кажется, в противовес удмуртскому национальному движению, поскольку его создание было инициировано в процессе обсуждения Декларации о государственном суверенитете Удмуртии, эта организация была существенно политизирована. Учредительное собрание Общества было проведено в феврале 1991 года и

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 79.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 79.

объединение зарегистрировано как общественная организация Индустриального района г. Ижевска в январе 1992 года. Основной целью общества заявлялось возрождение национальной русской культуры, содействие укреплению российской государственности, исторической братской дружбы российских народов, реализация гражданских и социально-экономических прав русского населения, широкого разъяснения историко-культурных традиций русского народа и т.д.¹ Сопредседателями Общества на первом этапе его становления были М. К. Кокорин и Е. Ф. Шумилов, позднее остался один руководитель – М. К. Кокорин. Начальный период деятельности Общества был непростым, поскольку «непозволительные выпады в адрес других национальных движений осложняли и без того непростые межнациональные отношения в республике. Непродуманные и зачастую чрезмерные требования и претензии к органам законодательной и исполнительной власти ... долго сводили к нулю конструктивность диалога с республиканской властью, представленной в Удмуртии, преимущественно русскими же...»². Эта этнически окрашенная политизация стала особенно неприемлемой в 1996 году, когда М. К. Кокорин инициировал обращение к высшим органам власти УР и РФ по поводу ущемления прав русского населения Удмуртии в связи с обсуждением проекта закона УР о государственных языках УР.³ Однако политическая активность общества успехом не увенчалась. Во время выборов 1999 года в Государственный Совет УР Общество русской культуры инициировало выдвижение пяти кандидатов в депутаты, но прошел только один – М. К. Кокорин. В деятельности руководства Общества к 2000 году завершился этап, справедливо охарактеризованный как «период политических крайностей и метаний, этнополитических спекуляций и гиперболизации»⁴. Возможно, это связано с тем, что в 1999 году М.К. Кокорин был избран на должность

¹ Шепталин А. А. Русское национальное движение в Удмуртии // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. М. ; Ижевск : Удмуртия, 2003. С. 72–73.

² Там же. С. 73.

³ Там же. С. 74.

⁴ Там же. С. 78.

председателя постоянной комиссии ГС УР по законности. В настоящее время, в связи с реорганизацией комиссии по законности бывший председатель Общества является уполномоченным по правам человека в УР.

Думается, причиной того, что русское национальное движение не обрело широкого размаха на политической арене, во многом стало отсутствие широкой поддержки национального движения среди русского населения республики, и даже его лидер предпочел явные преимущества карьеры государственного служащего.

Более успешным примером реализации этнополитического потенциала является татарское национальное движение. В августе 1989 года на собрании татар г. Ижевска было принято решение образовать Татарский общественный центр, реорганизованный в 1998 году в Региональное общественно-политическое движение «Татарский общественный центр Удмуртии» (1990 год), который возглавил М. В. Гаратуев¹. Основными целями татарского движения стали: сохранение и развитие татарской культуры; повышение национального самосознания, социальной и политической активности татар; участие в политической жизни общества путем влияния на формирование политической воли граждан, участие в выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления посредством выдвижения кандидатов и организации их предвыборной агитации; участие в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления². В политической жизни татары активно участвовали и добивались значительных (в сравнении с удмуртами и русскими) успехов. В Госсовете созыва 1995 года татар было 5 %, в 1999 их стало 8 %, а на выборах в марте 2003 году этот показатель составил уже 10 %, после проведения довыборов в декабре 2003 г – 11 %. По результатам выборов 2007 года их общая численность сократилась до 6 %. Увеличение числа депутатов-татар в

¹ Шепталин А. А. Татарское национальное движение в Удмуртии // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. М. ; Ижевск, 2003. С. 226.

² Устав регионального общественно-политического движения «Татарский общественный центр» // Феномен Удмуртии. Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. М. ; Ижевск, 2003. С. 282–283.

Государственном Совете УР свидетельствовало о реальном политическом влиянии татарской общины в Удмуртии, ее этнополитических амбициях и зрелости. Своеобразное «татарское лобби» в парламенте было реальным этнополитическим фактом, в силу которого татары в большей степени имели возможность реализовать свои национально-культурные интересы на практике, нежели удмурты.

В последние годы ситуация в сфере национально-культурного строительства несколько изменилась, что может быть связано с несколькими факторами. Во-первых, объективно наблюдается тенденция к снижению роли и значения этнического фактора в политической сфере. Возможно, это временное явление, но на данный момент оно фиксируется достаточно четко по результатам голосования в различных типах этносреды. Политическое поведение постепенно начинает демонстрировать расхождения в электоральном поведении в границах допустимой погрешности. Во-вторых, переходный период в развитии политической системы закончился, созданы предпосылки и условия для формирования в целом единой политической культуры российского социума, которая практически не учитывает роль и значение этничности при решении вопросов государственно-политического развития, что в перспективе может вызвать негативные тенденции в сфере межнационального взаимодействия в многонациональном государстве. В-третьих, определены правовые основы участия полиэтнического населения РФ в управлении государственными делами. Основным каналом осуществления народом своей власти, помимо референдума и выборов, является участие в работе политических партий. Вместе с тем, по мнению депутата А. И. Гальцина, *«партии – это те же самые люди, которые здесь живут, в большинстве своем с уровнем багажа советского периода»*¹.

Таким образом, в современных условиях деятельность национально-культурных объединений объективно должна была утратить свой политический характер и переориентироваться на решение проблем в

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 75.

социально-культурной сфере. При этом следует отметить, что даже в подобных условиях институты гражданского общества обладают значительным, еще не осознанным самими потенциалом, поскольку зачастую только они способны наиболее полно выражать надежды и чаяния своих участников по широкому спектру социально-значимых проблем. Можно с уверенностью констатировать, что в условиях становления нового типа политической системы Удмуртии на протяжении двух постсоветских десятилетий национальный фактор был практически выхолощен, однако при этом продолжает существовать в скрытой, латентной форме. В сфере политической социализации его воздействие во многом проявляется в культивировании традиционных взглядов и установок на политическую сферу среди представителей удмуртской молодежи.

Глава III. Этнические аспекты политической социализации молодежи в Удмуртии

В российском обществе в конце XX – начале XXI веков возникла проблема определения целей развития, а также внутривнутриполитической консолидации страны, формирования ответственного гражданина новой России. Переход к рыночным отношениям, продолжающиеся экономические и административные реформы приводят к тому, что политическая активность и понимание населением ключевых законов функционирования демократии начинают играть все более важную роль в процессе выработки и реализации политического курса страны, определяющего в конечном итоге уровень социально-экономического развития общества. Особая роль при этом принадлежит молодежи, поскольку «наследуя и воспроизводя сложившиеся общественные и политические отношения, каждое новое поколение обеспечивает сохранение целостности общества и участвует в его совершенствовании и преобразовании на основе своего инновационного потенциала»¹. Для российского общества это важно еще и по той причине, что именно преобладание среди молодежи людей активных, мобильных, быстро адаптирующихся к изменениям социально-экономической среды, зависит будущее страны, её положение на международной арене. Не случайно в докладе Общественной палаты Российской Федерации «Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее?» одной из ключевых задач, стоящих на сегодняшний день перед страной, определено «становление креативной личности, способной и готовой к жизни в поликультурном обществе, к принятию ответственных решений в условиях

¹ Быканова А. А. Формальные общественные организации и партии как агенты политической социализации современной российской молодежи // Политическая психология, культура и коммуникации / Редкол.: Е. Б. Шестопал и др. М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН) ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 50.

свободного выбора, к диалогу как сознательно принятой форме сотрудничества и конкуренции»¹.

На взгляд автора, необходимо постоянное изучение процессов, происходящих в обществе, в том числе и с позиции их влияния на подрастающие поколения, поскольку именно молодежь «особенно часто оказывается в положении жертвы политических, сепаратистских, национальных амбиций... первой оказывается в эпицентре конфликтов»². В данной главе автор рассматривает существующую систему политической социализации молодежи (прежде всего студенчества) и её эффективность. Требуется своего учета и региональная специфика этнополитической социализации, на которую оказывают влияние особенности этнической культуры и ментальности местных этнических сообществ. Для решения названных задач было предпринято специальное этносоциологическое исследование студенческой молодежи как наиболее мобильной и активной группы современного российского социума. Результаты исследования легли в основу данной главы.

3.1 Значение социального окружения в процессе политической социализации

Процесс первичной политической социализации молодых людей неотделим от процесса общей социализации. Важнейшую роль здесь играет взаимодействие между людьми, составляющими микросреду – общественное окружение, в котором подрастающая личность находится в непосредственном устойчивом, систематическом контакте³. Повседневное общение является естественной средой непрерывного развития индивида, в ходе которых социализаторы (субъекты) в процессе личного общения осуществляют передачу культурных традиций. Основными институтами

¹ Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? (Доклад Общественной палаты Российской Федерации). М., 2007. С. 5.

² Молодежь России: Тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шарова // Молодая Гвардия. М. 1993. С. 83.

³ Снежкова И. А. Формирование этнического самосознания у детей и юношества (на материалах этносоциологического обследования г. Киева и Киевской области) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 125.

социализации при этом являются семья, коллектив родственников и сверстников. В ходе данного этапа социализации включаются также образовательные институты (детский сад, начальная школа), осуществляющие функцию «методической социализации», которая обеспечивает усвоение основных навыков культуры.

Рассмотрим воздействие микросоциальной среды, в которой происходит становление личности гражданина, поскольку именно она способствует выбору моделей поведения в политической жизни общества. Анализ двух обособленных сфер проживания (город и село) дает возможность выяснить и сравнить специфику формирования основного контингента вузовской учащейся молодежи Удмуртии (табл. 6)¹.

Таблица 6

Постоянное место проживания семей студентов Удмуртской Республики*

Место проживания	Русские	Удмурты	Татары
Деревня, село	10	56	13
Районный центр	7	9	5
Поселок городского типа	6	8	8
Город	74	21	73
Другой ответ	3	6	1

* Здесь и далее в процентах от общего числа опрошенных в этнических группах.

Наибольшее количество выходцев из сельской местности (в том числе из районных центров) приходится на представителей удмуртского этноса. Их доля практически более чем в четыре раза превышает аналогичные показатели среди русских и татар. Полученные данные вполне соотносимы с данными о количестве городских и сельских жителей Удмуртии среди рассматриваемых народов. Доля удмуртов, проживающих в городах, в 1989 году составляла 48,1% от общей численности этноса. Согласно переписи 2002 года их количество несколько уменьшилось, составив 46,6 %². У русских и татар процент горожан в 1989 году составлял, соответственно,

¹ Здесь и далее в главе III в основу таблиц положены результаты авторского этносоциологического исследования.

² Финно-угорские народы России. Статистический сборник. Сыктывкар : Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми, 2005. С. 20.

80,7 и 85,5 %. Столь значительную разницу в показателях удмуртов с одной стороны и русских и татар – с другой специалисты объясняют комплексом исторических причин и психологических особенностей удмуртского этноса, в том числе сильной приверженностью традиционной культуре¹. В современном размещении населения четко прослеживается своеобразное разделение республики на преимущественно «русский» город и большей частью «удмуртское» село². Эти сведения косвенно подтверждаются и показателями сфер занятости родителей опрошенных (табл. 7). Именно на удмуртов приходится наибольшая часть занятых в сельском хозяйстве – 25 %, в то время как среди русских и татар их доля составляет 3,3 и 6 % соответственно.

Таблица 7

Сферы деятельности родителей студентов

Род занятий	Русские	Удмурты	Татары
Рабочий	25	26	30
Инженерно-технический работник, служащий производства	28	13	21
Руководитель предприятия, организации	10	3	9
Работник науки, образования	15	17	12
Работник культуры, искусства, средств массовой информации	4	3	5
Работник торговли, сферы обслуживания	26	17	23
Военнослужащий, служащий МВД	4	2	4
Работник здравоохранения	12	15	12
Безработный	2	3	1
Пенсионер	4	6	5
Домохозяйка	4	4	8
Работник сельского хозяйства	3,3	25	6
Другое	3	5	3
Не ответили	2	2	1

Данные таблицы характеризуют сложившуюся социально-экономическую структуру в Удмуртской Республике. Как видим, среди всех опрошенных большинство приходится на представителей рабочих профессий

¹ Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 90–91.

² Поздеев И. Л. Образовательные стратегии современной молодежи (на примере Удмуртской Республики) // Молодежь и будущая Россия: Материалы Третьей Всерос. науч.-практич. конф. . Сб. науч. тр. ИНИОН РАН. Редкол.: Ю. С. Пивоваров (отв. ред.) и др. М., 2008. С. 434–435.

и бюджетных организаций, куда входят работники науки, культуры, образования и здравоохранения. В то же время среди удмуртов бросается в глаза гораздо меньшее, по сравнению с другими этносами, количество инженерно-технических работников и руководителей, относящихся к высокооплачиваемым слоям населения. Складывается парадоксальная ситуация: несмотря на значительную долю титульного этноса в составе населения республики, они практически полностью отсутствуют среди крупных бизнесменов и во властных структурах. Такое разделение не может не сказываться на общественном положении всего этноса и самоощущении его представителей. Подобная диспропорция подтверждается и другими исследованиями. В частности, авторы многотомного труда «Феномен Удмуртии» отмечают, что низкий процент представленности удмуртов в органах власти во многом обусловлен отсутствием достаточного кадрового резерва, отвечающего требованиям времени. Этностатистический анализ контингента студентов в вузах Удмуртии в 1998 года показал, что обучающаяся удмуртская молодежь в них составляет всего 23,9 %, при этом в выборе будущей профессии предпочтение отдается гуманитарной сфере¹. И ситуация с годами не выправляется. Так, по данным приемной комиссии Ижевского государственного технического университета, в 2006 году на первый курс поступило 14,2 % удмуртов от общего количества поступивших², в 2007 – 13 %³.

Поскольку более половины удмуртов проживает в сельской местности, это оказывает воздействие на процессы социализации, в том числе – политической. Значительная часть удмуртской молодежи в детском и раннем юношеском возрасте – возрасте первичной и начала вторичной политической социализации – воспринимает культуру, характерную для удмуртской этнической среды. Думается, что данная специфика характерна и для других народов. В то же время, как показывают результаты опроса, и в более

¹ Губогло М. Н., Смирнова С. К. Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. С. 368–376.

² Справка об итогах приема на 1-й курс в Ижевский государственный технический университет в 2006 г.

³ Справка об итогах приема на 1-й курс в Ижевский государственный технический университет в 2007 г.

позднем возрасте молодые люди в своем ближайшем окружении поддерживают тесные контакты с представителями своего этноса (табл. 8).

Таблица 8

Национальность наиболее близких друзей

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Русский	95	60	73
Удмурт	28	87	23
Татарин	26	22	81
Другое	5	2	10
Не ответили	1	1	–

Отметим, что для определения дружеского окружения респондентам было предложено указать национальности трех наиболее близких друзей. Как видим, для наших респондентов национальная принадлежность друзей не безразлична: 95 % русских, 81 % татар и 87 % удмуртов в их числе указали представителей своего этноса. Интересны тенденции в предпочтительном выборе друзей из представителей других этносов. Русские студенты достаточно ровно относятся как к сверстникам-удмуртам, так и к татарам. Татары больше предпочитают общаться с русскими (73 %), нежели с удмуртами (только 23 %), равно как и студенты-удмурты чаще дружат с русскими (60 %), чем с татарами (22 %). Преобладание у удмуртов и татар друзей-русских, возможно, объясняется их относительной малочисленностью в общей массе студенчества, а следовательно, и ограниченной возможностью для интенсивных и «коротких» межэтнических связей, особенно в условиях города. В выборе партнеров для дружеского общения предпочтение отдается представителям своей национальности, что связано, вероятно, со всем спектром проявления этничности, например, языка, благодаря которому легче устанавливать контакты с людьми собственной культуры.

Непосредственное общение молодого человека с людьми, составляющими микросреду, способствует ознакомлению и восприятию им ценностей, традиций, норм, которые распространены в данной среде. В этой связи наиболее яркими и заметными выступают особенности, привносимые этнической культурой. В ходе их восприятия ребенок вырабатывает

собственную систему ценностей, осознает свое место в обществе. При этом на формируемые у него уровни большое влияние оказывает этническая идентичность. Это можно проследить через самоопределение молодежи (табл. 9).

Таблица 9

**Распределение ответов на вопрос:
«Кем вы ощущаете себя в первую очередь?»**

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Гражданином РФ	71	59	67
Гражданином УР	3	24	2
Жителем г. Ижевска	11	5	5
Представителем своей религии	1	0,3	3
Представителем своей национальности	4	6	10
Иное	7	3,7	4
Затруднились ответить	3	2	9

Для большинства опрошенных главенствующую роль играет осознание себя гражданином Российской Федерации: самый высокий показатель гражданской идентичности – среди русских студентов (71 %), затем следуют татары (67 %) и, наконец, удмурты (59 %). Практически четверть опрошенных удмуртов на первое место поставили региональную идентичность, то есть осознание себя гражданином Удмуртской Республики (24 %). Можно предположить, что это свидетельствует об идентификации себя как представителя государствообразующего, «титulyного», коренного этноса республики. В то же время обращает на себя внимание незначительный процент молодежи, для которой принадлежность к своему этносу является приоритетной. Возможно, этническая идентификация для молодежи в Удмуртии не играет решающей роли.

Формирующееся у молодого человека политическое «Я» несет в себе эмоциональную окраску по отношению к политическим институтам, должностным лицам, дополняется знанием специфических ролей и функций, которые выполняют те или иные институты власти¹. Иллюстрацией этому может послужить ситуация вокруг представительства основных этнических

¹ Социальная педагогика: теория, методика, опыт исследования. Свердловск, 1989. С. 130.

групп в Государственном Совете Удмуртской Республики, которая рассматривалась в предыдущей главе. Как уже отмечалось, вопрос представленности основных этносов республики, прежде всего удмуртов, стоит достаточно остро, и сложившаяся диспропорция, безусловно, имеет свои последствия, что находит отражение и в общественном мнении (табл. 10).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос:

**«Должно ли этническое представительство депутатов в Госсовете УР
соответствовать этническому составу населения УР?»**

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Безусловно, да	9	18	10
Да	20	24	19
Скорее нет	26	18	23
Безусловно, нет	16	8	19
Затруднились ответить	29	32	29

Несмотря на большую долю затруднившихся с ответом, четко видно, что в этнических группах соотношение ответов различно. Так, 42 % удмуртов поддерживают мнение о необходимости сохранения пропорциональности этнического представительства в органах власти этническому составу населения (варианты ответов «безусловно, да» и «да»), в то время как среди русских и татар таковых оказалось по 29 %. В то же время за государственные гарантии прав национальных меньшинств высказалось большинство опрошенных (см. табл. 11). При этом для удмуртов данный вопрос, судя по вариантам ответов, является более актуальным, нежели для русских и татар.

Думается, в распределении ответов, зафиксированных в двух последних таблицах, словно в зеркале отражаются многие бытующие комплексы и предубеждения населения многонационального региона: с одной стороны, видна закомплексованность и неуверенность в собственных силах удмуртов, с другой – возможная неготовность значительной части «не удмуртов» видеть в составе республиканской политической элиты

представителей титульного этноса. Все это является следствием существующей этносоциальной стратификации республиканского общества, вернее – структурированного и иерархизированного неравенства этнических групп, которое, по мнению Р. Р. Галямова, может передаваться из поколения в поколение¹. Хотим мы этого или нет, но подобное «неравенство» существует, и ребенок, только что родившийся на свет, уже оказывается в этом сложном переплетении общественных отношений.

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Должно ли государство гарантировать права национальных меньшинств, проживающих в России в политической сфере? »

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Безусловно, должно	34	46	34
Должно	47	40	40
Не должно	7	3	7
Безусловно, не должно	1	1	2
Затруднились ответить	11	10	17

Удмуртский этнос оказывает ощутимое влияние на внутрирегиональные политические процессы в Удмуртии. Так, М. В. Тенсин на основе анализа результатов собственного социологического исследования пришел к выводу, что удмуртов в основной своей массе отличает высокая электоральная активность и поддержка на выборах «административных кандидатов» и «партии власти»². Во многом это вызвано совокупностью сложившихся традиций и социально-экономического положения удмуртского этноса. По мнению В. Е. Владыкина, «природно-экологическая ниша, тысячелетняя история, этнокультурная среда жизнедеятельности удмуртов свидетельствуют о том, что удмуртский народ на всех своих структурных уровнях (от этноса в целом вплоть до микросоциальной ячейки-семьи) всегда функционировал в широком поле толерантности»³. Удмурты

¹ Галямов Р. Р. Стратификационная теория П. А. Сорокина и концептуальная модель этносоциальной стратификации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7. № 2. С. 92–94.

² Тенсин М. В. Этнополитические ожидания и проблемы самоидентификации молодежи в Удмуртской Республике на современном этапе // Молодежь Республики Марий Эл : Материалы межрегион. науч.-практич. конф. Йошкар-Ола, 2007. С. 145.

³ Владыкин В. Е. Феномен традиционной удмуртской толерантности // Россия и Удмуртия: история и современность : Материалы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 450-летию добровольного

терпимо относились к представителям других культур, недаром Удмуртия считается одним из самых спокойных в межнациональном отношении регионов. Ставшие уже хрестоматийными толерантность, терпимость, даже покорность отражаются и на взаимоотношениях удмуртского народа с властью, исключая открытое несогласие и противодействие. Хотя справедливости ради следует отметить, что терпимость и законопослушность характерны и для других народов (табл. 12).

Таблица 12

Распределение ответов на вопрос:

«Считаете ли вы обязательным подчиняться закону, даже если он не является справедливым в вашем представлении?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Закон, принятый в установленном порядке, является обязательным для всех	60	71	61
Следую закону только потому, что готов ради общей пользы поступиться своим мнением	11	7	12,5
Закон, не отвечающий моему представлению о справедливости, не обязателен для меня	13	9	10
Подчиняюсь закону только из страха понести ответственность за его невыполнение	13	10	12,5
Другое	1	1	2
Затруднились ответить	2	2	2

Как видим, большую часть современной студенческой молодежи можно отнести к конформистам, спокойно принимающим государственное устройство России. При этом ответы фиксируют осознанное принятие молодыми людьми законов.

Стоит добавить, что в молодежной студенческой среде распространено стремление к применению законных способов при отстаивании собственных интересов. Так, для разрешения конфликтных ситуаций молодые люди предпочтение отдают легальным формам, прежде всего «обращение в суд».

Такой вариант ответа (по данным соцопроса, проведенного в 2011 году) указали 45 % русских, 46 % удмуртов и 43 % татар. При этом только 10 % русских, 12 % удмуртов и 5 % татар отметили, что готовы участвовать в уличных выступлениях. Хочется верить, что в молодежной среде Удмуртии имеется серьезный ресурс противодействия эскалации деструктивных и противоправных идей.

Сохранению традиционных поведенческих черт способствует и социальное положение удмуртского народа, больше половины которого, как уже говорилось, проживает в сельской местности (см. табл. 6, 7). Специфика сельской жизни во многом обусловлена положением сельского хозяйства, находящегося в состоянии перманентной депрессии и чрезвычайной зависимости от дотаций, распределяемых руководством республики. Все это делает послушным, конформистским поведение деревенских жителей. Для селян не является секретом, что зачастую решение о проведении газа в тот или иной район республики, строительстве школ, дорог, мостов зависит от результатов их голосования на выборах. Например, Дебесский район Удмуртской Республики после того, как совет депутатов муниципального образования «Дебесский район» на выборах главы администрации района не поддержал кандидатуру, одобренную республиканской властью, надолго оказался в «опале», несмотря на высокие показатели социально-экономического развития. Как говорят сами дебесцы, «у нас проблемы с республикой и республиканскими властями, они отказываются вкладывать в Дебесы деньги за то, что мы мятежники, голосуем не так, как хотелось бы власти»¹. Все вышеперечисленное формирует своеобразное политическое поведение удмуртского этноса. Естественно, что подобные стереотипы поведения находят свое отражение и при межпоколенной передаче культуры. Например, удмуртская молодежь показала самые высокие показатели поддержки партии «Единая Россия» (см. табл. 13). Стоит отметить, что

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1495. С. 75.

социологический опрос проводился за месяц до выборов в Государственную Думу СФ РФ в 2007 году.

Таблица 13

Распределение ответов на вопрос:

«Если бы выборы депутатов Государственной Думы ФС состоялись в ближайшее воскресенье, какой политической партии вы бы отдали предпочтение?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Единая Россия	47	58	52
Справедливая Россия	4	4	6
Аграрная партия России	2	2	–
ЛДПР	12	8	16
Яблоко	1	1	3
СПС	1	–	–
КПРФ	3	4	4
Другая партия	2	1	2
Затруднились с ответом	28	22	17

Анализ обобщенных данных подтверждает наши предположения об ощутимом воздействии этнического фактора на политические предпочтения: среди тех, кто планировал проголосовать на выборах 2 декабря 2007 года за политическую партию «Единая Россия», удмуртов было 58 %, в то время как русских и татар – только 47 и 52 % соответственно. В этой связи интересно сравнить реальные результаты голосования по выборам депутатов в ГД СФ РФ по Удмуртской Республике: «Единая Россия» получила 60,57 % голосов, КПРФ – 10,61 %, ЛДПР – 10,97 %, и «Справедливая Россия» – 8,62 %¹. Как видим, политические предпочтения молодежи (пусть даже на уровне намерений) отличаются от реальных результатов голосования в целом, что позволяет говорить о существовании своеобразной молодежной политической субкультуры. Нельзя не обратить внимание и на то, что многие из опрошенных затруднились с ответом. Возможно это свидетельствует об отсутствии у них сформировавшихся устойчивых политических воззрений.

Отметим, что взаимодействие молодого человека с социальным окружением является одним из главных каналов приобретения социального опыта, усвоения групповых традиций. При этом наиболее интенсивно они

¹ Удмуртская правда № 142 от 07.12.2007. С. 5.

происходят в процессе семейного общения. Именно в семье в период первичной политической социализации закладываются основы политических категорий и ценностных структур сознания, оказывающих свое влияние на всю последующую жизнь человека. Особенностью данного этапа в поликультурном обществе, представленном в Удмуртии, является то, что в процессе формирования общегражданских позиций, политической культуры большое воздействие на молодежь оказывают культурные, ментальные особенности, поведенческие стереотипы той этнической группы, в рамках которой происходит их социализация. Этническое, религиозное самосознание, гражданская и политическая идентичности во многом определяют дальнейшую деятельность индивида в политической сфере общества.

3.2 Основные стратегии и практики вовлечения молодежи в политическую жизнь страны

Результатом первичной политической социализации становится формирование базовой политической идентификации личности, завершающееся примерно в 13-14 лет. Активная реализация и внесение своего собственного вклада в развитие политических отношений и связей, по мнению ряда исследователей, начинается примерно с 18 лет – возраста, определенного конституционными положениями¹. Не оспаривая данное мнение, все же следует добавить, что именно в период ранней юности (14-18 лет) в основном завершается становление «ядра» личности, вырабатываются эмоциональные чувства по отношению к политическим институтам, символам власти², что необходимо учитывать в процессе политической социализации. Неслучайно многие молодежные общественные организации вовлекают в сферу своей деятельности именно представителей данной

¹ Сабирзянова Ф. Р. Политическая социализация учащейся молодежи Республики Башкортостан на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. Уфа, 2003. С. 43.

² Крайнова Н. В. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования её институтов : дис. ... канд. полит. наук. Ярославль, 2006. С. 54.

возрастной группы. Так, согласно Уставу Общероссийской общественной организации «Российский Союз молодежи», её членом может быть «молодой человек, гражданин Российской Федерации, как правило, в возрасте от 14 до 30 лет, признающий Программу и Устав РСМ»¹. В программных документах Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» конкретно не указан возраст, при котором молодой человек имеет право стать членом этой организации, однако сказано, что член организации имеет право «избирать и быть избранным в руководящие и контрольно-ревизионные органы Организации различного уровня при достижении 18 лет»², следовательно, вступить в ряды организации он может и до совершеннолетия. В качестве примера можно привести также «Союз коммунистической молодежи РФ», в ряды которого может быть принят гражданин в возрасте от 14 до 30 лет. Интересно, что членство в этой организации автоматически прекращается по достижении тридцатилетнего возраста, но может быть продлено решением первичного отделения или руководящего органа местного (регионального) отделения в индивидуальном порядке³.

Если на этапе первичной социализации главную роль играет ближайшее окружение индивида, то в последующем на первый план выходит государство, поскольку именно для него жизненно важно направлять гражданскую и политическую активность молодежи в конструктивное русло. Здесь уместно вспомнить, как весь мир наблюдал результаты деструктивной активности молодых людей во время массовых беспорядков во Франции осенью 2005 года. Совершенно прав Д. А. Маяцкий, считающий, что государству принадлежит «исключительная» роль в формировании в

¹ Устав общероссийской общественной организации «Российский Союз молодежи» // Официальный сайт Общероссийской общественной организации «Российский Союз молодежи». <http://www.ruy.ru/charter.html#1>

² Устав Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России» в Приморском крае [Электронный ресурс]. – URL: <http://prim-mger.ru/static/ustav.html>

³ См. подробно: Устав Общероссийской общественной организации «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» // Официальный сайт СКМ РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://skmrf.org/viewpage.php?page_id=1

молодежной среде гражданских качеств¹. Одним из важнейших механизмов государственного воздействия на процесс политической социализации является гражданско-патриотическое воспитание (в частности, выработка любви к Родине, законопослушание, деятельность на благо отечества)², осуществляемое через образовательные учреждения, средства массовой информации и общественные организации.

В Удмуртской Республике проблемы политической социализации на властном уровне актуализируются прежде всего в Законе УР «О государственной молодежной политике в Удмуртской Республике» и реализованных на его основе целевых программ – «Молодежь Удмуртии» (2004–2008 годы) и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики» (2006–2009 годы), которые получили продолжение в аналогичных программах «Молодежь Удмуртии» (2009–2013 годы) и «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики на 2010–2014 годы». Одним из важных направлений реализации данного закона является гражданское и патриотическое воспитание молодежи.

В частности, в рамках целевой программы «Молодежь Удмуртии» (2004–2008 годы) предполагалось выполнение задачи, направленной на «содействие участию молодежи в развитии государства и общества, поддержку социальных молодежных инициатив»³ путем организации и проведения на территории Удмуртии ряда мероприятий. Например, планировалась «государственная поддержка развития молодежного и детского движения; организация работы со студенчеством, сельской молодежью, молодежью работающей на промышленных предприятиях;

¹ Маяцкий Д. А. Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Москва, 2007. С. 3.

² Орлова О. В. Социологический аспект социальных изменений молодежи // Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). Вып. 3 : Сб. ст. Йошкар-Ола, 2008. С. 26.

³ О республиканской целевой программе «Молодежь Удмуртии» на 2004–2008 годы : Постановление Государственного Совета УР от 28 октября 2003 г. № 106-III // Справочная правовая система «Гарант-Максимум. Практика ФАС», версия от 23.10.2007.

развитие системы подготовки и переподготовки кадров по работе с молодежью, формирование кадрового резерва». Одним из результатов реализации программы стало формирование «Детского парламента» в г. Ижевске¹.

Основной задачей другой целевой программы – «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики» стало «воспитание гражданина – патриота Родины»², решение которой достигалось посредством «поддержки деятельности организаций и общественных объединений, ведущих работу по патриотическому воспитанию граждан; проведения мероприятий патриотической направленности».

Система образования на современном этапе развития общества является институтом, осуществляющим целенаправленную социализацию молодежи, в том числе – политическую. И недооценивать роль образовательных учреждений в этой сфере нельзя. В 2007 году численность населения Удмуртской Республики составляла 1 532 736 человек, количество молодежи в возрасте от 14 до 30 лет (включительно) – 425 565 человек, или 27 % от общей численности населения³. При этом только в учреждениях высшего профессионального образования училось 74,5 тыс. студентов⁴, то есть примерно 17 % от общего количества молодежи.

В рамках высших учебных заведений работа, связанная с воспитанием самостоятельности и активности молодежи, находит свое выражение во внеучебной деятельности. Так, одним из приоритетных направлений в Ижевском государственном техническом университете стало развитие студенческого самоуправления, играющего важную роль в приобщении к опыту принятия и реализации организационно-управленческих решений в

¹ Тарасов А. Детский парламент или игры взрослых? // Колесо обозрения. 2008. № 3(164). С. 3.

² О Республиканской целевой программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики» на 2006–2009 годы»: Постановление Государственного Совета УР от 15 июня 2005 г. № 489-III // Справочная правовая система «Гарант-Максимум. Практика ФАС», версия от 23.10.2007.

³ Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году. С. 6.

⁴ Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году. С. 35.

формировании когорты будущих менеджеров для политической и народно-хозяйственной сфер. Овладение таким опытом в современных условиях является одним из ключевых условий успешной политической социализации. Не случайно значительное количество директоров заводов, членов Правительства УР составляют выпускники технического университета.

Как отметил в личной беседе проректор ИжГТУ по внеучебной и социальной работе со студентами А. Г. Балицкий, система студенческого самоуправления в техническом университете находит свое воплощение в следующих направлениях:

1. Принятие форумом студентов и аспирантов ИжГТУ и утверждение ректором положения «Об органах студенческого самоуправления и соуправления», что должно стать важной основой развития активности студенчества.

2. Артикуляция студенчеством ряда интересных и полезных предложений по организации учебного процесса, решению хозяйственно-бытовых вопросов и их информационного освещения.

3. Организационное становление и развитие студенческого самоуправления в рамках учебных групп, факультетов и в целом университета.

В Удмуртском государственном университете выделяют следующие приоритеты развития воспитательной работы: демократизм, гуманизм, духовность, патриотизм, конкурентоспособность, толерантность, индивидуализация и вариативность. Декларируемые направления внеучебной работы способствуют, во-первых, воспитанию специалиста, способного эффективно осуществлять жизнедеятельность в условиях демократических реформ, готового к динамичной, горизонтальной и вертикальной социальной и профессиональной мобильности, во-вторых, помогают наиболее полно проявить свободу творческого самовыражения личности с учетом интересов окружающих, уважительное отношение к другим культурам, в-третьих, формированию национальной идентичности, национального самосознания

у студенческой молодежи как одного из основных условий жизнеспособности молодого поколения¹.

Как видим, на локальном уровне (в рамках высших учебных заведений) процессы, определяющие вторичную политическую социализацию, связанную с приобщением молодежи к принятию и реализации управленческих решений, осознания собственных прав и обязанностей студенчества, идут в общем контексте республиканских программ.

Государство свое воздействие на молодежь оказывает главным образом посредством факторов политической социализации, под которыми понимаются каналы трансляции официальной политической позиции, а также существенные обстоятельства в процессе политической социализации (от лат. *factor* – движущая сила, причина какого-либо процесса, явления, существенное обстоятельство в каком-либо процессе)². Реализация политических механизмов формирования политического сознания, ретрансляции моделей поведения людей происходит путем воздействия этих факторов через институты и агентов социализации. Если агентами первичной социализации, как уже говорилось выше, являются в основном представители ближайшего социокультурного окружения индивида (родители, родственники, друзья, воспитатели и пр.), то на вторичном этапе значительно возрастает роль представителей администрации школы, ссуза, вуза, властных структур, партий, общественных организаций, работников СМИ. При этом, как можно проследить по результатам эмпирического исследования, их влияние на этнокультурные группы различно (см. табл. 14). Студенческая молодежь Удмуртии основные знания о государственном устройстве страны получает, прежде всего, в средней общеобразовательной школе, и данный показатель у удмуртов самый большой – более половины, тогда как у русских он составляет 45 %, у татар – 38 %. Доля лиц, получающих такую информацию в вузах и через СМИ, практически

¹ Концепция внеучебной и воспитательной работы в УдГУ на основе формирования гуманитарной среды вуза (2009–2012 гг.). С. 5–7.

² Сабирзянова Ф. Р. Указ. соч. С. 44.

одинакова во всех этнокультурных группах. Следовательно, влияние школы на политическую социализацию в основных этнических группах заметно отличается, в то время как вуз оказывает примерно равное социализирующее воздействие.

Таблица 14

Распределение ответов на вопрос:

«Где вы получили информацию о государственно-политическом устройстве России и Удмуртии?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
В семье	18	15	14
В школе	45	51	38
В вузе	25	22	29
Через СМИ	32	33	35
В Интернете	8	3	5
Иное	2	2	3
Затруднились ответить	6	4	6

Бросается в глаза незначительное количество удмуртов, использующих сеть Интернет для ознакомления с новостями. Думается, что в данном случае сказывается социальный фактор, обусловленный слабой насыщенностью компьютерами сельского населения, основную часть которых составляют как раз представители титульного этноса. Если взять данные по отдельным вузам, то можно видеть, что в Ижевской государственной медицинской академии доля студентов, получающих знания политического характера в своем учебном заведении, составляет 44 %, в Ижевской сельскохозяйственной академии – 20 %, в Ижевском гостехуниверситете – 22 %, в Удмуртском госуниверситете – 19 %. Подобный разброс показателей вызван, скорее всего, спецификой учебного процесса, поскольку студенты медицинских специальностей большую часть времени возвращаются в специфическом информационном поле (вуз – медицинские учреждения), поэтому о государственном устройстве узнают в основном при посещении гуманитарных дисциплин в академии.

В ходе учебно-воспитательной деятельности студенты получают знания о политическом устройстве государства, знакомятся с гражданскими

правами и обязанностями, узнают основные общегосударственные новости и т. д. Однако процесс политической социализации не замыкается рамками простого информирования. Молодые люди не только приобретают знания, они в ходе личностного общения с окружающими вырабатывают модели поведения, примеряют на себя различные социальные роли. В молодежной среде по ходу активной выработки политического поведения большое значение приобретает взаимодействие друг с другом. Необходимо учитывать то обстоятельство, что идеи, мысли, настроения, бытующие в окружающем большинстве, достаточно быстро (и часто) перенимаются остальными молодыми людьми. Это – как мода, которая всегда стремится к экспансии, охватывая всё большие массы людей. Нечто подобное часто наблюдается и в процессе политической социализации.

В то же время помимо взаимодействия внутри молодежной среды, большое значение имеет и влияние агентов вторичной политической социализации, прежде всего преподавателей (табл. 15).

Таблица 15

**Распределение ответов на вопрос:
«С кем вы обсуждаете политические вопросы?»**

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
С родителями	56	58	59
С друзьями	56	60	52
С однокурсниками	44	49	45
С преподавателями	27	25	27
С коллегами по работе	8	4	8
С супругой (супругом)	5	3	3
Предпочитаю молчать о политике	9	7	11
Политика меня не интересует	10	9	8
Иное	1	2	–
Затруднились ответить	2	3	2

Данные таблицы показывают, что примерно четверть опрошенных в каждой национальной группе обсуждают политические вопросы со своими преподавателями. А теперь посмотрим возрастную структуру профессорско-преподавательского состава университетов. Так, в ИжГТУ работают

преподаватели, средний возраст которых составляет 48 лет¹, то же самое можно сказать и по другим вузам. То есть большинство преподавателей относятся к поколению, первичная и вторичная социализация которого проходила еще в Советском Союзе, и в современных условиях они сами переживают процесс ресоциализации. Естественно, что в этой связи преподаватели в основной своей массе тяготеют к ценностям советского строя, подвергая критике (часто обоснованной) современные политические институты. При этом следует учитывать, что если авторитет преподавателей в студенческой среде высок, то от их мнения будут зависеть и взгляды, настроения учащихся по тем или иным проблемам. В ИжГТУ это ярко проявилось в ходе бесед, когда путем опроса выяснялось их отношение к обучению в магистратуре в условиях перехода на двухуровневую систему образования «бакалавр – магистр». Выяснилось, что на тех факультетах и кафедрах, где преподаватели приспособились к новым веяниям и вполне положительно оценивают реформы, отношение студентов к нововведениям достаточно доброжелательное, количество желающих поступить в магистратуру высокое. И наоборот, негативное отношение преподавателей в полной мере проецируется и на студентов. Все это хорошо иллюстрирует специфику межличностной передачи политической культуры от старшего поколения к младшим.

Как видим, в условиях вуза студенческая молодежь далеко не всегда в рамках отношений «преподаватель – студент» может получить объективную информацию о политических процессах, проходящих в стране в силу того, что преподаватели сами находятся в процессе выработки новых моделей политического поведения. Думается, что если в рамках повышения квалификации профессорско-преподавательский состав будет проходить специальные курсы, способствующие развитию их политических

¹ Отчет о результатах самообследования государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ижевский государственный технический университет» (2004–2008). С. 125.

представлений, адекватных современной жизни, то и эффективность политической социализации студентов в вузах будет увеличиваться.

Рассмотрим основные каналы получения информации о политической жизни в стране учащейся молодежью (табл. 16).

Таблица 16

Распределение ответов на вопрос:

«Где вы получаете информацию о политических событиях в стране?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Телевидение	87	75	87
Радио	40	48	43
Газеты и журналы	43	50	40
Агитационные материалы (листовки и пр.)	20	25	23
Родственники	20	12	16
Однокурсники	15	14	21
Друзья	4	17	17
Коллеги по работе	21	1	2
В Интернете	21	11	17
В ходе учебного процесса	20	21	15
Иное	2	2	3
Затрудняюсь ответить	2	2	1

Судя по данным таблицы, на момент проведения исследования для основной массы респондентов базовыми источниками информации выступали СМИ (телевидение, радио, газеты и журналы) и в меньшей степени – учебные заведения (строка «в ходе учебного процесса»). Доминирование средств массовой информации, в том числе сети Интернет, во многом делает процесс политической социализации в высшей школе практически неуправляемым. Кроме того, многое зависит от преподавательского состава. Вот что говорят сами студенты: *«У нас был предмет «политология», был интересный преподаватель, нам было интересно изучать. Очень многое от учителя зависит – как он дает, каким образом он формирует структуру занятия, если он задал какой-то положительный настрой, контакт наладил., студенты – как дети, какую игру ты ему покажешь, в такую игру он и будет играть. Если учитель задает правильный курс, то студенту хочется дальше изучать. Он в*

Интернет пойдет и не посмотрит социальные сети, а посмотрит по данному предмету, как лучше сделать, как у нас в стране все происходит»¹.

Этим студентам повезло с увлеченным преподавателем, но много ли у нас сейчас таких?

Возможно, что вышеперечисленное свидетельствует о необходимости пересмотра государственного образовательного стандарта в части увеличения количества часов, отводимых на изучение таких дисциплин как политология, история, правоведение и т. д. Не случайно идеи гуманизации и гуманитаризации образования, подразумевающие передачу учащимся всесторонних знаний об обществе, культуре, человеке при одновременном раскрытии их индивидуальности, реализации творческих сил, имеют сегодня высокую научно-познавательную и практическую значимость, находят воплощение в практике учебного процесса².

На фазе вторичной политической социализации важнейшей составляющей, как уже говорилось выше, выступает собственная активность молодого человека. Политическая активность молодежи является чутким барометром общественных настроений, средством самовыражения и самореализации. Участие гражданина в политике свидетельствует о развитости гражданских институтов и инициатив, что в свою очередь является залогом не только успешного человека, но и стабильности всего общества. Именно поэтому формирование активной политической позиции – это задача, прежде всего, государства.

О политической активности и политическом участии молодежи в жизни общества можно судить по ряду показателей, например, наличию интереса к политике, просмотру и прослушиванию общественно-политических передач, желанию вступить в политическую партию и др. (табл. 17).

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 26.

² См. подробно: Балицкий А. Гуманизация и гуманитаризация образования // Высшее образование в России. № 2. 2007. С. 108–112.

Распределение ответов на вопрос:
«В какой мере вы интересуетесь политикой?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Совсем не интересуюсь	9	10	11
Иногда слушаю новости по радио и телевидению	52	59	48
Часто слушаю новости по радио или телевидению, читаю газеты	37	31	40
Регулярно обсуждаю политические проблемы	17	15	21
Хотел(а) бы сам(а) принять участие в политической деятельности в качестве помощника кандидата в депутаты	10	10	16
Хотел(а) бы сам(а) принять участие в политической деятельности в качестве кандидата в депутаты	7	7	6
Хотел(а) бы сам(а) стать членом политической партии	11	8	12
Затрудняюсь ответить	6	9	7

Как видим, студентов, совсем не интересующихся политикой, немного: их доля в каждой этнической группе составляет примерно десятую часть. Большинство неактивно реагируют на политические события, знакомясь с новостями по радио и телевидению, читая газеты. Достаточно мало молодых людей, обсуждающих эти события в своей среде (от 15 до 20 %). Принять участие в политической жизни страны в качестве помощника кандидата в депутаты, кандидата в депутаты, члена политической партии настроена также незначительная часть опрошенных. И это при том, что опрос проводился накануне весьма серьезного политического события – выборов в Государственную Думу, которые, казалось бы, должны были вызвать живой интерес молодежи, повысить ее политическую активность. Слабый интерес молодого поколения к политическим вопросам и событиям зафиксирован и другими исследованиями. Так, в докладе Госкомитета по делам молодежи УР за 2007 год приводятся следующие данные: количество молодежи, которая внимательно следила за политической ситуацией в стране в 2007 году,

составило 13,6 %, увеличившись по сравнению с 2006 годом всего на 1,9 %, а в сельской местности таковых было только 8,6 %¹.

Неоднозначно отношение молодежи к возможности активного участия в политике, о чем свидетельствуют результаты ответов на вопрос: «Готовы ли вы принять участие в деятельности политической партии, общественной организации или национально-культурного объединения?» (табл. 18).

Таблица 18

Распределение ответов на вопрос:

«Готовы ли Вы принять участие в деятельности политической партии, общественной организации или национально-культурного объединения?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Да, буду активно участвовать, платить членские взносы	6	8	6
Да, но без каких-либо материальных и временных затрат	26	30	30
Да, но только в случае получения какой-либо выгоды для себя	21	21	19
Нет	45	39	42
Затруднились ответить	2	2	3

Как видим, большинство опрошенных вовсе не собираются связывать свою жизнь с партийной деятельностью, равно как и другими видами общественной работы. Ответы свидетельствуют об отсутствии у молодежи интереса к политике и прагматизме. Можно предположить, что под «выгодой для себя» молодые респонденты прежде всего имеют в виду материальные (денежные) бонусы, что вовсе не исключает и других соображений, например, расчетов на карьерный рост, расширение сети полезных социальных связей и знакомств, то есть то, что в современной науке принято называть социальным капиталом. До трети респондентов готовы участвовать в политической и общественной деятельности «без каких-либо материальных и временных затрат», то есть «числиться», по возможности ничего не отдавая и не вкладывая. Все это можно интерпретировать как отсутствие у молодежи гражданственности, как нежелание жертвовать собственными интересами,

¹ Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году. С. 72–73.

ресурсами знаниями ради общественной деятельности. Позиционирование себя как единицы электората, отдающую свой голос во время выборов, в крайнем случае – как агитатора, сборщика подписей, наблюдателя на избирательном участке, если это сулит заработок – вот, пожалуй, в этом выражается общественно-политическая активность большей части современного студенчества.

Варианты ответов на два предыдущих вопроса внушают некоторую тревогу. Если интерпретировать их как следствие предыдущей политической социализации, то можно считать её либо крайне неудачной, либо вовсе отсутствующей как таковой. Справедливости ради стоит отметить, что не все студенты представляют собой примеры столь циничного отношения к жизни. Для части молодежи общественные ценности имеют большое значение наряду с личными. Об этом свидетельствуют данные, полученные в ходе интервьюирования. Так, в беседах с членами общественных объединений на вопрос, что послужило причиной их прихода в организацию, автор получил ответы следующего характера: *«Я хотела нашу организацию поднять. В каждой организации, как и в экономике, есть спады и подъемы. На момент моего прихода организация выдыхалась»¹*; *«почему я в партии? Я вижу КПРФ единственной партией, которая пытается защитить меня, потому что «Единой России», честно говоря, на меня наплевать»²*; *«я в общественную организацию пошла, прежде всего, именно в удмуртскую общественную организацию, потому что я хочу, чтобы наша удмуртская культура развивалась и была на достаточно высоком уровне»³*. Как видим, в молодежной среде есть и такие представители, которые пытаются изменить социальную ситуацию, проявить свою активность в обществе.

Рассмотрим подробнее, что влияет на распределение предпочтений молодых людей при голосовании (см. табл. 19). Предпочтения молодежи достаточно осознанны: большинство ответов подразумевает знание программ

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 27.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 42.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 52.

партий и лидеров, рейтинга и имиджа, преподносимого в СМИ. В то же время при анализе вариантов ответов возникает ощущение, что зачастую выбор делается по принципу «нравится – не нравится» и «слышал – не слышал». Интересно, что влияние лидеров национально-культурных объединений на опрошенных минимально: у русских – 5 %, у удмуртов и татар – по 8 %. В то же время бросается в глаза значительное число ссылок, особенно среди удмуртов, на мнение авторитетного человека. Возможно, это связано с тем, что в силу молодости, отсутствия жизненного опыта, незнания «закулисных» секретов политической жизни, боязни ошибиться, молодые люди обращаются за советом к авторитетным личностям. Кроме того, среди студентов-удмуртов значительная часть – сельского происхождения, а в селе, где коммуникации строятся на основе «коротких» межличностных связей, традиционно высока роль общественного мнения, родителей, формальных и неформальных лидеров местного сообщества.

Таблица 19

Распределение ответов на вопрос:

«Принимая участие в выборах, чем вы будете руководствоваться, голосуя за политическую партию?» (выберите 3 варианта)

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Близостью партии к президенту РФ	37	41	34
Симпатией к лидерам партии	37	39	37
Политической программой	70	72	69
Мнением о партии в СМИ	24	28	19
Позицией авторитетного для вас человека	21	37	29
Пожеланием вашего начальника на работе	1	2	–
Позицией лидера национально-культурного объединения	5	8	8
Выбираю случайно	4	3	7
Не буду голосовать	12	10	12
Иное	3	2	4
Затруднились ответить	1	1	2

В целом разброс предпочтений, представляемых в модусах участия в политической жизни, свидетельствует о неоднородности современной молодежи, стратификации её на группы, отличающиеся интеллектуальным

и культурным уровнем, степенью социальной зрелости, а также уровнем материальной обеспеченности.

Причины инертного отношения к общественно-политической деятельности можно объяснить рядом факторов. Судя по данным доклада о положении молодежи в Удмуртской Республике, важными приоритетами современной молодежи являются «материальное обеспечение», «крепкая семья», «здоровье» и «образование»¹. При этом преобладающая часть молодых людей не осознает или не видит связи между общественно-политической активностью и возможностью достижения указанных ценностей.

Политическую пассивность молодежи можно объяснить и её неверием в возможность изменить существующую ситуацию. Это хорошо видно при анализе ответов на вопрос о знании представителями власти реальных нужд и проблем населения (табл. 20).

Таблица 20

Распределение ответов на вопрос:

«Знают ли представители власти о реальных нуждах и проблемах населения?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Да, знают и принимают необходимые меры для улучшения жизни общества	6	7	9
Да знают, но для решения проблем нет необходимых ресурсов	32	32	25
Да, знают, но ничего не делают	44	41	44
Нет, не знают, но пытаются узнать	6	7	9
Не знают и не интересуются, общество предоставлено само себе	10	10	12
Затруднились ответить	2	3	1

Оптимистичную позицию «да, знают и принимают необходимые меры для улучшения» занимает ничтожно малая часть опрошенных: 6 % русских, 7 % удмуртов, и 9 % татар. Остальное большинство считает, что «знают, но для решения проблем нет необходимых ресурсов», «знают, но ничего не делают» и «не знают и не интересуются». Таким образом, преобладающая часть опрошенной молодежи уверена, что властная элита равнодушна

¹ Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году. С. 108.

к проблемам населения и вовсе не намерена менять жизнь общества в лучшую сторону. Такая позиция не может не настораживать, так как «...игнорирование мнения людей – тот фактор, который может превратить скрытый – латентный – конфликт в открытый. В финно-угорских регионах так называемое «поведение власти» уже стало «конфликтогенным» фактором более выраженным, чем собственно национальные проблемы»¹.

Можно назвать еще один фактор, способствующий политической индифферентности молодежи. Это – затухание накала политической борьбы в России. Когда итоги выборов практически predetermined, когда вместо реальной конкуренции различных политических течений, позиций, идеологий, технологий – её имитация, желание участвовать в подобных «играх» не появляется. Чаще происходит наоборот: актуализируется протестное настроение. Неслучайно, в беседах со студентами уже после выборов в Государственную Думу РФ можно было услышать комментарии: *«Я сам и все мои знакомые, друзья голосовали против партии власти. Как же она могла набрать такой большой процент голосов, не понимаем?»*².

Достаточно красноречивы данные табл. 21, свидетельствующие об отношении современной молодежи к различным общественным движениям и неформальным объединениям, ориентированным преимущественно на молодежь (см. табл. 21). Первое, что бросается в глаза при знакомстве с ответами, – это подавляющее большинство респондентов, затруднившихся с ответом. Возможно, они в своей жизни никогда не сталкивались с деятельностью названных организаций, и даже не слышали о них. По ответам можно заключить, что студенчество Удмуртии практически не включено в молодежное движение, в том числе – легально, институционально поддерживаемое государством, например в «Молодую гвардию «Единой России». Порадоваться можно лишь тому, что симпатизирующих движению молодогвардейцев в 5 раз больше, чем скинхедам и национал-большевикам.

¹ Финно-угорские народы и власть: проблемы взаимодействия // Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. редактор А. К. Конюхов. Сыктывкар, 2008. С. 79.

² Об особенностях электоральных предпочтений уже говорилось выше в комментариях к табл. 8.

Практически не прослеживается влияние этнического фактора на симпатии респондентов, что в общем-то понятно, ибо идеология движений не связана с этничностью как таковой, хотя скинхеды и частично лимоновцы пытаются сформировать свою социальную базу из русской молодежи.

Таблица 21

**Распределение ответов на вопрос:
«Какие молодежные движения наиболее близки вам по духу?»**

Варианты ответов	Общее количество ответов*	Русские	Удмурты	Татары
«Молодая гвардия» Единой России	12,5	11	13	17
«Наши»	5	5	6	5
«Антифа» (движение антифашистов)	8,5	8	10	10
Национал- большевики (лимоновцы)	2	3	---	5
Скинхеды	2,5	3	---	---
Нет таких	3	7	---	5
Другое	3,5	3	3	---
Затруднились с ответом	64	64	68	55

* здесь и далее от общего количества опрошенных.

Данные социологического опроса, проведенного в начале 2011 года, показывают еще более удручающую картину: 85 % русских, 83 % удмуртов и 78 % татар не состоят в молодежных общественных объединениях. Таким образом, за трехлетний период, прошедший между опросами, ситуация не изменилась: подавляющее большинство студенческой молодежи не входит в сферу деятельности каких-либо молодежных организаций. В обоих случаях обращает на себя внимание несколько большая вовлеченность удмуртов и татар. Думается, это связано с большей активностью национальных организаций по привлечению молодежи, а также тем, что эти объединения во многом служат площадкой для общения с носителями своей этнокультуры.

Остановимся на более подробном анализе роли общественных организаций в процессе политической социализации молодежи. Поскольку

этносоциологическое исследование в этом случае не может в полной мере раскрыть данный вопрос, автор провел интервьюирование руководителей политически ориентированных молодежных организаций Удмуртской Республики: регионального отделения Всероссийской общественной организации «Молодая гвардия Единой России», республиканского комитета «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации», а также молодежной общественной организации «Шунды», республиканской молодежной общественной организации «Союз татарской молодежи «Иман», региональной молодежной общественной организации «Союз русской молодежи Удмуртской Республики «Спас».

В уставе ВОО «Молодая гвардия Единой России» прописано, что она поддерживает идеи Всероссийской политической партии «Единая Россия»¹. На данный момент в Удмуртской Республике «Молодая гвардия» – одна из наиболее многочисленных. Удмуртское отделение организации, образованное в феврале 2006 года, насчитывает более двух тысяч человек, местные отделения созданы во всех районах республики².

«Союз коммунистической молодёжи Российской Федерации» (СКМ РФ) – молодёжная политическая организация левой ориентации, молодежное крыло Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ). На сегодняшний день позиционирует себя в качестве самой массовой молодёжной коммунистической организации в России, правопреемницы Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодёжи. Как и в случае с «Молодой гвардией», по уставу СКМ РФ – общероссийская общественная организация, юридически не зависящая от каких-либо политических партий, но разделяющая программные цели

¹ Устав Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России» в Приморском крае [Электронный ресурс]. – URL: <http://prim-mger.ru/static/ustav.html>

² Форум «Молодой Гвардии» // Удмуртская правда. 2006. № 82. С. 1.

Коммунистической партии Российской Федерации¹. Численность Удмуртского республиканского комитета составляет около 200 человек².

УМОО «Шунды», РМОО «Союз татарской молодежи «Иман», РМОО «Союз русской молодежи Удмуртской Республики «Спас» являются республиканскими общественными организациями и в своей деятельности нацелены на обеспечение преемственности и развития лучших традиций удмуртской, татарской и русской этнических культур. Численность их различна: в удмуртском обществе состоят до полутора тысяч участников, в татарском – до четырехсот, в русском – 574.

Общественные организации – это большой ресурс для воспитания личности, привития демократических ценностей, поскольку любая общественная организация строится на демократических принципах. По мнению первого заместителя министра национальной политики Удмуртской Республики Л. Н. Бурановой, молодые люди проходят хорошую школу в общественных организациях, где они учатся выбирать, дискутировать, отстаивать свое мнение, борются за лидерство. В то же время она считает, что молодежь слабо использует этот развивающий ресурс общественных организаций. Мало людей осознанно вступает в такие организации, с целенаправленным желанием что-либо сделать³.

Незначительный охват молодежного корпуса отмечают и руководители молодежных общественных организаций. В анализе причин сложившейся ситуации респонденты практически единодушны: в качестве основных называются слабое информационное сопровождение деятельности организаций в СМИ республики, инертность молодежи, а также недочеты в работе руководства общественных организаций. При этом особо отмечается, что существует определенный дефицит освещения проблем молодежи в средствах массовой информации, путей их решения. В качестве примера можно привести следующее суждение: *«У нас в Удмуртии есть такой орган –*

¹ Устав Общероссийской общественной организации «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» // Официальный сайт СКМ РФ. – URL: http://skmrf.org/viewpage.php?page_id=1

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 35.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 6.

Министерство по делам молодежи. Любой человек может прийти со своим проектом, написать его до 15 февраля, реализовать его, если он экспертам жюри понравится. Есть много программ, в которых человек может себя реализовать. Но при этом молодежь не знает об этом. Информации очень мало. Реклама, которая в принципе, нужна, так называемая социальная реклама ее практически нет»¹. Также в качестве иллюстрации можно сослаться на слова председателя РМОО «Союз русской молодежи «Спас УР» О. Е. Расчиславской: «Кто такие скинхеды, лимоновцы, антифа? Молодежь о них знает, потому что они всегда на слуху. Прошла волна по скинхедам по СМИ, и ребята начинают искать, спрашивать хотя бы у соседей. И у многих сформировался определенный образ: берцы, цветные шнурки, в зависимости от того, что он сегодня сделал: либо убил, либо побил»². При этом пропагандистская деятельность партий практически не доходит до молодежи, «которую обычно привлекают при выборах, когда нужна рабочая сила и т. д. А так вообще мало, где она задействована»³.

Говоря об активности, многие руководители общественных организаций отмечают, что молодежь держится в стороне от всей политической жизни страны и города в целом. Причину подобного отношения поведения можно увидеть в отзыве одного из респондентов: *«Насколько я думаю, у молодежи сложилось такое мнение, что якобы всю политику нам диктуют взрослые, как они скажут, так и будет, а мы являемся небольшим винтиком в целом механизме, и по сути дела голоса у нас такого большого нет»⁴*. Думается, что здравая мысль в этом есть. В то же время следует отметить, что республиканские органы власти обратили серьезное внимание на необходимость создания каналов, способствующих выражению мнений, идей и инициатив подрастающих поколений. Так, в республике был образован Молодежный парламент при Государственном совете Удмуртии, являющийся его коллегиальным и консультативно-совещательным органом.

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 20.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 63, 64.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 21.

⁴ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 17.

Создание регионального молодежного парламента следует оценивать как государственный проект, дающий молодежи возможность самовыражения, как попытку наладить диалог между властью и наиболее активной частью подрастающего поколения, стремление организовать молодежь. Как отметил А. И. Гальцин, *данные молодежные парламенты являются частью формируемого механизма политической социализации, стремление достигнуть того масштаба работы с молодежью, который был при СССР*¹.

Процедура выборов молодых парламентариев осуществляется, открыто, с введением элементов, характерных для демократии. Отбор будущих членов Молодежного парламента УР осуществляют территориальные конкурсные комиссии на уровне муниципальных районов, городских округов. В состав комиссии могут входить представители органов местного самоуправления соответствующего муниципального района, городского округа; лидеры молодёжных общественных организаций и объединений, осуществляющие деятельность на территории муниципального района, городского округа; представители отделений политических партий, имеющих депутатские фракции в Государственном Совете Удмуртской Республики; известные деятели в области образования, здравоохранения, культуры, науки, искусства, спорта, проживающие на территории муниципального района, городского округа. Конкурс состоит из двух этапов. Первый этап включает представление в комиссию заявочных документов, в том числе подписных листов с подписями молодых граждан РФ в возрасте от 18 до 30 лет, проживающих на территории данного муниципалитета. На втором этапе конкурсант разрабатывает и публично защищает работу, содержащую механизмы решения реально существующих проблем в политической, экономической и социальной жизни Удмуртской Республики². По данному образцу стали создаваться молодежные парламенты также в городах и

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 76.

²См. подробнее: Положение о молодежном парламенте при Государственном совете Удмуртской Республики / Утверждено постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 31 марта 2009 г. № 249-IV.

районах региона. Т. В. Ишматова, входившая в рабочую группу по созданию молодежного парламента, отмечает это как недостаток, поскольку молодежные парламенты в районах оказались насаждаемыми «сверху», а не появлялись в результате естественного развития на местах.

Процедура конкурсного отбора вызвала много нареканий со стороны самой молодежи. Так, многие отмечают, что в территориальную конкурсную комиссию входили в основном главы муниципальных образований, представители отделов по работе с молодежью, представители от партий. Часто это приводило к тому, что, по словам молодых людей, в Молодежный парламент часто проводились креатуры власти: *«Когда утверждался Молодежный парламент, у фракции «Справедливая Россия», у КПРФ возникли вопросы о том, что слишком много знакомых фамилий в этом списке молодых партийцев»*¹. Или еще один отзыв о ситуации с молодежным парламентом: *«Все равно отчасти есть такое, что люди самых высших чинов туда попадают... надеюсь, что будет тенденция в другую совершенно сторону – все-таки будут выбирать талантливых людей, не только с мешками денег за плечами»*².

Так или иначе, но региональный молодежный парламент был сформирован и стал активно позиционировать себя. Общая численность парламента составила 55 человек, из них примерно треть составляют студенты вузов. Большинство парламента – беспартийные (29 человек), представителей «Единой России» – 23 человека, ЛДПР – 2, КПРФ – 1. Таким образом, говорить о подавляющем доминировании одной партии не приходится. Кроме того, как отметил Председатель молодежного парламента Удмуртии А. Э. Макаров, *«у нас в парламенте нет партийного деления. Оно есть по членству, но нет деления на фракции... главный критерий у нас – интересы молодежи»*³. Количество удмуртов в парламенте респондент назвать затруднился, отметив лишь, что *«у нас есть несколько*

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 37.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 20.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 82–83.

представителей удмуртов, двое или трое говорят на удмуртском, но их больше»¹.

О результативности работы молодежных парламентов судить пока рано, но думается, что эта система служит хорошей политической школой для молодежи. И хотя выборы в молодежные парламенты в районах проходили без учета национальных квот, наличие активистов молодежных НКО на местах сыграло свою роль. Так, в ряде районных парламентов доля удмуртов составила около 30 %². Хочется надеяться, что молодежный парламент станет площадкой для выработки и обкатки форм и технологий сохранения этнических культур на законодательном уровне.

Заметим, что общероссийские общественные организации, которые ориентированы на включение молодежи в политическую жизнь и подготовку молодой смены для политических партий, практически не рассматривают «Молодая гвардия Единой России» в Удмуртии вообще отрицает значимость этнокультурного аспекта при работе с современной молодежью. По его мнению, гораздо большее значение имеет социальное происхождение молодых людей³. Думается, что во многом его позиция совпадает с мнением руководства на федеральном уровне, в большинстве своем ориентированного на формирование российской гражданской нации. Того же самого взгляда придерживаются и их политические оппоненты из коммунистического лагеря: *«Этнический фактор фактически не учитывается, потому что у нас все мероприятия проводятся в общем и не ставят цели поддержания или развития какой-то культуры»*. В то же время Р. Л. Чурин, первый секретарь Удмуртского республиканского комитета «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» отмечает, что состав членов их организации многонациональный, поэтому на межличностном уровне приходится учитывать этническую принадлежность: *«Какая-то национальность – татарин, удмурт – они требуют своего подхода и*

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 83.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 66.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 30.

отношения... Это сказывается и на их политической деятельности: каждая национальность по-своему реагирует на те или иные мероприятия и по-своему действует. Например, татары – они более эмоциональны, более активны, удмурты пассивнее ведут себя. К активным я бы еще отнес марийцев. Хотя они и мало представлены у нас, но ведут себя очень активно»¹.

Общественные организации, прежде всего ставящие своей целью сохранение и возрождение этнической культуры, волей-неволей оказываются втянутыми в орбиту политической жизни республики: *«Многие говорят, что если в общественной организации ты являешься активистом, то ты уже причастен к политической деятельности»²*. У молодых людей есть понимание того, что общественная организация – это уже ячейка политической жизни. Благодаря тому, что в организациях аккумулируются активные молодые люди, искренне болеющие за свой народ и стремящиеся самореализоваться, их начинают использовать органы государственной власти и политические партии. Наиболее активные члены общественных организаций становятся резервом для пополнения партийных рядов.

Члены организации могут участвовать в качестве агитаторов на выборах: *«Если рассматривать мою общественную организацию... наша цель – сохранение культуры и возрождение традиций. Но мы не только в узком кругу варимся, но и участвуем во всей жизни города, мы из года в год ... помогаем на выборах»³*.

Для самих общественных организаций политика – это широкое поле для решения собственных задач. Так, в УМОО «Шунды» многое делается для политического воспитания удмуртской молодежи. Например, ежегодно проводится лагерная смена «Вамыш» для молодых лидеров национального движения. В ходе лагерной смены активисты участвуют в тренингах, деловых играх, дискуссиях, обучаются основам прикладной психологии,

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 34, 36.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 49.

³ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 23.

делового общения, делового этикета и др. При этом молодые люди видят, что активная жизненная позиция и стремление поддержать культуру своего народа могут приносить свои плоды: перед ними пример Т. В. Ишматовой, заместителя министра национальной политики Удмуртской Республики, вице-президента Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш», начинавшей свою деятельность именно в общественной организации «Шунды», о чем уже говорилось выше. Системный подход в работе с молодыми кадрами приносит свои плоды: члены организации вошли в состав молодежных парламентов в пяти районах республики¹.

Кроме того, по словам Т. В. Ишматовой, *«в национально-культурных объединениях республики активность молодежи значительно выше, чем в общественных молодежных организациях»*. Заместитель министра национальной политики УР объясняет это тем, что в НКО присутствует общая для молодежи культурная среда. Особенно важно это для молодых людей, приехавших из села, поскольку в национально-культурных общественных организациях им проще адаптироваться к городской среде².

Таким образом, общественные организации, вне зависимости от направления своей деятельности, являются институтами, позволяющими приобретать своим членам опыт общественно-политической деятельности и дающими молодым людям возможность для дальнейшего личностного роста. В Удмуртской Республике представлен широкий спектр молодежных общественных организаций. Однако популярность их в молодежной среде достаточно низка, несмотря на поддержку республиканскими органами власти. Объяснение тому видится в слабой освещенности в СМИ деятельности организаций и низкой активности молодежи.

Обратимся к анализу ответов респондентов о мотивах их вступления в политическую партию (табл. 22).

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 49.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 66.

Распределение ответов на вопрос:

«Если вы являетесь членом политической партии, то как вы в нее попали?»

Варианты ответов	Русские	Удмурты	Татары
Пришел сам(а), поскольку разделяю цели политической партии	9	11	8
Пригласили родственники, друзья, знакомые	5	5	5
Попросил вступить авторитетный человек, к чьему мнению Вы всегда прислушиваетесь	2	3	5
Попросили вступить в учебном заведении	2	2	5
Иное	16	19	16
Нет ответа	66	60	61

Как видим, вполне осознанно, разделяя идеологические установки партии, вступили в неё буквально единицы. Конечно, здесь могут присутствовать и другие мотивы, скрытые, связанные, например, с личными амбициями. Нельзя сбрасывать со счетов и активную и технологически грамотно реализуемую агитационную и просветительскую деятельность самой партии. Добровольно, под влиянием друзей, знакомых, родственников вступило в партию по 5 % из всех этнических групп опрошенных, либо ставших таковыми под влиянием авторитетных личностей. И это вполне объяснимо, ибо *«все равно молодежь идет под крылом старшего поколения, возможно, даже исходя из того, к какой партии привержены ваши родители или люди, которые имеют весомое место в жизни каждого человека, конкретно молодежи»*¹. Один из респондентов отметил достаточно интересный механизм привлечения в партийные ряды, работающий по принципу сетевого маркетинга, когда приводят знакомых, друзей, а те в свою очередь приводят своих знакомых: *«Если мой друг, например, в «Единой России», то он и меня может привести... В основном, это как маркетинговая пирамида, сети. Позвал – ну и ладно, пойду, почему бы нет. Можно пообщаться с такими же людьми, как я»*². Думается, что благодаря

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 20.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 20.

такому действенному методу, количество молодежи, состоящей в партиях, постепенно будет расти.

Двойственные размышления вызывают варианты ответов «Попросили вступить в учебном заведении» и «Иное». Нельзя отрицать сценария, по которому молодые люди вступили в партию под некоторым нажимом руководства вуза или преподавателей – членов партии, но более вероятным представляется иной вариант: обычно с таким предложением обращаются к активному, успевающему, пользующемуся авторитетом студенту, имеющему организаторские способности, одним словом – «подающему надежды». Председатель РМОО «Союз татарской молодежи «ИМАН» Г.Н. Нургалиева является членом «Единой России», и свой выбор она объясняет тем, что *«эта партия одна из самых главенствующих в нашей стране... имеет весомый голос при принятии различных законов и во многом очень сильно помогает молодежи при реализации различных проектов»*¹, то есть она в партии видит возможный механизм решения проблем татарской молодежи, собственных вопросов. Подобное отношение отметил и депутат Госсовета УР нескольких созывов А. Г. Красильников: *«Молодежь, если она участвует в политических партиях... прежде всего пытается нащупать канал карьерного роста»*². В недавнем прошлом именно таким образом происходила вербовка членов партии из среды студентов в ряды КПСС, что было своего рода оказанием чести и доверия молодому человеку.

На пункт «Иное» пришлось более всего ответов. Любопытно, что именно здесь, раскрывая мотив своего вступления в партию, студенты чаще всего давали комментарии «заставили» или «заплатили». Вполне вероятно, что некоторые функционеры ради численного роста партийных рядов могли использовать свое служебное положение. Реалии жизни позволяют говорить о распространенности подобной практики.

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 16.

² НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 10, 11.

Следует добавить, что пассивное и потребительское отношение к политической сфере во многом объяснимо тем, что ценности, которые выбирает современная молодежь, носят личностно ориентированный характер (данные 2011 года) (табл. 23).

Таблица 23

Распределение ответов на вопрос:

«Какие проблемы волнуют вас больше всего на данный момент?»

Варианты ответов	Русские, %	Удмурты, %	Татары, %
Моё будущее	65	64	52
Учеба	48	37	50
Любовь	20	10	21
Здоровье	26	23	30
Трудоустройство	36	30	33
Отношения с друзьями	12	8	9
Отношения с родителями	14	10	13
Иной вариант	3	3	6

Суммарный показатель в столбцах превышает 100 %, так как респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Как видим, большинство опрошенных студентов озабочено вопросами учебы, формирования планов на будущее, в том числе решения проблем трудоустройства, отношений с другими людьми, а вопросы политической жизни, а общественные интересы их интересуют мало.

В целом, ключевые показатели политической социализации, связанные с информированностью молодежи об основных принципах организации политической системы современной России, поддержкой ведущих политических сил и идеологическими пристрастиями, демонстрируют неоднозначность тенденций, протекающих в этой сфере.

В этой связи можно обратить внимание на основные проблемы процесса политической социализации в высшей школе, проявляющиеся на более высоком таксономическом уровне:

– инертность студенчества как социально-политической силы современного общества, что затрудняет процессы её гражданского становления;

- недостаточная информированность о принципах организации политической системы современной России, о протекающих в стране политических процессах;
- слабая включенность молодого поколения в деятельность молодежных общественно-политических организаций;
- многовекторность выбора молодежью секторов политико-идеологической сферы.

В процессе политической социализации соединяются две составляющие: межпоколенная передача сложившейся в обществе политической культуры, вбирающей в себя и этнокультурную специфику, и государственное воздействие через специализированные институты и агентов социализации, средства массовой информации, соответствующие мероприятия. Политически окрашенная информация обсуждается молодыми людьми в кругу друзей, родственников, знакомых, однокурсников, коллег по работе и т. д., формируя при этом своеобразную политическую субкультуру.

Стоит особо подчеркнуть, что неполитические факторы порой могут оказывать на процесс политической социализации гораздо большее воздействие, нежели политические (низкий материальный и культурный уровень окружающего общества, увеличивающееся социальное и имущественное расслоение, сужение возможностей для вертикального роста большинства молодежи и т. д.). Особенно это характерно для современного российского общества, где не сложились еще устойчивые демократические традиции, а государственная и политическая система подвергаются постоянному изменению.

В студенческой среде, как и в любой другой социальной группе, всегда существует разнообразие взглядов, образцов поведения, идей и воззрений, которые экстраполируются и на политические предпочтения. В то же время среди студентов очень много не определившихся, или затрудняющихся с выбором той политической силы, которая более всего выражала бы их взгляды и ценности. Можно сказать, что эта часть молодежи представляет

собой потенциальную почву для распространения деструктивных идей и воззрений, а также свидетельствует о слабой эффективности сложившегося в настоящее время государственного механизма, способствующего формированию у молодежи – в данном случае студенческой – устойчивых политических предпочтений.

Заключение

Проведенное исследование показало, что политическая культура является одной из наиболее популярных и вместе с тем неоднозначных категорий в ряду общественных наук. Она не является изначально заданным, неизменным феноменом. Политическая культура не может быть универсальной, она всегда несет на себе отпечаток времени и места, культурных особенностей того или иного этноса. Она выступает частью системы общей культуры и неотделима от целостного исторического опыта общества.

При анализе методологии и понятийно-категориального аппарата политической социализации необходимо иметь в виду, что она осуществляется на двух уровнях: уровень социума, на котором социализация происходит в общественно-историческом контексте и на уровне личности, в процессе индивидуального развития человека. Таким образом, в понятие «политическая социализация» включается механизм самосохранения общества, с помощью которого воспроизводится его стабильность во времени посредством межпоколенной передачи политической культуры. В то же время политическая социализация, среди всего прочего, представляет собой процесс усвоения политической культуры индивидом, в результате которого формируется его политическое сознание и поведение, вплоть до принятия и исполнения политических ролей и профессионального проявления политической активности. Политическая социализация является одной из наиболее важных, поскольку ни одна политическая система не может достичь достаточного уровня интеграции и стабильности, если не сумеет выработать у членов своего общества систему общепринятых знаний, ценностей и установок¹. Разрыв межпоколенческих связей может привести к социальной дестабилизации и риску крушения государственной машины,

¹ Крайнова Н. В. Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования её институтов. С. 160.

поскольку по мнению некоторых экспертов, «конфликт поколений носит глобальный, широкомасштабный характер, его последствия долговременны и касаются не какого-то отдельного сектора общественной жизни, а всего общества»¹.

Процесс политической социализации в российском обществе обладает специфическими чертами. Во многом это обусловлено транзитным, переходным состоянием, в котором оказалась страна. Находясь на переломном этапе, россияне переживают дезинтеграцию (разобщение) в социальной, экономической, культурной средах. В общественно-политической сфере это проявляется в размытости политических норм и ценностей.

В условиях системных преобразований практически каждый молодой человек в той или иной степени оказывается вовлеченным в ситуацию социальных ожиданий, конфликтов и противоречий. Усиливающаяся социальная и материальная дифференциация в обществе, отсутствие равного доступа к образовательным, культурным ресурсам, сужение возможностей социального и экономического индивидуального роста порождает в молодежи такие явления, как озлобленность и неверие в социальную справедливость, апатию и пассивность (не только политическую, но и экономическую, социальную, психическую). Ощущение бесполезности, отсутствие веры в собственные силы, или наоборот – осознание того, что в жизни все решается благодаря деньгам и неформальным связям («блату»), во многом обуславливает инертность молодежи как социально-политической силы современного общества.

Сложившаяся ситуация актуализирует необходимость политического воспитания, образования молодежи, идеологического воздействия и пропаганды в её среде, целенаправленной работы с подрастающим поколением. Определенный оптимизм внушает то, что осознание этой

¹ Борисова А. Б. Трансформация политической культуры молодежи в эпоху перестройки // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. IX Всерос. науч. конф., посвященная 85-летию д-ра ист. наук, профессора А. В. Бакунина. Екатеринбург, 8-9 октября 2009 г. Т. II. Екатеринбург, 2009. С. 300.

необходимости постепенно происходит на всех уровнях общества, в том числе – на федеральном и региональном. В Удмуртии мы наблюдаем попытки активного включения молодых людей в политическую жизнь. Созданы молодежные парламенты в городах и районах республики, повысилось внимание всех уровней власти к проблемам молодежи, более того – появилось отдельное министерство по делам молодежи. В среднесрочной перспективе это должно облегчить ротацию кадров в политическом пространстве республики.

Процесс политической социализации представляет собой сложный и противоречивый процесс вхождения личности в политическую жизнь общества, детерминированный наличием в нем как организованных и упорядоченных, так и стихийных агентов и каналов социализации. В условиях переходного периода, когда многие прежние институты социализации теряют свое ключевое значение или совсем исчезают (к примеру – пионерская и комсомольская организации), возрастает роль и значение системы образования, в том числе – высшего, как важнейшего института социализации молодежи. Подобная значимость обусловлена, прежде всего, тем, что преобладающая часть современной молодежи считает высшее образование наиболее эффективным адаптационным ресурсом, позволяющим добиться высокого социального статуса¹. К тому же в период студенчества начинается интенсивная фаза политической социализации, когда молодежь активна и заинтересована во внесении своего собственного вклада в развитие политических отношений и связей. Не случайно студенчество во все времена считалось одним из наиболее активных слоев общества.

В высших учебных заведениях политическая социализация осуществляется через изучение социально-гуманитарных наук и, прежде всего, политологии, социологии, культурологии, истории. Политическое

¹ Логинов Д. М. Высшее образование как ресурс адаптации населения к социально-экономическим изменениям в современной России : автореф. Дис. ... канд. экон. наук. М., 2004. С. 17.

образование предполагает систематическое приобретение политических знаний и расширяет познавательные и оценочные возможности личности, а политическая социализация в системе высшего образования означает интернализацию, усвоение студентом политических норм, ценностей и образцов поведения.

Вузы сами по себе являются площадками, где молодежь приобретает опыт самостоятельности, моделирует систему взаимоотношений и приобретает навыки коммуникационного взаимодействия, приобщается к опыту принятия и реализации организационно-управленческих решений. В вузах Удмуртской Республики это достигается главным образом через систему студенческого самоуправления.

Одной из специфических черт российского общества является его культурное и этническое многообразие, оказывающее влияние на политическую жизнь страны. Свидетельством тому служит хотя бы тот факт, что государственное устройство Российской Федерации базируется на смешении двух принципов: территориального и этнотерриториального. На политическое сознание людей влияние оказывают и разные уровни их идентичности: этническая, региональная и т. д.

Российское общество, в том числе молодежь, пронизано межэтническими коммуникациями, сказывающимися на формировании и передаче политической культуры. Результаты исследования ясно показывают, что особенности культуры, психологии, поведения, характерные для этноса, формируют специфическое политическое поведение. Удмуртская молодежь, к примеру, процесс социокультурной модернизации, то есть «формирования определенного типа сознания и детерминируемых ими поведенческих практик индивидов, характерных для рыночного общества»¹, переживает более болезненно. Удмуртское студенчество, будучи преимущественно сельского происхождения,

¹ Тихонова Н. Е. Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). Ст. 1 // ОНС. 2008. № 2. С. 5–23.

проходит первичную социализацию в недрах сельского сообщества, более консервативного, традиционалистски ориентированного, нежели городской социум. Сельские жители достаточно сильно склонны соразмерять свои поступки и действия с мнением соседей. Все эти особенности характерны для традиционного сознания¹. Современные стандарты политической культуры пока плохо усвоены в удмуртском обществе, можно сказать, что они находятся в стадии своего формирования. Отсутствие устоявшихся политических ценностей, общая незрелость населения в политическом плане во многом определяют низкую представленность удмуртов среди депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики, городских представительных органов. В то же время, активная работа удмуртов в системе местного самоуправления (главным образом – в сельской местности) свидетельствует о наличии потенциала для реализации проекта по увеличению этнического представительства во власти и повышения уровня политической культуры.

Результаты исследования показывают, что усвоение этнической культуры молодым человеком происходит в недрах родительской семьи. И вне зависимости от уровня владения традиционной культурой, на ментальном уровне он, как правило, осознает себя представителем именно этого народа, продолжает воспринимать особенности мышления. Данный процесс идет в рамках общемировой тенденции, когда происходит переход этничности из сферы материальной в духовную. Жизнестойкость традиционной культуры во многом основывается на том, что часто усвоение этнокультурной информации происходит произвольно и бессознательно. Так, по мнению Ю. В. Бромлея, основная масса этнической информации усваивается человеком в раннем детстве², прежде всего в семейно-родственном коллективе.

¹ Поздеев И. Л. Особенности адаптации современного сельского общества: на примере Удмуртской Республики // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России : Материалы Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 120-летию образования кафедры физической географии и этнографии в Казанском университете. Казань, 2008. С. 40.

² Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. : Наука, 1983. С. 110.

Этническая идентичность выступает мощным фактором политической социализации, влияя на формирование личностных ценностей, в соответствии с которыми человек организует и направляет свое поведение. Принадлежность к этническому сообществу формирует и специфические поведенческие паттерны. Например, среди удмуртов это находит свое выражение в том, что молодежь склонна к конформизму, интравертна, часто поддерживает лидирующее большинство, в том числе – партию власти, хотя достаточно остро реагирует на ситуации, затрагивающие общественное положение удмуртского этноса и унижающие его достоинство. Татарская молодежь, наоборот, проявляет большую активность на индивидуальном уровне, стремится к самореализации в общественно политической сфере. Это можно объяснить и тем, что свое влияние оказывает пример успешного соседа – Республики Татарстан. Примером тому могут служить следующие слова респондента: *«В силу того, что я росла в татарской семье, нам всегда в пример ставили семью Шаймиевых, как у них все это, какой сильный лидер по натуре, как много он сделал»*¹. Думается, в меньшей степени этнический фактор отражается на русских, поскольку у них во многом этническая идентичность совпадает с гражданской.

В целом в политическом пространстве Удмуртии сегодня представлены две ключевых модели политической социализации – «общественная», в рамках которой происходит передача сложившейся в народе политической культуры, и «государственная», направленная на удовлетворение государственных интересов. Рассогласованность этих моделей социализации приводит к отчуждению молодежи, в том числе студенческой от политических институтов и агентов социализации. Преобладающее большинство студенчества апеллирует к старшему поколению, к органам государственной власти, не желая или не умея брать на себя ответственность, будучи не задействованным в политической жизни региона, в деятельности молодежных общественно-политических организаций. Низок уровень

¹ НОА УИИЯЛ УрО РАН, РФ, Опись 2-Н, Дело 1576. Л. 26.

политической культуры, отсутствуют навыки самоорганизации, освоения новых технологий, поиска ориентиров политической деятельности. На политическом поведении студенчества сказывается также расхождение декларируемых государством незыблемых демократических устоев, прав, свобод и ценностей личности с существующими реалиями и практиками.

Молодежь есть зеркало общества, поэтому она не может быть хуже или лучше самого социума. А потому формирование зрелого гражданского общества требует решения целого ряда проблем в области политической социализации. Прежде всего совершенствования механизмов усвоения молодежью социально-политической информации. Обучение не должно ограничиваться теоретическими занятиями, представляющими некоторый объем соответствующей информации и знаний. Нужны технологии, стимулирующие самопознание и самоподготовку, формирующие уверенность в своих силах.

Необходима молодежная политика, направленная на формирование у молодых активной гражданской позиции, основанной на принципах патриотизма и демократии. Основным проводником государственной молодежной политики в студенческой среде должны стать высшие учебные заведения, поскольку они обладают значительным потенциалом для политической, правовой, гражданской социализации молодежи. На уровне регионов необходимо оказывать поддержку органам студенческого самоуправления, поощрять творческое самовыражение талантливой молодежи, изыскивать возможности для социальной поддержки студенчества. Благодаря этому вырастет авторитет власти, политических партий, их влияние на становление студента как патриота, гражданина, активно участвующего в общественно-политической жизни города, региона и страны.

За рамками исследования остались некоторые аспекты политической социализации, которые станут предметом дальнейшего изучения. В перспективе необходим более глубокий анализ факторов политической

социализации (например, религиозного), выявление роли молодежных субкультур и других социальных слоев и групп; влияния рекламы и сети Интернет на процесс политической социализации молодежи. В прикладном аспекте дальнейшему изучению подлежат проблемы политической идентичности, вопросы усвоения политических ценностей и приобретения навыков общественно-политической деятельности. В этом случае российский политический процесс станет не только понятнее его участникам, но и даст больше возможностей для полноценного соучастия в политико-гражданской жизни страны.

Список литературы

Законодательные акты

1. Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006–2010 годы : государственная программа // Собрание Законодательства РФ. – 2005. – № 29. – Ст. 3064.
2. Электронная Россия (2002–2010) : федеральная целевая программа // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 5. – Ст. 531.
3. О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : закон УР от 13 апреля 2007 г. № 18-РЗ (с изменениями и дополнениями).
4. О Государственном Совете Удмуртской Республики : закон УР от 5 декабря 2007 г. № 65-РЗ (с изменениями и дополнениями).
5. О Президенте Удмуртской Республики : закон УР от 8 июня 2000 г. № 177-II (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: <http://base.garant.ru/15710637/>
6. О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : закон УР от 28 января 1994 г. № 583-XII (в ред. от 14 декабря 1994 г.) (утратил силу).
7. О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : закон УР от 28 января 1999 г. № 719-I (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).
8. О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики : закон УР от 23 сентября 2002 г. № 54-РЗ (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).
9. Положение о молодежном парламенте при Государственном совете Удмуртской Республики / Утв. Постановлением Государственного Совета Удмуртской Республики от 31 марта 2009 г. № 249-IV.

10. О выборах депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва : Постановление Избирательной комиссии УР от 30 декабря 1998 г. № 80.1.

11. О подтверждении даты выборов депутатов Государственного Совета Удмуртской Республики второго созыва : Постановление Государственного Совета УР от 28 января 1999 г. № 720-I.

12. О республиканской целевой программе «Молодежь Удмуртии» на 2004–2008 годы : Постановление Государственного Совета УР от 28 октября 2003 г. № 106-III // Справочная правовая система «Гарант-Максимум. Практика ФАС», версия от 23.10.2007.

13. О республиканской целевой программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Удмуртской Республики, на 2006–2009 годы : Постановление Государственного Совета УР от 15 июня 2005 г. № 489-III // Справочная правовая система «Гарант-Максимум. Практика ФАС», версия от 23.10.2007.

14. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ (с изменениями и дополнениями) (утратил силу).

15. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

16. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

17. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 18 мая 2005 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

18. О политических партиях : Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

19. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : Федеральный закон от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (с изменениями и дополнениями).

20. Концепция внеучебной и воспитательной работы в УдГУ на основе формирования гуманитарной среды вуза на 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://v4.udsu.ru/default/index>

21. Концепция воспитательной деятельности ИжГТУ на 2009–2012 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.istu.ru/>

Неопубликованные источники

1. Материалы интервью, собранные в 2009–2010 гг. А. А. Бобковым в г. Ижевске по теме «Этнический фактор в контексте политической социализации студенческой молодежи» // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН (НОА УИИЯЛ УрО РАН). Рукописный фонд. Опись 2-Н. Д. 1576. Кол-во листов 86.

2. *Поздеев, И. Л.* Материалы полевых этнографических исследований, собранные в 2007 г. в гг. Ижевске и Глазове, Каракулинском, Дебесском районах Удмуртской Республики // Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Д. 1495. Кол-во листов 124.

Литература

1. Александр Волков сохранил за собой пост президента Удмуртии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.rian.ru/politics/20090220/162753704.html>

2. *Алмонд, Г.* Сравнительная политология сегодня. Мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон ; сокр. пер. с англ. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 537 с.

3. Алмонд, Г. Гражданская культура и стабильность демократий / Г. Алмонд, С. Верба // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122–134.
4. Андреев, И. Л. Происхождение человека и общества / 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Мысль, 1988. – 415 с.
5. Андреев, Э. М. Средства массовой информации и реформирование России // Социально-политический журнал. – 1996. – № 4. – С. 35.
6. Андреева, Г. М. Социальная психология. – М. : Аспект Пресс, 1999. – 286 с.
7. Андреевкова, Н. В. Проблемы социализации личности // Социальные исследования. – Вып. 3. – М., 1970. – С. 11–22.
8. Ашин, Г. К. Правящая элита и общество // Свободная мысль. – 1993. – № 7. – С. 58–69.
9. Ашин, Г. К. Смена элит // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 40–50.
10. Ашин, Г. К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 85–96.
11. Ашин, Г. К. Курс элитологии / Г. К. Ашин, Е. В. Охотский. – М. : ЗАО «Спортакадемкомплекс», 1999. – 368 с.
12. Афанасьев, М. Н. Правящая элита и государственность посттоталитарной России. – М. ; Воронеж, 1996. – 223 с.
13. Балицкий, А. Гуманизация и гуманитаризация образования // Высшее образование в России. – 2007. – № 2. – С. 108–112.
14. Белорукова, Г. П. Обучающаяся молодежь Удмуртии в период реформирования российского общества (опыт этносоциологического изучения) // Вестник Удмуртского университета. – 1999. – № 4. – С. 22–30.
15. Бессознательное: Природа, функции, методы исследования : В 4 т. / под общ. ред. А. С. Прангишвили. – Тбилиси : Мецниереба, 1978.

16. *Бехтерев, С. Л.* Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2004. – 54 с.

17. *Бехтерев, С. Л.* Политическая система современной России: опыт исторического исследования (региональный аспект) : дис. ... д-ра ист. наук. – Ижевск, 2004. – 431 с.

18. *Бехтерев, С. Л.* Удмуртская Республика. Модель этнологического мониторинга. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2000. – 144 с.

19. *Борисова, А. Б.* Трансформация политической культуры молодежи в эпоху перестройки // Урал индустриальный. Бакунинские чтения : IX Всерос. науч. конф., посвященная 85-летию д-ра ист. наук, профессора А. В. Бакунина. – Екатеринбург, 8-9 октября 2009 г. – Т. II. – Екатеринбург, 2009. – С. 299–303.

20. *Бромлей, Ю. В.* Очерки теории этноса. – М. : Наука, 1983. – 492 с.

21. Буржуазная социология на исходе XX века: Критика новейших тенденции / отв. ред. В. Н. Иванов. – М. : Наука, 1986. – 278 с.

22. Буржуазная философия XX века / редкол.: Л. Н. Митрохин, Т. И. йзерман, Л. И. Шершенко. – М. : Политиздат, 1974. – 335 с.

23. *Быканова, А. А.* Формальные общественные организации и партии как агенты политической социализации современной российской молодежи // Политическая психология, культура и коммуникации / редкол.: Е. Б. Шестопал [и др.]/ – М. : Российская ассоциация политической науки (РАПН) ; Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. – 320 с.

24. *Валиева, С. Ф.* Роль семьи в процессе социализации ребёнка // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 1997. – № 3. – С. 121–125.

25. *Васильева, Е.* Молодежь: время выбирать // Удмуртская правда. – 2005. – № 113.

26. *Вдовина, М. В.* Межпоколенные конфликты в современной российской семье // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – С. 102–104.
27. *Вебер, М.* Избранные произведения ; пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
28. *Верещагин, Г. Е.* Собр. соч. В 6 т. – Т. 1: Вотяки Сосновского края / отв. за выпуск Никитина Г. А. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1995. – 260 с.
29. *Верещагин, Г. Е.* Собр. соч. В 6 т. – Т. 2.: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / отв. за выпуск Христюлова Л. С. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1996. – 204 с.
30. *Верещагин, Г. Е.* Собр. соч. В 6 т. – Т. 3: Этнографические очерки. – Кн. 2. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2000. Вып. 1. – 251 с.
31. *Владыкин, В. Е.* К вопросу об этнических группах удмуртов // Советская этнография. – 1970. – № 3. – С. 37–47.
32. *Владыкин, В. Е.* «Куда мы живем?» // Феномен Удмуртии. – М. ; Ижевск : Удмуртия, 2002. – С. 5–8.
33. *Владыкин, В. Е.* Этнография удмуртов : учеб. пособие по краеведению / В. Е. Владыкин, Л. С. Христюлова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – 248 с.
34. *Владыкин, В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 384 с.
35. *Владыкин, В. Е.* Ми – удмуртьёс. Ёчесь-а?! = Здравствуйте! Мы – удмурты : История и этнография очерк. – Ижевск : Юнкам, 1996. – 80 с.
36. *Владыкин, В. Е.* Мон: О себе и других, о народах, людях, и... [Очерки, эссе, интервью] / Омель Лади, он же Владимир Владыкин. – Ижевск : Удмуртия, 2003. – 399 с.
37. *Владыкин, В. Е.* Феномен традиционной удмуртской толерантности // Россия и Удмуртия: история и современность / Материалы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии

в состав Российского государства. Ижевск, 20-22 мая 2008 г. / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 46–51.

38. *Воронцов, В. С.* Проблемы национальной и языковой идентификации подростков из этнически смешанных семей Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. – 1999. – № 4. – С. 45–48.

39. *Воронцов, В. С.* Этническое самосознание учащейся молодежи Удмуртии (по данным социологических исследований) // Об этнической психологии удмуртов. – Ижевск : УИИЯЛ, 1998. – С. 117–130.

40. *Восленский, М. С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. – М. : Советская Россия совм. с МП «Октябрь», 1991. – 624 с.

41. Выборы в Удмуртской Республике 1994–2004 гг. : Информационный сборник : Справочное пособие для организаторов выборов и референдумов / под общ. ред. В. А. Пономарева. – Ижевск, 2004. – 150 с.

42. Выборы в Удмуртской Республике 2005–2008 гг. : Информационный сборник : Справочное пособие для организаторов выборов и референдумов / Центральная избирательная комиссия Удмуртской Республики. – Ижевск, 2008. – 87 с.

43. *Вятр, Е.* Социология политических отношений. – М. : Прогресс, 1979. – 464 с.

44. *Галлямов, Р. Р.* Стратификационная теория П. А. Сорокина и концептуальная модель этносоциальной стратификации // Социология и социальная антропология. – 2004. – Т. 7. – № 2. – С. 92–94.

45. *Гаман-Голутвина, О. В.* Определение основных понятий элитологии // Политические исследования. – 2000. – № 3. – С. 97–103.

46. *Гаман-Голутвина, О. В.* Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. – М. : Интеллект, 1998. – 415 с.

47. *Гаман-Голутвина, О. В.* Региональные элиты России: Персональный состав и тенденции эволюции // Самые влиятельные люди

России. 2003. – М. : Институт ситуационного анализа и новых технологий (ИСАНТ), 2004. – С. 18–79.

48. *Гердер, И. Г.* Идеи к философии истории человечества (Серия «Памятники исторической мысли»). – М. : Наука, 1977. – 705 с.

49. *Гилинский, Я. И.* Стадии социализации человека // Личность и общество IX / под. общ. ред. Б. Г. Ананьева. – Л., 1971. – С 52–55.

50. *Головин, Н. А.* Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. – 288 с.

51. Государственный доклад о положении молодежи в Удмуртской Республике в 2007 году / Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. – Ижевск, 2008. – 184 с.

52. Государственный доклад о положении молодёжи в Удмуртской Республике в 2008 году / Государственный комитет Удмуртской Республики по делам молодежи. – Ижевск, 2009. – 148 с.

53. *Готлиб, А. С.* Социально-экономическая адаптация россиян: факторы успешности/неуспешности // Социологические исследования. – 2001. – № 7. – С. 51–57.

54. *Губогло, М. Н.* Идентификация идентичности: этносоциологические очерки. – М. : Наука, 2003. – 766 с.

55. *Губогло, М. Н.* На перекрестке этнической и молодежной политики // Идентификация идентичности. Этнополитический ракурс. – М. : ЦИМО, 1998. – С. 6–16.

56. *Губогло, М. Н.* Нравственная ответственность субъектов адаптации // VII конгресс этнографов и антропологов России: докл. и выступления. Саранск, 9-14 июня 2007 г. / редкол.: В. А. Тишков [и др.]. ; НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2007. – С. 475.

57. *Губогло, М. Н.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века / М. Н. Губогло, С. К. Смирнова. – М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 2001. – 496 с.

58. *Давыдов, Ю. Н.* Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – М. : Наука, 1977. – 319 с.
59. *Дмитриев, А. В.* Массовая коммуникация: пределы политического влияния / А. В. Дмитриев, В. В. Латынов. – М, 1995. – 104 с.
60. *Дюверже, М.* Политические партии / пер. с фр. Зимина Л. А. – 4-е изд. – М. : Акад. проект ; Трикста, 2007. – 540 с.
61. Егоров И. В. Удмуртская Республика // Регионы России. Хроника и руководители / Под ред. К. Мацузато.– Саппоро: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2000. Том 7: Республика Татарстан, Удмуртская Республика, Республика Мордовия. С. 267–468.
62. *Жигалова, Э.* Как работать с молодежью // Удмуртская правда. – 2006. – № 125.
63. *Жигалова, Э.* Лидеры во всех смыслах в следующем году войдут в молодежный парламент Удмуртии // Удмуртская правда. – 2008. – № 133.
64. *Здравомыслов, А. Г.* Потребности. Интересы. Ценности. – М. : Политиздат, 1986. – 221 с.
65. *Зидентоп, Л.* Демократия в Европе : пер. с англ. / под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2001. – 312 с.
66. *Зинченко, В. П.* Дистанционное образование: к постановке проблемы // Педагогика. – 2000. – № 2. – С. 23–34.
67. *Зуев, И.* Молодежные инициативы будут поддержаны // Удмуртская правда. – 2006. – № 19.
68. *Зуев, И.* Форум «Молодой гвардии» // Удмуртская правда. – 2006. – № 82.
69. *Зурабишвили, Т. З.* Роль средств массовой информации в предвыборной ситуации // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 1996. – № 4. – С. 24–28.
70. *Калинин, И. К.* Восточно-финские народы в процессе модернизации. – М. : Наука, 2000. – 178 с.

71. *Кауль, Т. Н.* От Сталина до Горбачева и далее. – М. : Прогресс, 1991. – 224 с.
72. *Клейн, Д. Г.* Динамика этнокультурных ценностей студентов вузов Удмуртии // Вестник Удмуртского университета. 1999. №4. С. 31–38.
73. *Колесников, Ю. С.* Студент глазами социолога. – Ростов на/Д : Изд-во РГУ, 1968. – 135 с.
74. *Колодиж, Б. Н.* О роли СМИ в диалоге этнокультур и формировании межэтнической толерантности в современном российском обществе. – Ярославль, 2004. – 94 с.
75. *Кон, И. С.* Личность // Философский энциклопедический словарь. – М. : Наука, 1989. – С. 313.
76. *Кон, И. С.* Маргарет Мид и этнография детства // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – 429 с.
77. *Кон, И. С.* Открытие «Я». – М. : Прогресс, 1983. – 327 с.
78. *Кон, И. С.* Ребенок и общество: Историко-этнографическая перспектива. – М. : Наука, 1988. – 270 с.
79. *Кон, И. С.* Социология личности. – М. : Политиздат, 1967. – 383 с.
80. *Кошурников, В. С.* Быт вотяков Сарапульского уезда Вятской губернии. – Казань : Типография Императорского университета, 1880. – 44 с.
81. *Крайнова, Н. В.* Политическая социализация молодежи в условиях модернизации политической системы России и реформирования её институтов / Дис. ... канд. полит. наук. – Ярославль, 2006. – 209 с.
82. *Крыштановская, О. В.* Анатомия российской элиты. – М. : Захаров, 2005. – 384 с.
83. *Крыштановская, О. В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. – 1995. – № 1. – С. 51–65.
84. *Крыштановская, О. В.* Трансформация бизнес-элиты России: 1998–2002 // Социологические исследования. – 2002. – № 8. – С. 17–29.
85. Кто есть кто в Удмуртии. – Ижевск : Инфо-Панорама, 1999. – 238 с.

86. Кто есть кто в Удмуртии : доп. изд-е. – Ижевск : ЗАО «Регион-Пресс», 2001. – 422 с.
87. Куббель, Л. Е. Очерки потестарно-политической этнографии. – М. : Наука. Гл. ред. вост. литер., 1988. – 272 с.
88. Куббель, Л. Е. Потестарная и политическая этнография // Исследования по общей этнографии. – М. : Наука, 1979. – С. 241–277.
89. Куликов, К. И. Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937 гг. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1993. – 280 с.
90. Куликов, К. И. Уровни суверенитета Удмуртии и Татарстана. – Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы, 1999. – 38 с.
91. Куликов, К. И. Этнополитическая ситуация в Удмуртской Республике в 1993 г. / РАН : Ин-т этнологии и антропологии им Н. Н. Миклухо-Маклая. – М. : [б/ и.], 1994 (Исследование по прикладной и неотложной этнологии, № 73). – 26 с.
92. Куликов, К. И. Удмуртия – субъект России (1990-е годы). Проблемы экономики, политики, национальных отношений. – Ижевск : Ижевская республиканская типография, 1999. – 280 с.
93. Лазарева, Н. «Молодая Гвардия» нужна и будет [Электронный ресурс]. – URL: <http://ishmatova.ru/content/view/112/19/>
94. Левада, Ю. А. Социальные типы переходного периода // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. – Информационный бюллетень. – 1997. – № 2. – С. 10–24.
95. Ледяев, В. Г. Власть: концептуальный анализ. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.
96. Лессовой, А. Молодая парламентская гвардия // Удмуртская правда. – 2009. – № 212.
97. Лисовский, В. С. Советское студенчество: социологические очерки. – М. : Высш. шк., 1990. – 304 с.

98. *Лисовский, В. Т.* Что значит быть современным. – М. : Политиздат, 1983. – 222 с.
99. *Логинов, Д. М.* Высшее образование как ресурс адаптации населения к социально-экономическим изменениям в современной России / Автореф. дис. ... канд. экон. наук. – М., 2004. – 22 с.
100. *Макаркин, А. В.* Политико-экономические кланы современной России. – М. : ЦПТ, 2003. – 192 с.
101. *Малаканова, О. А.* Политическая коммуникация / Структура и динамика российского электорального пространства : Круглый стол // Полис. 2000. – № 2. – С. 99–101.
102. *Марцинковская, Г. Д.* 100 выдающихся психологов мира / Г. Д. Марцинковская, М. Г. Ярошевский. – М. : Ин-т практической психологии ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 1996. – 246 с.
103. Об этнополитической и этносоциальной ситуации в Удмуртской Республике : Материалы к заседанию расширенной коллегии Министерства национальной политики Удмуртской Республики. – Ижевск, 2004. – 66 с.
104. *Маяцкий, Д. А.* Политическая социализация российской молодежи в контексте государственной молодежной политики : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Москва, 2007. – 30 с.
105. *Мельников, А. В.* Политическая социализация молодежи в современной России: состояние и перспективы : дис. ... канд. полит. наук. – Орел, 2004. – 155 с.
106. *Мертон, Р.* Социальная структура и аномия // Социологические исследования. – 1992. – № 4. – С. 91–97.
107. *Миллс, Р.* Властвующая элита / пер. с англ. Е. И. Розенталь [и др.] ; предисл. В. Е. Мотылева ; ред. Р. Я. Розовский. – М. : Изд-во иностр. литер., 1959. – 534 с.
108. *Михельс, Р.* Демократия и железный закон олигархии // Диалог. – 1991. – № 3. – С. 42–45.

109. Молодёжь новой России: Какая она? Чем живет? К чему стремится? / Аналитический доклад по заказу московского представительства фонда им. Ф. Эберта [Электронный ресурс]. – URL: <http://works.tarefer.ru/66/100130/index.html>

110. Молодежь России: социальное развитие / под ред. С. Н. Быкова, Т. Е. Березкина. – М. : Вятч, 1992. – 486 с.

111. Молодежь России: тенденции, перспективы / под ред. И. М. Ильинского, А. В. Шаронова. – М. : Молодая гвардия, 1993. – 224 с.

112. Моска, Г. Правящий класс // Социологические исследования. – 1994. – № 10. – С. 187–198.

113. *Москвичев, Л. М.* Современная буржуазная социология знания. – М. : Мысль, 1977. – 175 с.

114. *Московичи, С.* Общество и теория в социальной психологии // Современная зарубежная социальная психология / под ред. Г. М. Андреевой [и др.]. – М. : Изд-во МГУ, 1984. – 255 с.

115. Некоммерческие организации города Ижевска // Сайт администрация города Ижевска. – URL: <http://www.izh.ru/izh/info/i08494.html>

116. *Нечаев, В. Я.* Социология образования. – М. : Изд-во МГУ, 1992. – 198 с.

117. *Никитина, Г. А.* Регулятивная функция общины в сфере семейного быта удмуртов в пореформенный период (1861–1900 гг.) // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. : Сб. ст. – Устинов, 1985. – С. 53–68.

118. *Никитина, Г. А.* Удмуртская община в советский период (1917 – начало 30-х гг.). – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1998. – 225 с.

119. *Никитина, Г. А.* Удмуртская диаспора в субъектах Федерации различного типа // Диаспоры Урало-Поволжья: современное состояние, проблемы и пути их решения : Материалы семинара-совещания : инф.-метод. сб. – 2002. – № 7. – С. 8–31.

120. *Никитина, Г. А.* Народная педагогика // Удмурты: историко-этнографические очерки. – Ижевск : УИИЯЛ, 1993. – С. 265–270.
121. *Никитина, Г. А.* Народная педагогика удмуртов. – Ижевск : Удмуртия, 1997. – 136 с.
122. Номенклатура : Сб. биограф. очерков / под общ. ред. А. В. Васильева, В. А. Шаталова. – Ижевск : [б. и.], 2005. – 358 с.
123. Образование и общество: готова ли Россия инвестировать в свое будущее? : докл. Общественной палаты Российской Федерации. – М., 2007. – 78 с.
124. *Ольшанский, Д. В.* Политическая психология. – СПб. : Питер, 2002. – 576 с.
125. *Орлова, О. В.* Социологический аспект социальных изменений молодежи // Молодежь Республики Марий Эл (по материалам социологических исследований). – Вып. 3 : сб. ст. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 17–38.
126. *Орлова, О. В.* Динамика социальных изменений молодежи // Молодежь Республики Марий Эл : Материалы межрегион. науч.-практич. конф. – Йошкар-Ола, 2007. – С. 14–24.
127. Отчет о результатах самообследования деятельности Удмуртского государственного университета в 2003–2007 гг. – Ижевск, 2007. – 280 с.
128. Отчет о результатах самообследования Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Ижевский государственный технический университет» (2004–2008 гг.). – Ижевск, 2008. – 302 с.
129. *Парыгин, Б. Д.* Основы социально-психологической теории. – М. : Мысль, 1971. – 334 с.
130. *Пахомов, А. А.* Особенности трансформации семьи и государственной семейной политики : на примере Республики Саха (Якутия) // Социологические исследования. – 2005. - № 12. – С. 101–108.

131. *Первухин, Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз I. Вятка. – Губернская типография, 1888. – 105 с.
132. *Первухин, Н. Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз III. Вятка. – Губернская типография, 1888. – 83 с.
133. *Первухин, Н. Н.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз IV. Вятка: Губернская типография, 1889. 84 с.
134. *Первухин, Н. Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Эскиз V. Вятка: Губернская типография, 1890. 68 с.
135. *Петров, А. Н.* Удмуртский этнос: проблемы ментальности. – Ижевск : Удмуртия, 2002. – 144 с.
136. *Пиаже, Ж.* Избранные психологические труды. – М. : Просвещение, 1969. – 591 с.
137. *Писманик, М. Г.* Светская школа и религия // Социально-гуманитарные знания. – 2000. – № 4. – С. 55.
138. *Пихоя, Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. – Изд. второе, испр. и доп. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 2000. – 684 с.
139. *Плахов, В. Д.* Традиции и общество: Опыт философско-социологического исследования. – М. : Мысль, 1982. – 220 с.
140. *Поздеев, И. Л.* Институт семьи как объект деятельности общественных организаций: к рассмотрению вопроса // Россия и Удмуртия: история и современность : Материалы междунар. науч.-практич. конф., посвященной 450-летию добровольного вхождения Удмуртии в состав Российского государства. – Ижевск, 20-22 мая 2008 г. / сост. и общ. ред. В. В. Пузанова и А. Е. Загребина. – Ижевск : Изд. дом «Удмуртский университет», 2008. – С. 739–740.
141. *Поздеев, И. Л.* Образовательные стратегии современной молодежи (на примере Удмуртской Республики) // Молодежь и будущая Россия : Материалы Третьей Всерос. науч.-практич. конф. : Сб. науч. тр. ИНИОН РАН / редкол.: Пивоваров Ю. С. (отв. ред.) [и др.]. – М., 2008. – С. 434–435.

142. *Поздеев, И. Л.* Особенности адаптации современного сельского общества: на примере Удмуртской Республики // Природные, социально-экономические и этнокультурные процессы в России : материалы Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 120-летию образования кафедры физической географии и этнографии в Казанском университете. – Казань, 2008. – С. 35 – 41.

143. *Поздеев, И. Л.* Этническая социализация в доиндустриальном и современном обществе: опыт и проблемы преемственности. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2007. – 232 с.

144. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация : В 2 т. – Т. 2. – М. : ТЕРРА, 1996. – 720 с.

145. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа : Сб. учеб. материалов / под ред. Е. Ю. Мелешкиной. – М. : ИНФРА-М ; Весь Мир, 2001. – 302 с.

146. *Пономарев, К. А.* Некоторые вопросы государственного строительства в Удмуртской Республике на современном этапе (актовая речь). – Ижевск : Изд-во Удмуртского ИУУ, 1996. – 20 с.

147. *Попов, В. Д.* Образование, личность, общество. – Саратов : Изд-во СГУ, 1979. – 198 с.

148. *Поршнев, Б. Ф.* Социальная психология и история. – 2-е изд., доп. и испр. – М. : Наука, 1979. – 232 с.

149. *Пузанова, Н.* Нам никуда не деться друг от друга // Удмуртская правда. – 2006. – № 38.

150. Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. – Памяти Л. Е. Куббея. – М. : Наука, 1993. – 336 с.

151. *Рахимова, Л. А.* Политическая социализация молодежи: механизмы и модели : дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2006. – 194 с.

152. *Рахмиров, П. Ю.* Газтано Моска – основоположник теории элит // Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. – 2-е изд., доп. – Пермь : [б. и.], 2002. – С. 9–54.
153. Российская социологическая энциклопедия / под ред. Г. В. Осипова. – М. : Норма: Инфа-М, 1998. – С. 132.
154. Российский статистический ежегодник : стат. сб / Гос. ком. Рос. Федерации по статистике, 2004. – 725 с.
155. *Рубчевский, К. В.* Социализация личности: интериоризация и социальная адаптация // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 147–151.
156. *Руткевич, А. М.* От Фрейда к Хайдеггеру: Критич. очерк экзистенциального психоанализа. – М. : Политиздат, 1985. – 175 с.
157. *Руткевич, М. Н.* Общественные потребности, система образования, молодежь. – М. : Политиздат, 1988. – 222 с.
158. *Сабирзянова, Ф. Р.* Политическая социализация учащейся молодежи Республики Башкортостан на современном этапе : дис. ... канд. полит. наук. – Уфа, 2003. – 148 с.
159. *Самсонова, Т. Н.* Политическая социализация российских школьников // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. – 2001. – № 3. – С. 98–105.
160. *Самсонова, Т. Н.* Проблемы политической социализации в современной России. [Электронный ресурс]. – URL: // <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/sams.htm#s>
161. *Санникова, С.* Под знаком «V» // Удмуртская правда. – 2009. – № 139.
162. *Семенова, Л. И.* Культура и быт современной удмуртской сельской семьи / отв. ред. Г. К. Шкляев. – Ижевск : УИИЯЛ, 1996. – 123 с.
163. *Сказецкий, А. Н.* Проблемы политической социализации в современной англо-американской историографии. – Магнитогорск, 1992.
164. *Смелзер, Н.* Социология : пер. с англ. – М. : Феникс, 1994. – 688 с.

165. *Смирнова, С. К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. – М. ; Ижевск : Удмуртия, 2002. – 560 с.
166. *Снежкова, И. А.* Формирование этнического самосознания у детей и юношества: (на материалах этносоциологического обследования г. Киева и Киевской области) : дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – 160 с.
167. Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал : В 2 т. – Т. 2: Апогей и крах сталинизма / под. общ. ред. Ю. Н. Афанасьева. – М. : Российск. гос. ун-т., 1997. – 761 с.
168. Совнарком – Совет Министров – Правительство Удмуртии. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 304 с.
169. Современная западная социология : Словарь / сост. Ю. Н. Давыдов [и др.]. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.
170. Современные этнополитические и этносоциальные процессы в России: Модель Республики Башкортостан : Материалы межрегион. науч.-практич. конф. – Уфа : Информреклама, 2004. – 352 с.
171. Современный политологический словарь / ред. В. И. Власенко. – М. : Nota Bene, 2000. – 1022 с.
172. *Согрин, В. В.* Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. – М. : Весь Мир, 2001. – 272 с.
173. Социальные идеалы и политика в меняющемся мире : Сб. ст. / РАН, Ин-т сравн. политологии и пробл. рабочего дв. ; под ред. Т. Т. Тимофеева (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1992. – 246 с.
174. Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность / автор проекта и отв. ред. Л. М. Дробижева. – М. : Academia, 2002. – 480 с.
175. Социальная педагогика: теория, методика и опыт исследования / отв. ред. В. Д. Семенов. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1989. – 148 с.

176. Список зарегистрированных политических партий // Сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс].–URL: <http://minjust.lgg.ru/ru/activity/nko/partii/>

177. Справка об итогах приема на 1-й курс в Ижевский государственный технический университет в 2006 г. – Ижевск, 2006.

178. Справка об итогах приема на 1-й курс в Ижевский государственный технический университет в 2007 г. – Ижевск, 2007.

179. *Стефаненко, Т. Г.* Этнопсихология. – М. : ИП РАН, Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2000. – 448 с.

180. *Столярова, Р. Г.* Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана. – Казань : КГУ, 2004. – 315 с.

181. *Суворова, В.* Они готовы влиять на культурную политику // Удмуртская правда. – 2009. – № 140.

182. Съезд Советов. Верховный Совет Удмуртской АССР. Государственный Совет Удмуртской Республики: Из истории представительных органов власти в Удмуртии. – Ижевск : Удмуртия, 2005. – 280 с.

183. *Тарасов, А.* Детский парламент или игры взрослых? // Колесо обозрения. – 2008. – № 3(164). – С. 3.

184. *Тард, Г.* Социальные законы. – СПб. : Типография П. П. Сойкина, 1901 [Электронный ресурс]. – URL: <http://glagolica.com/catalog.html>

185. *Темерьян, А. А.* Политическая социализация в трансформирующемся российском обществе : дис. ... канд. полит. наук. – Ставрополь, 2005. – 168 с.

186. *Тенсин, М. В.* Феномен «неотрибализма» в контексте современной этнополитической жизни (конец XX – начало XXI вв.) : дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2006. – 214 с.

187. *Тенсин, М. В.* Этнополитические ожидания и проблемы самоидентификации молодежи в Удмуртской Республике на современном

этапе // Молодежь Республики Марий Эл : Материалы межрегион. науч.-практич. конф. – Йошкар-Ола : Изд-во «МПИК», 2007. – С. 139–153.

188. *Тихонова, Н. Е.* Социокультурная модернизация в России (Опыт эмпирического анализа). – Ст. 1. // Общественные науки и современность. – 2008. – № 2. – С. 5–23.

189. *Тишков, В. А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М. : Наука, 2003. – 544 с.

190. *Тишков, В. А.* Этнология и политика. Научная публицистика. – М. : Наука, 2001. – 240 с.

191. *Тощенко, Ж. Т.* Этнократия: история и современность. Социологические очерки. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 432 с.

192. Традиционное поведение и общение удмуртов : сб. ст. / отв. ред. Г. К. Шкляев. – Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1992. – 192 с.

193. *Трошихин В. В.* Политическое развитие личности. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1990. – 158 с.

194. Удмуртия в годы реформ: 1990–2001 : учеб.-метод. пособие. – Екатеринбург : Изд. дом «Сократ», 2002. – 288 с.

195. Устав Всероссийской общественной организации «Молодая Гвардия Единой России» // Официальный сайт ВОО «Молодая Гвардия Единой России» в Приморском крае [Электронный ресурс]. – URL: <http://prim-mger.ru/static/ustav.html>

196. Устав общероссийской общественной организации «Союз коммунистической молодежи Российской Федерации» // Официальный сайт СКМ РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://skmrf.org/viewpage.php?page_id=1

197. Устав общероссийской общественной организации «Российский Союз молодежи» // Официальный сайт общероссийской общественной

организации «Российский Союз молодежи» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruy.ru/charter.html#1>

198. Устав регионального общественно-политического движения «Татарский общественный центр» // Феномен Удмуртии. – Т. 3. Идеология и технология этнической мобилизации. – Кн. 3. Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. – М. ; Ижевск, 2003. – С. 282–283.

199. *Федосеев, Д. И.* Политическая социализация студенческой молодежи (на материалах Ставропольского края) : дис. ... канд. полит. наук. – Пятигорск, 2004. – 196 с.

200. Финно-угорские народы России. Статистический ежегодник Республики Коми : Стат. сб. / Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Республике Коми. – Сыктывкар. 2005. – 165 с.

201. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра / отв. ред. А. К. Конюхов. – Сыктывкар : Коми респ. типография, 2008. – 272 с.

202. Форум «Молодой Гвардии» // Удмуртская правда. – 2006. – № 82.

203. *Фрейд, З.* Психология масс и анализ человеческого Я. Психоаналитические этюды. – Минск : Попурри, 1999. – 520 с.

204. *Фромм, Э.* Здоровое общество // Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. – М. : Юрист, 1995. – 320 с.

205. *Хотинец, В. Ю.* Этническое самосознание. – СПб. : Алетейя, 2000. – 240 с.

206. *Христолюбова, Л. С.* Стереотипы общения и социализации личности // Традиционное поведение и общение удмуртов. – 1992. – С. 31–42.

207. *Христолюбова, Л. С.* Традиции трудового воспитания детей в удмуртской среде в XIX – начале XX вв. // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII – XX вв. : Сб. статей. – Устинов, 1985. – С. 80–90.

208. *Христолюбова, Л. С.* О политических ориентациях учащейся молодежи Ижевска // Об этнической психологии удмуртов : Сб. статей. – Ижевск : УИИЯЛ, 1998. – С. 104–116.

209. *Христолюбова, Л. С.* Этнополитические представления учащейся молодежи Ижевска (год 1997) / Л. С. Христолюбова, А. Л. Христолюбов // Идентификация идентичности. Этнополитический ракурс. – М. : ЦИМО, 1998. – С. 113–138.

210. *Чилкот, Р. Х.* Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы. М. : ИНФРА-М ; Весь мир, 2001. – 559 с.

211. *Чупров, В. И.* Молодежь в обществе риска / В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, К. М. Уильямс. – Наука, 2001. – 203 с.

212. *Шепталин, А. А.* Русское национальное движение в Удмуртии // Феномен Удмуртии. – М. ; Ижевск : Удмуртия, 2003. – Т. 3: Идеология и технология этнической мобилизации, – Кн. 3: Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. – С. 67–79.

213. *Шепталин, А. А.* Татарское национальное движение в Удмуртии // Феномен Удмуртии. – М. ; Ижевск : Удмуртия, 2003. – Т. 3: Идеология и технология этнической мобилизации. – Кн. 3: Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. – С. 223–230.

241. *Шестопал, Е. Б.* Личность и политика: Критический очерк современных западных концепций политической социализации. – М. : Мысль, 1988. – 203 с.

242. *Шкляев, Г. К.* Межэтнические отношения в Удмуртии. Опыт историко-психологического анализа. – Ижевск : Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1998. – 213 с.

243. *Шкляев, Г. К.* Очерки этнической психологии удмуртов. – Ижевск : Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. – 300 с.

244. *Щеглов, И. А.* Политическая социализация в России // Социально-гуманитарные знания. – 1999. – № 5. – С. 281–287.

245. *Щегорцов, В. А.* Политическая социализация и политическая культура личности // Ежегодник САПН 1983 г. – М., 1984. – С. 25–37.
246. *Щербинин, А. И.* Что же будет с Родиной и с нами? (Предвзятые заметки о российской политической науке и проблемах политического образования) // Политические исследования. – 2003. – № 4. – С. 171.
247. *Шкляев, Г. К.* Очерки этнической психологии удмуртов. – Ижевск : Удм. ин-т. истории, языка и литературы УрО РАН, 2003. – 300 с.
248. *Эндрейн, Ч. Ф.* Сравнительный анализ политических систем. Эффективность осуществления политического курса и социальные преобразования. – М. : ИНФРА-М ; Весь мир, 2000. – 318 с.
249. *Эриксон, Э. Г.* Детство и общество : пер. с англ. – Изд. 2-е, перераб. и доп. / СПб. : ООО «Речь», 2000. – 415 с.
250. *Эриксон, Э.* Идентичность: юность и кризис. – М. : Прогресс, 1996. – 340 с.
251. *Юнг, К. Г.* Психологические типы. – СПб. : Ювента, 1995. – 717 с.
252. *Almond, G.* Comparative Political Systems // Journal of Politics. – 1956. – No. 18(3). – P. 391–409.
253. Handbook of Political Socialization. Theory and Research. Ed. by Schwartz D. – N. Y., 1977. – P. 41–42.
254. *Skolnick, J. H.* Crisis in American institutions:fifth edition. Boston / J. H. Skolnick, E. Currie. – Toronto, 1982. – P. 239.

Анкета для социологического исследования

Удмуртский институт истории, языка и литературы проводит социологическое исследование, связанное с изучением политической культуры и социализации. Мы будем весьма признательны вам за участие в исследовании и искренние ответы на вопросы.

При заполнении анкеты внимательно прочитайте вопрос, после чего обведите номер предложенного варианта, совпадающего с вашим мнением, или впишите свой ответ. Анкета анонимна, результаты опроса будут использованы только в обобщенном виде.

1. Пол

01. Мужской. 02. Женский.

2. Возраст

01. До 18. 02. 18–20. 03. 21–24. 04. 25–30.

3. Национальность

01. Русский. 02. Удмурт. 03. Татарин. 04. Иное.

4. Укажите постоянное место проживания вашей семьи

01. Деревня. 02. Поселок. 03. Районный центр. 04. Поселок городского типа. 05. Город.
06. Другое _____

5. Род занятий ваших родителей

01. Рабочий. 02. Инженерно-технический работник, служащий производства. 03. Руководитель предприятия. 04. Работник науки, образования. 05. Работник культуры, искусства, средств массовой информации. 06. Работник торговли, сферы обслуживания. 07. Военнослужащий, служащий МВД. 08. Работник здравоохранения. 09. Безработный. 10. Пенсионер.
11. Домохозяйка. 12. Фермер. 13. Работник сельского хозяйства.
14. Другое (что) _____

6. Какое образование было получено вашими родителями? (впишите в строку шифр подходящего варианта ответа): 01. Неполное среднее (8 классов). 02. Общее среднее (10 классов). 03. Среднее специальное (ПТУ, техникум). 04. Неполное высшее. 05. Высшее.

А. Мать _____. Б. Отец _____

7. Укажите национальности трех наиболее близких друзей

01. Русский. 02. Удмурт. 03. Татарин.

04. иное _____

8. Каким образом вы готовы участвовать в политической жизни (выберите 3 варианта)

01. Приму участие в выборах.
02. Буду убеждать людей голосовать/не голосовать за того или иного политика/партию.
03. Буду работать в избирательной кампании кандидата или партии.
04. Буду подписывать коллективные обращения в органы власти.
05. Буду участвовать в демонстрациях и иных уличных акциях.
06. Сделаю денежный взнос в избирательный фонд кандидата или партии.
07. Ничего не буду делать.
08. Иное _____

9. Считаете ли вы обязательным подчиняться закону, даже если он не является справедливым в вашем представлении?

- 01. Закон, принятый в установленном порядке, является обязательным для всех.
- 02. Следуя закону только потому, что готов ради общей пользы поступиться своим мнением.
- 03. Закон, не отвечающий моему представлению о справедливости, не обязателен для меня.
- 04. Подчиняюсь закону только из страха понести ответственность за его невыполнение.
- 05. Иное _____

10. Кем вы ощущаете себя в первую очередь?

- 01. Гражданином РФ. 02. Гражданином УР. 03. Жителем г. Ижевска. 04. Представителем своей религии. 05. Представителем своей национальности.
- 06. Иное _____

11. Считаете ли вы эффективной деятельность Правительства РФ?

- 01. Да.
- 02. Нет.
- 03. Затрудняюсь ответить.

12. Должно ли государство гарантировать права национальных меньшинств, проживающих в России, в политической сфере?

- 01. Безусловно, должно.
- 02. Должно.
- 03. Не должно.
- 04. Безусловно, не должно.
- 05. Затрудняюсь ответить.

13. Принимая участие в выборах, чем вы будете руководствоваться, голосуя за политическую партию? (выберите 3 варианта)

- 01. Близостью партии к президенту РФ.
- 02. Симпатией к лидерам партии.
- 03. Политической программой.
- 04. Мнением о партии в СМИ.
- 05. Позицией авторитетного для вас человека.
- 06. Пожеланием вашего начальника на работе.
- 07. Позицией лидера национально-культурного объединения.
- 08. Выбираю случайно.
- 09. Не буду голосовать.
- 10. Иное _____

14. Должны ли места в Госсовете УР распределяться в соответствии с национальным составом населения УР?

- 01. Безусловно, да.
- 02. Да.
- 03. Скорее нет.
- 04. Безусловно, нет.
- 05. Затрудняюсь ответить.

Если да, то почему _____

Если нет, то почему _____

15. Как вы думаете, знают ли представители власти о реальных нуждах и проблемах населения?

- 01. Да, знают и принимают необходимые меры для улучшения жизни общества.
- 02. Да знают, но для решения проблем нет необходимых ресурсов.
- 03. Да, знают, но ничего не делают.
- 04. Нет, не знают, но пытаются узнать.
- 05. Не знают и не интересуются, общество предоставлено само себе.

16. С кем вы обсуждаете политические вопросы? (укажите все возможные варианты)

01. С родителями. 02. С друзьями. 03. С однокурсниками. 04. С преподавателями.
05. С коллегами по работе. 06. С супругой (супругом). 07. Предпочитаю молчать о политике.
08. Политика меня не интересует.
09. Иное _____

17. Готовы ли вы принять участие в деятельности политической партии, общественной организации или национально-культурного объединения?

01. Да, буду активно участвовать, платить членские взносы.
02. Да, но без каких-либо материальных и временных затрат.
03. Да, но только в случае получения какой-либо выгоды для себя.
04. Нет.

18. Какие из нижеперечисленных ценностей наиболее значимы для вас? Определите приоритет (1 – наименьшая значимость, 5 – наибольшая значимость)

01. Здоровье (свое и семьи) 1 2 3 4 5.
02. Личный успех (карьера) 1 2 3 4 5.
03. Финансовая обеспеченность 1 2 3 4 5.
04. Семейное благополучие 1 2 3 4 5.
05. Наличие собственного жилья 1 2 3 4 5.
06. Обладание властью 1 2 3 4 5.
07. Безопасность (своя и близких) 1 2 3 4 5.
08. Свобода принимать самостоятельные решения 1 2 3 4 5.

19. В какой мере вы интересуетесь политикой? (укажите не более 3 вариантов)

01. Совсем не интересуюсь.
02. Иногда слушаю новости по радио и телевидению.
03. Часто слушаю новости по радио или телевидению, читаю газеты.
04. Регулярно обсуждаю политические проблемы.
05. Хотел(а) бы сам(а) принять участие в политической деятельности в качестве помощника кандидата в депутаты.
06. Хотел(а) бы сам(а) принять участие в политической деятельности в качестве кандидата в депутаты.
07. Хотел(а) бы сам(а) стать членом политической партии.
08. Затрудняюсь ответить.

20. Где вы получили информацию о государственно-политическом устройстве России и Удмуртии?

01. В семье. 02. В школе. 03. В вузе (ссузе). 04. Через СМИ. 05. В Интернете.
06. Иное _____

21. Если бы выборы депутатов Государственной Думы ФС состоялись в ближайшее воскресенье, какой политической партии вы бы отдали предпочтение?

01. «Единая Россия». 02. «Справедливая Россия». 03. «Аграрная партия России». 04. ЛДПР.
05. «Яблоко». 06. СПС. 07. КПРФ.
08. Другая партия _____. (указать), 09. Затрудняюсь ответить.

22. Принимая участие в голосовании, чем вы руководствуетесь, голосуя за того или иного кандидата? (выберите 3 варианта)

01. Национальной принадлежностью.
02. Симпатией к кандидату как человеку.
03. Политической программой кандидата.
04. Деловыми качествами.
05. Мнением о кандидате в СМИ.
06. Позицией авторитетного для вас человека.
07. Пожеланием представителя власти.
08. Позицией лидера национально-культурного объединения.
09. Содействием кандидата в решении ваших коммунальных и финансовых проблем.
10. Принадлежностью кандидата к политической партии.
11. Социальным статусом, занимаемой должностью.
12. Выбираю случайно.
13. Иное _____

23. К какой социальной категории относится ваша семья?

01. Полностью обеспеченные (ни в чем себе не отказываем).
02. Обеспеченные (покупаем все, предметы роскоши недоступны).
03. Скорее обеспеченные (денег хватает на питание и одежду).
04. Малообеспеченные (денег хватает только на питание).
05. Бедные (денег едва хватает на питание).
06. Затрудняюсь ответить.

24. Где вы получаете информацию о политических событиях в стране?

01. Телевидение.
02. Радио.
03. Газеты и журналы.
04. Агитационные материалы (листовки и пр.).
05. Родственники.
06. Однокурсники.
07. Друзья.
08. Коллеги по работе.
09. В Интернете.
10. В ходе учебного процесса.
11. Иное _____

25. Кто или что может повлиять на выбор вами партии или кандидата? (укажите столько вариантов, сколько считаете нужным)

01. Позиция известного политика:
 - а) Президента РФ,
 - б) Президента УР,
 - в) главы администрации города/района,
 - г) депутата местного самоуправления.
02. Позиция деятеля культуры или науки.
03. Личное мнение.
04. Мнение семьи.
05. Мнение друзей.
06. Мнение однокурсников.
07. Позиция лидера национального объединения.
08. Позиция начальника на работе.
09. Иное _____

26. Если вы являетесь членом политической партии, то как вы в нее попали?

- 01.** Пришел сам(а), поскольку разделяю цели политической партии.
02. Пригласили родственники, друзья, знакомые.
03. Попросил вступить авторитетный человек, к чьему мнению вы всегда прислушиваетесь.
04. Попросили вступить в учебном заведении.
05. Иное _____
06. Затрудняюсь ответить

27. Могут ли предстоящие выборы в Государственную думу изменить вашу жизнь к лучшему?

- 01.** Да. **02.** Нет. **03.** Затрудняюсь ответить.

28. Какие молодежные движения наиболее близки к выражению ваших интересов?

- 01.** «Молодая гвардия «Единой России». **02.** «Наши». **03.** «Антифа» (движение антифашистов). **04.** «Другая Россия» (Г. Каспаров, М. Касьянов).
05. Национал-большевики (лимоновцы). **06.** Скинхеды.
07. Другое _____
08. Затрудняюсь ответить.

Большое спасибо.

Вопросы для интервью

1. Как вы оцениваете роль молодежи в современной политической жизни?
2. Что, по вашему мнению, в настоящее время характерно для политической культуры молодежи?
3. Можно ли в настоящее время говорить о молодежной политической субкультуре?
4. Какие политические ценности характеризуют современную молодежь?
5. Как вы считаете, имеет ли молодежь возможность непосредственно выражать свои интересы, в том числе и политические?
6. Что, по вашему мнению представляют политические интересы молодежи?
7. Как вы считаете, имеются ли в России и Удмуртии условия для выражения политических интересов молодежи?
8. В какой мере органы государственной власти и местного самоуправления учитывают интересы молодежи при определении приоритетных путей социального развития?
9. Учитывают ли ведущие политические силы страны политические интересы и предпочтения молодежи?
10. Насколько в Удмуртии при проведении государственной политики в молодежной сфере принимается во внимание этнический фактор?
11. Какую роль играет традиционная этнокультура в политическом поведении молодежи?
12. Какую роль выполняют общественные организации в приобщении молодежи к современным демократическим ценностям?
13. Какие социальные институты, на ваш взгляд, способствуют формированию политической культуры в молодежной среде?
14. Какой вы хотели бы видеть молодежь в сфере политической жизни общества?

Анкета

Удмуртский институт истории, языка и литературы проводит социологическое исследование молодежи Удмуртской Республики. Мы будем весьма признательны вам за участие в исследовании и искренние ответы на вопросы.

При заполнении анкеты внимательно прочитайте вопрос, после чего обведите номер предложенного варианта, совпадающего с вашим мнением, или впишите свой ответ. Анкета анонимна, результаты опроса будут использованы только в обобщенном виде.

Заранее благодарим вас за помощь и внимание.

1. Ваш пол

01. Мужской. 02. Женский.

2. Ваш возраст

01. 15–17; 02. 18; 03. 19–20 и старше.

3. Кем вы себя считаете по национальности?

01. Русский (-ая); 02. Удмурт (-ка); 03. Татарин (-ка); 04. Иное _____ (указать).

4. Состоите ли вы в какой-либо молодежной организации, объединении и т. д.?

01. Да.

02. Нет.

5. Всем памятно событие 11 декабря 2010 г. на Манежной площади в Москве. На ваш взгляд, что послужило причиной прошедших массовых выступлений?

01. Призывы отдельных лиц и групп к межнациональному противостоянию.

02. Неправильные действия милиции. 03. Бездеятельность государственной власти.

04. Недовольство приезжими с Кавказа. 05. Столкновения между гражданами на национальной почве. 06. Возросшая активность футбольных фанатов. 07. Слышу об этом в первый раз.

08. Ваш вариант _____

6. Возможны ли выступления, подобные тем, что прошли в Москве, у нас в Удмуртии? _____

01. Если да, то почему _____

02. Если нет, то _____

почему _____

03. Затрудняюсь ответить.

7. Как вы относитесь к лозунгу «Россия для русских»?

01. Положительно, поддерживаю его. 02. Отношусь отрицательно. 03. Мне все равно.

04. Затрудняюсь ответить.

8. Что вы будете делать для защиты своих интересов и интересов близких вам людей?

01. Обращусь в суд. 02. Буду участвовать в акциях протеста. 03. Обращусь с жалобой к Президенту РФ. 04. Обращусь с жалобой к Президенту УР. 05. Обращусь за помощью к влиятельным знакомым. 06. Уеду из страны. 07. Обращусь в общественные организации. 08. Обращусь в СМИ. 09. Затрудняюсь ответить.

10. Ваш вариант _____

9. Допускаете ли вы личное участие в перечисленных ниже публичных выступлениях? (укажите все подходящие вам варианты)

01. Голодовка. 02. Забастовка. 03. Марш протеста. 04. Митинги, пикеты. 05. Демонстрации.
06. Ни при каких обстоятельствах не буду в них участвовать. 07. Затрудняюсь ответить.

10. Существует ли у вас лично неприязнь к представителям каких-либо народов?

1) Нет.

2) Если «да», то укажите, к каким именно: 01. К русским. 02. К удмуртам. 03. К татарам.
04. К выходцам из Средней Азии. 05. К евреям. 06. К выходцам с Кавказа. 07. К цыганам.
08. Ваш вариант _____

11. Какие проблемы волнуют вас больше всего на данный момент?

01. Моё будущее. 02. Учеба. 03. Любовь. 04. Здоровье. 05. Трудоустройство.

06. Отношения с друзьями. 07. Отношения с родителями.

08. Другое _____

Большое спасибо.